

2021 | Том 13 | №1

ISSN 2074-9848  
e-ISSN 2310-0532

# БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

ТУРИЗМ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

ISSN 2074-9848  
e-ISSN 2310-0532



# БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

---

---

BALTIJSKIJ REGION

2021 || Том 13 || №1

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского  
федерального университета  
им. И. Канта**

2021

Калининград :  
Изд-во БФУ  
им. И. Канта, 2021.  
187 с.

Журнал основан  
в 2009 году

**Периодичность:**  
ежеквартально  
на русском  
и английском языках

**Учредители:**  
Балтийский  
федеральный  
университет  
им. Иммануила Канта  
Санкт-Петербургский  
государственный  
университет

**Редакция**  
Адрес: 236016, Россия,  
Калининград,  
ул. А. Невского, 14

**Издатель**  
Адрес: 236022, Россия,  
Калининград,  
ул. Гайдара, 6

**Типография**  
Адрес: 236022, Россия,  
Калининград,  
ул. Гайдара, 6

**Выпускающий редактор:**  
Кузнецова  
Татьяна Юрьевна  
tikuznetsova@kantiana.ru  
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2021

### Редакционная коллегия

*А. П. Клемешев*, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Люхто*, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша);

Подписной индекс 32249

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 19.04.2021 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

## **СОДЕРЖАНИЕ**

---

### **Экономика Северо-Запада России**

---

*Третьякова Е. А., Носков А. А.* Инновационная деятельность регионов Северо-западного федерального округа: сопоставительный оценочный анализ ..4

*Шаститко А. Е., Ионкина К. А., Маркова О. А., Морозов А. Н.*  
Институциональный подход на пути к циклической экономике: случай Калининградской области .....23

### **Социальное развитие в Балтийском регионе**

---

*Лачининский С. С., Сорокин И. С.* Пространственная структура и особенности развития поселений Санкт-Петербургской агломерации .....48

*Дворак Я.* Ответ местных властей Литвы на первую волну COVID-19 .....70

*Фидря Е. С.* Культурные установки в восприятии актуальных экологических рисков локальными сообществами Балтийского региона.....89

### **Туризм в Балтийском регионе**

---

*Манаков А. Г., Красильникова И. Н., Иванов И. А.* География въездного туризма и трансграничное туристско-рекреационное регионообразование в Швеции.....108

*Кондратьева С. В.* Проектный подход в трансграничном туристско-рекреационном регионообразовании: карельское приграничье.....124

### **Социально-экономические процессы в странах Евросоюза**

---

*Пальмовский Т.* Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря и ее реализация .....138

*Пилипенко И. В.* Переходный процесс и институты: к вопросу об уровне жизни в странах Центрально-Восточной Европы — членах Европейского Союза.....153

### **Рецензия**

---

«Новый Брест» или частичная стабилизация? Рецензия на книгу: Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. (*К. К. Худoley*).....180



---

---

# ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

---

---

## ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ОЦЕНОЧНЫЙ АНАЛИЗ

---

**Е. А. Третьякова**  
**А. А. Носков**

---

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Поступила в редакцию 02.05.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-1  
© Третьякова Е. А., Носков А. А., 2021

*Основой развития экономики и поддержания конкурентоспособности субъектов РФ является инновационная деятельность. Цель данной работы — сравнение уровней результативности и ресурсной обеспеченности инновационной деятельности среди регионов Северо-Западного федерального округа как одного из наиболее развитых регионов России. Анализ научной литературы показал, что чаще всего в отечественной науке для оценки инновационного развития используются системы интегральных индексов в совокупности с эконометрическими и статистическими подходами. Это послужило причиной использования данных методов в исследовании.*

*Результаты сравнительного анализа выявили значительные различия изучаемых субъектов РФ как по ресурсному обеспечению, так и по результативности инновационной деятельности. Совмещение интегральных индексов ресурсного обеспечения и результатов инновационной деятельности позволило типологизировать регионы, проанализировать динамику их позиций в матрице комплексного оценивания. Исследование показало, что на фоне лидерства Санкт-Петербурга и Ленинградской области другие субъекты округа демонстрируют низкую результативность и эффективность инновационной деятельности. Корреляционно-регрессионный анализ показал сильную зависимость результативности инновационной деятельности от ее уровня, достигнутого в прошлые периоды, и текущего ресурсного обеспечения. В то же время позитивная динамика Новгородской области без принципиального изменения в ее ресурсном обеспечении позволяет сделать вывод о том, что важным является осуществление трансфера результатов инновационной деятельности, достигнутых в регионах с высоким ресурсным обеспечением, в регионы с низким ресурсным обеспечением для достижения положительного эффекта синергии по округу в целом.*

### **Ключевые слова:**

инновации, инновационное развитие, инновационная деятельность, интегральный показатель, интегральный индекс, межрегиональные сравнения, региональная экономика

---

**Для цитирования:** Третьякова Е.А., Носков А.А. Инновационная деятельность регионов Северо-Западного федерального округа: сопоставительный оценочный анализ // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 4–22. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-1.

## **Введение**

В последние годы исследованию инновационного развития и инновационной деятельности посвящено немало научных работ, аналитических докладов и научно-публицистических статей. Инновации рассматриваются в качестве необходимого условия ускоренного прогрессивного развития стран и регионов. Важно отметить, что масштабное создание и внедрение инноваций в регионах Российской Федерации является одним из ключевых факторов выравнивания и обеспечения связности ее экономического пространства, повышения конкурентоспособности и укрепления международных позиций. Для стимулирования инновационной деятельности органами власти используются такие инструменты, как свободный доступ к научно-технической информации, развитие международного и межрегионального научно-технического сотрудничества, создание равных возможностей для участников инновационной деятельности разного уровня, финансирование программ инновационного развития и поддержки предпринимательства и т. д. Вопрос о результативности и эффективности этих мер остается дискуссионным. Как правило, результативность оценивается путем сопоставления планируемых и фактически достигнутых результатов, а эффективность — через сопоставление полученных результатов с затраченными ресурсами. В части оценки результативности авторы нередко отмечают проблему концентрации инвестиций, трудовых ресурсов и результатов в отдельных регионах страны и снижение инновационной активности в остальных регионах [1; 2]. При оценке эффективности довольно часто фиксируется отсутствие четко выраженной взаимосвязи между ресурсным обеспечением и результатами инновационной деятельности в российских регионах [3].

Гипотеза исследования заключается в том, что текущие результаты инновационной деятельности в регионах России в их сопоставительной оценке с другими регионами в значительной мере зависят от ее ресурсного обеспечения и достигнутых ранее результатов, что подчеркивает важность целенаправленного управления процессами инновационного регионального развития. Цель данного исследования — сопоставительная оценка результативности и эффективности инновационной деятельности в регионах Северо-Западного федерального округа, который является одним из ключевых регионов России с точки зрения его инновационного потенциала, научно-исследовательской базы и близости к крупнейшим мировым рынкам сбыта.

## **Обзор методов и методик оценки инновационного развития и инновационной деятельности**

Среди отечественных исследователей инновационное развитие (ИР) чаще всего трактуется как непрерывное использование результатов научной и научно-технической деятельности для обеспечения устойчивости субъектов хозяйствования, а также создание инновационных товаров и услуг в производственно-коммерческой деятельности и их дальнейшее применение [4]. Помимо этого в рамках процессного подхода инновационное развитие рассматривается как затратный процесс, включающий модернизацию существующих и создание новых производственных мощностей, производственно-ориентированную научно-техническую деятельность и развитие инфраструктуры для ее обеспечения [5].

Изучение научной литературы за последние 10 лет позволило выделить наиболее часто встречающиеся методические приемы оценки ИР и инновационной дея-

тельности (ИД). В значительном количестве научных трудов отечественных и зарубежных авторов используются системы комплексных интегральных индексов (см., в частности, [6—13; 11, р. 327—328; 12, р. 70—71; 13—15]). Метод интегральной оценки применяется и в регулярно публикуемом «Рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации» [16]. Кроме того, интегральная комплексная оценка используется при расчете европейского рейтинга European Innovation Scoreboard (EIS)<sup>1</sup>. Присутствуют в научной печати и весьма оригинальные методы интегрального оценивания, например, оценка ИД регионов на основе креативности (индексов «инновативности») [17; 18].

Стоит также отметить, что набор показателей для расчета индексов и рейтингов инновационного развития значительно отличается у разных исследователей, что обусловлено поставленными ими целями.

Довольно часто для оценки ИР и ИД применяются кластерный, эконометрический и статистический анализы, а также оболочечный анализ (DEA) (см., в частности, работы [19; 23—31]).

При использовании метода интегральных комплексных оценок, статистических и эконометрических методов для анализа ИР и ИД регионов России авторы, как правило, обращаются к одной и той же статистической базе данных, благодаря чему эти исследования являются относительно однородными с точки зрения набора ключевых индикаторов и сопоставимыми по полученным результатам.

Наиболее часто для оценки ИР и ИД российских регионов применяются такие показатели, как затраты на технологические инновации, внутренние затраты на исследования и разработки, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, объем инновационных товаров, работ и услуг, количество разработанных и использованных производственных передовых технологий, количество выданных патентов и лицензий. Кроме того, исследователи часто включают показатели, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий (Интернет, объемы переданных данных и др.).

В настоящем исследовании применен метод интегральных комплексных оценок в сочетании с методами статистического и эконометрического анализа, что позволяет оценивать не только сравнительный уровень ИД в каждом из регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО), но и определять, какие факторы в наибольшей степени обусловили достигнутые результаты и в какой мере был использован ресурсный (входной) потенциал.

## Методика исследования

Первоначально на основе официальных статистических данных был сформирован набор показателей, характеризующих ИД регионов с позиций привлекаемых для этого ресурсов и достигнутых результатов<sup>2</sup>. Для устранения искажающего влияния инфляции все стоимостные значения показателей были приведены в постоянные цены (2019 года). Для обеспечения сопоставимости данных в регионах различного масштаба использовались либо относительные показатели (доли, выраженные в процентах), либо стандартизованные, отражающие выраженность явления в расчете на 1 тыс. или 10 тыс. человек населения региона. Состав полученных индикаторов продиктован результатами обзора основных показателей оценки инновационного развития субъектов РФ (см., в частности, [32]).

<sup>1</sup> *The European Innovation Scoreboard*. URL: [https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA\\_20\\_1150](https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_1150) (дата обращения: 02.03.2020).

<sup>2</sup> *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019.*

Инновационная деятельность в регионах реализуется в рамках региональной инновационной системы, на входе в которую поступают различного рода ресурсы, преобразуемые в ходе инновационной деятельности в различного рода инновационные продукты (являющиеся результатами инновационной деятельности)<sup>3</sup>.

В данном исследовании ресурсное обеспечение инновационной деятельности оценивалось с помощью показателей, характеризующих масштабы затрат интеллектуальных, трудовых, финансовых и информационных ресурсов. При этом использовались следующие показатели:

- число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в расчете на 100 тыс. чел. населения;
- численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- численность аспирантов в расчете на 10 тыс. чел. населения;
- численность докторантов в расчете на 100 тыс. чел. населения;
- затраты на технологические инновации в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- используемые передовые производственные технологии в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- удельный вес организаций, применяющих информационные и коммуникационные технологии, %.

В качестве индикаторов, характеризующих результаты ИД (продукты, созданные в ходе ее осуществления), использовались:

- объем инновационных товаров, работ и услуг в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- количество выданных патентов в расчете на 10 тыс. чел. населения;
- разработанные передовые производственные технологии в расчете на 100 тыс. чел. населения;
- число соглашений по экспорту и импорту технологий и услуг технического характера в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- число высокопроизводительных рабочих мест в расчете на 1 тыс. человек населения;
- число аспирантов, выпустившихся из аспирантуры с защитой диссертации, в расчете на 10 тыс. чел. населения;
- число докторантов, выпустившихся из докторантуры с защитой диссертации, в расчете на 100 тыс. чел. населения.

Далее индикаторы подвергались процедуре нормализации путем отнесения значения индикатора в данном регионе к значению индикатора по федеральному округу в целом. Нормализованное значение (НЗ) характеризует уровень, достигнутый в данном регионе СЗФО, по сравнению со средним уровнем, достигнутым по федеральному округу в целом:

$$\text{НЗ} = \frac{\text{Значение индикатора по региону}}{\text{Значение показателя в среднем по ФО}} \quad (1)$$

<sup>3</sup> Справочно: «Ресурсы — это все то, что используется в экономике (входящий в экономический поток. <...> Продукт — все то, что производится, создается и используется в экономике» (Райзберг Б. А., Стародубцева Е. Б. Курс экономики : учебник. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 33—35); «Inputs are commodities or services that are used to produce goods and services. An economy uses its existing technology to combine inputs to produce outputs. Outputs are the various useful goods or services that result from the production process» (Samuelson P. A., Nordhaus W. D. Economics. N. Y. : McGraw-Hill Companies, 2010. P. 9).



При данном подходе среднее значение по округу выступает в качестве эталона, или базы сравнения. Если НЗ больше единицы, то достигнутый в регионе уровень выше, чем в среднем по федеральному округу. В противном случае – ниже, чем в среднем по федеральному округу.

В дальнейшем по формуле средней арифметической производился расчет интегрального индекса ресурсного обеспечения по входным индикаторам и интегрального индекса результатов инновационной деятельности по выходным индикаторам:

$$Input I = \frac{(I_1 + I_2 + I_3 + \dots + I_n)}{N}, \quad (2)$$

$$Output I = \frac{(I_1 + I_2 + I_3 + \dots + I_n)}{N}, \quad (3)$$

где *Input I* — интегральный индекс ресурсного обеспечения ИД;

*Output I* — интегральный индекс результатов ИД;

$I_1, I_2, I_3, \dots, I_n$  — входные или выходные индикаторы;

$N$  — количество показателей.

Интегральные индексы комплексно характеризуют уровень, достигнутый в регионе, по сравнению со средним по федеральному округу. Если значение интегрального индекса превышает единицу, то достигнутый в регионе уровень (по ресурсному обеспечению или результатам ИД) в целом выше, чем в среднем по федеральному округу. В противном случае — ниже, чем в среднем по федеральному округу.

При расчете данных индексов используемые показатели рассматривались как равноценные по своей значимости. Это позволило избежать субъективности, отмечаемой при использовании экспертных оценок, при установлении весов значимости для каждого отдельного индикатора.

Объединение интегральных входных и выходных оценок позволило применить матричный метод и выделить определенные типы регионов в соответствии с квадрантами матрицы (рис. 1).

Output I. <i>Выше, чем в ФО</i>	<b>Квадрант 2</b> Дисбаланс процессов ИД — высокая результативность при низкой ресурсной обеспеченности	<b>Квадрант 3</b> Сбалансированность ресурсного обеспечения и результативности ИД на высоком уровне
	<b>Квадрант 1</b> Сбалансированность ресурсного обеспечения и результативности ИД на низком уровне	<b>Квадрант 4</b> Дисбаланс процессов ИД — низкая результативность при высокой ресурсной обеспеченности
1,0 <i>Ниже, чем в ФО</i>	<i>Ниже, чем в ФО</i>	<i>Выше, чем в ФО</i> Input I. 1,0

Рис. 1. Матрица комплексного оценивания ИД регионов

Сопоставление интегральных оценок результативности и ресурсного обеспечения позволяет рассчитать индекс условной эффективности ИД регионов (EI), характеризующий то, какое количество условных единиц выхода (результатов ИД) приходится на одну условную единицу входа (затраченных на ИД ресурсов):

$$EI = \frac{\text{Output } I.}{\text{Input } I.}, \tag{4}$$

где  $EI$  — индекс условной эффективности ИД региона.

Если значение индекса условной эффективности превышает единицу, то ИД можно оценивать как эффективную, поскольку на одну единицу ресурсного обеспечения (входов) приходится больше одной единицы достигнутых результатов (выходов).

Для оценки взаимосвязи между ресурсным обеспечением и результативностью ИД был применен метод корреляционного анализа. Коэффициенты корреляции рассчитывались между значениями интегральных индексов входов и выходов. Для оценки степени зависимости результатов инновационной деятельности регионов от ее ресурсного обеспечения использовался метод регрессионного анализа панельных данных.

### Результаты сопоставительного оценочного анализа инновационной деятельности в регионах СЗФО

Оценка ИД в регионах СЗФО проводилась с 2009 по 2018 год. Исследование показало, что для СЗФО характерна неравномерность распределения ресурсов и результатов инновационной деятельности между его регионами. В частности, более 80% затрат на технологические инновации, внутренних затрат на исследования и разработки, а также более 80% численности персонала, занятого исследованиями и разработками, сконцентрировано всего в двух субъектах федерации: Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Значения коэффициентов вариации свидетельствуют о высокой неоднородности распределения ресурсного обеспечения инновационной деятельности, а значения индексов Херфиндаля — Хиршмана — о высокой степени его концентрации (рис. 2—4).

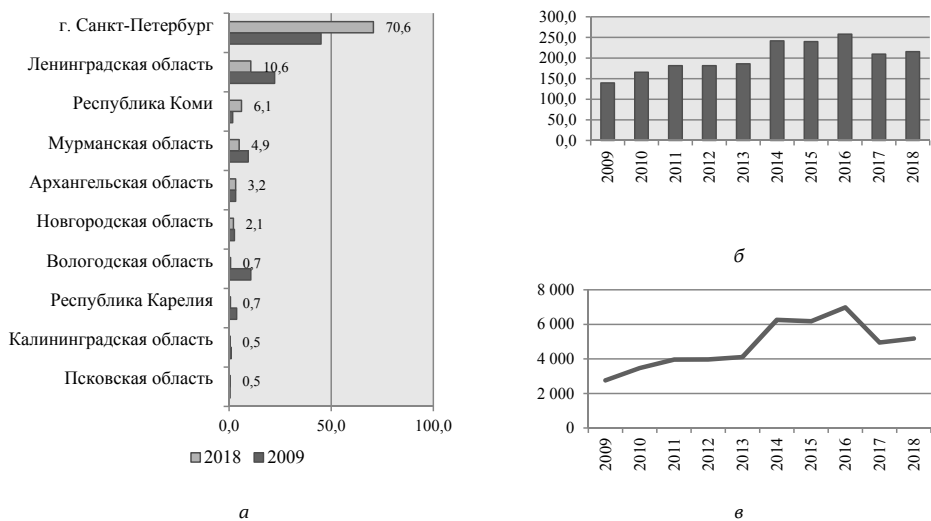


Рис. 2. Затраты на технологические инновации:

а — доля регионов в общей сумме затрат на технологические инновации по СЗФО, %;  
 б — коэффициент вариации; в — индекс Херфиндаля-Хиршмана

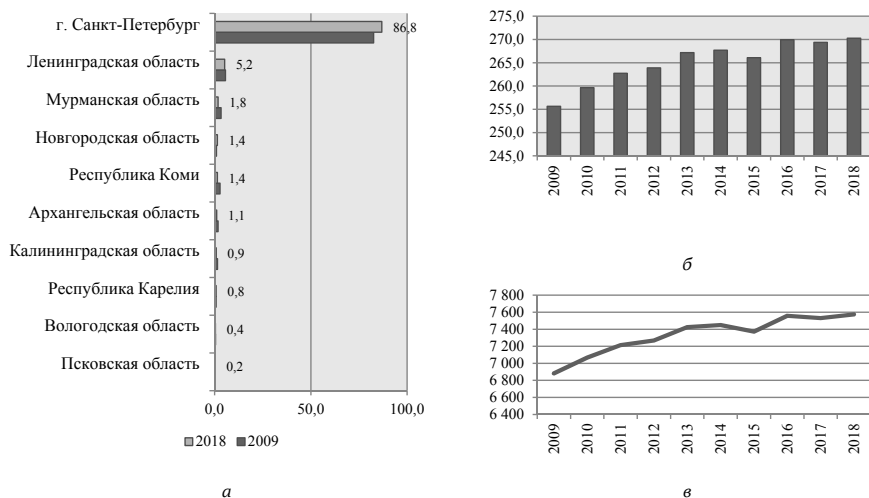


Рис. 3. Внутренние затраты на научные исследования и разработки:

а — доля регионов в общей сумме внутренних затрат на научные исследования и разработки по СЗФО, %; б — коэффициент вариации; в — индекс Херфиндаля — Хиршмана

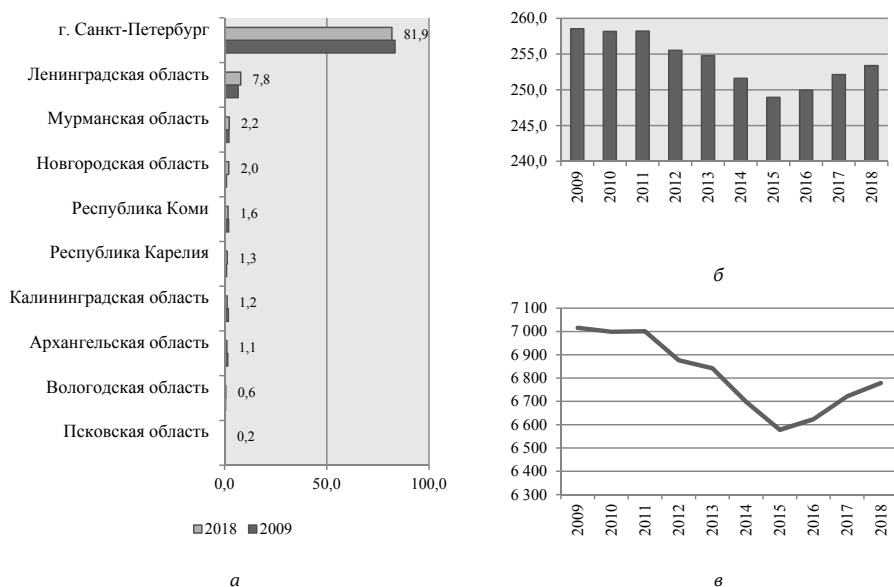


Рис. 4. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками:

а — доля регионов в общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками СЗФО, %; б — коэффициент вариации; в — индекс Херфиндаля — Хиршмана

Аналогичная ситуация отмечена и в отношении ключевого результативного показателя — объема инновационных товаров, работ и услуг (рис. 5). В отношении другого результативного показателя — числа разработанных передовых производственных технологий (рис. 6) — наметилась тенденция к снижению степени дифференциации и концентрации (хотя они продолжают оставаться достаточно высокими).

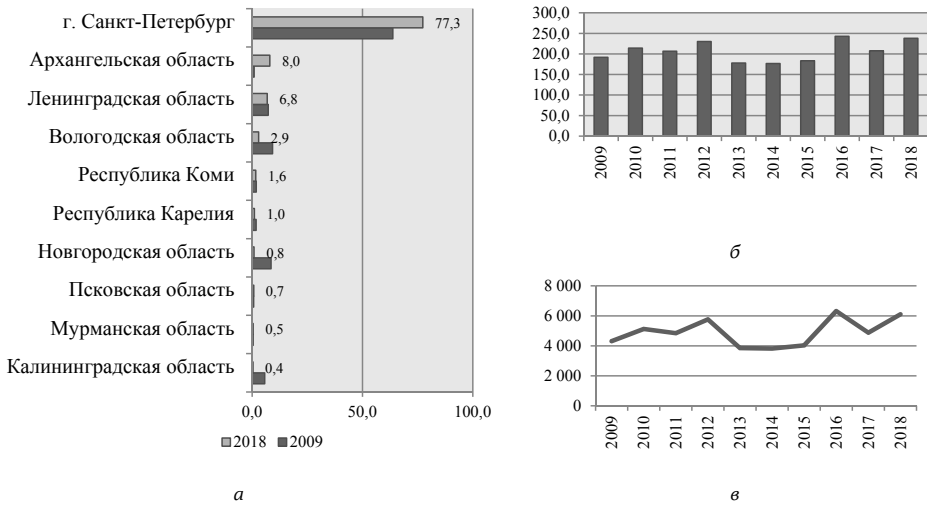


Рис. 5. Объем инновационных товаров, работ и услуг:

а — доля регионов в общей сумме инновационных товаров, работ и услуг СЗФО, %;  
 б — коэффициент вариации; в — индекс Херфиндаля — Хиршмана

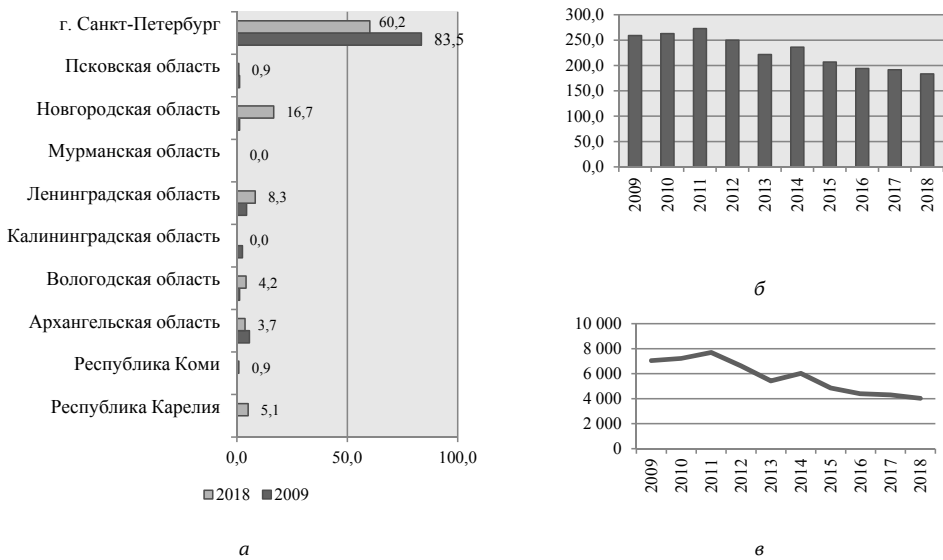


Рис. 6. Число разработанных передовых производственных технологий:

а — доля регионов в общем числе созданных передовых производственных технологий СЗФО, %;  
 б — коэффициент вариации; в — индекс Херфиндаля — Хиршмана

Динамика интегрального индекса ресурсного обеспечения ИД регионов СЗФО (рис. 7) наглядно отражает преимущества северной столицы с почти двукратным превышением средних значений по СЗФО и отставание от ее уровня других регионов.

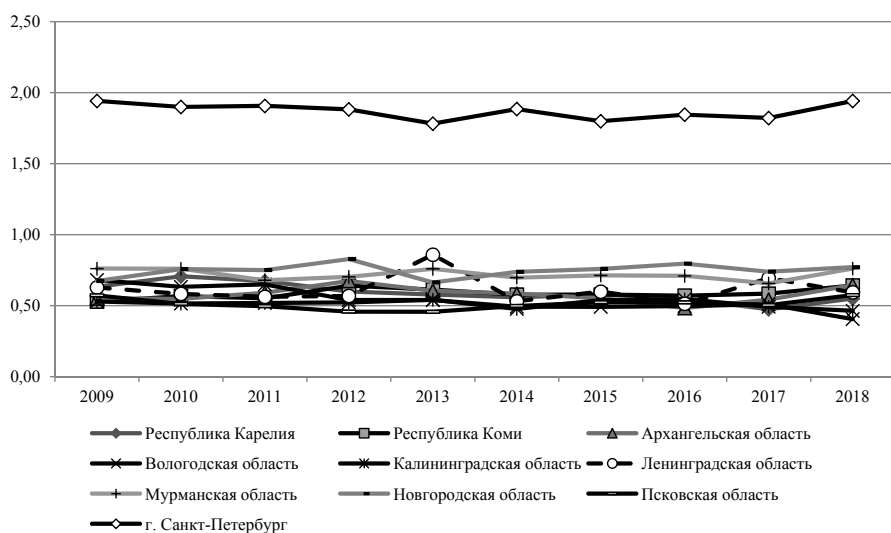


Рис. 7. Динамика интегрального индекса ресурсного обеспечения ИД регионов СЗФО

Динамика интегрального индекса результатов ИД регионов СЗФО (рис. 8) также свидетельствует о двукратном превышении результатов ИД в северной столице по сравнению со средними значениями по СЗФО в целом.

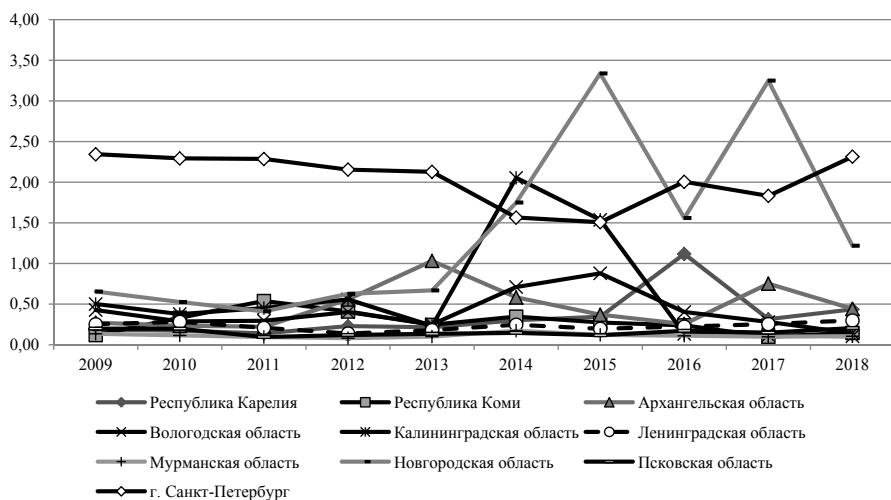
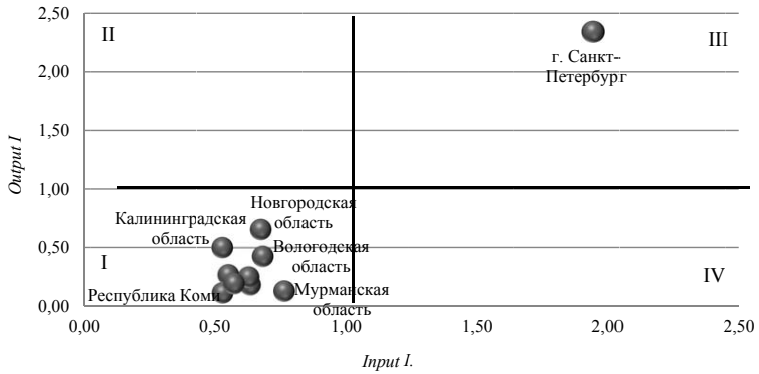


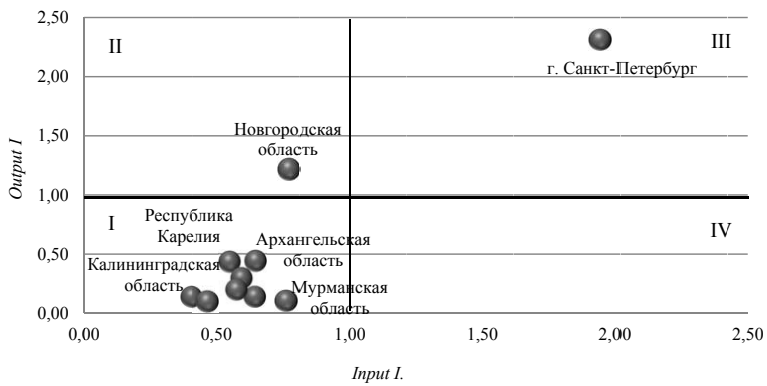
Рис. 8. Динамика интегрального индекса результатов ИД СЗФО

Объединение значений интегральных индексов ресурсного обеспечения и результативности ИД позволило определить типы регионов СЗФО (рис. 9). В квадранте 3 матрицы комплексного оценивания, который соответствует стабильно высокому уровню как ресурсного обеспечения, так и результативности ИД, на протяжении всего исследуемого периода находился только Санкт-Петербург. Позиции остальных регионов СЗФО были преимущественно сконцентрированы в квадранте 1 с относительно низким уровнем и ресурсного обеспечения, и результативности ИД.





а



б

Рис. 9. Комплексная оценка ИД регионов СЗФО:  
а – 2009 год; б – 2018 год

Особо следует отметить Новгородскую область, которая при ресурсном обеспечении ниже среднего уровня по СЗФО в последние годы показывает результаты выше среднего уровня. Траектория ее позиций в матрице комплексного оценивания показывает сформировавшийся вектор движения из квадранта 1 в квадрант 2 (рис. 10).

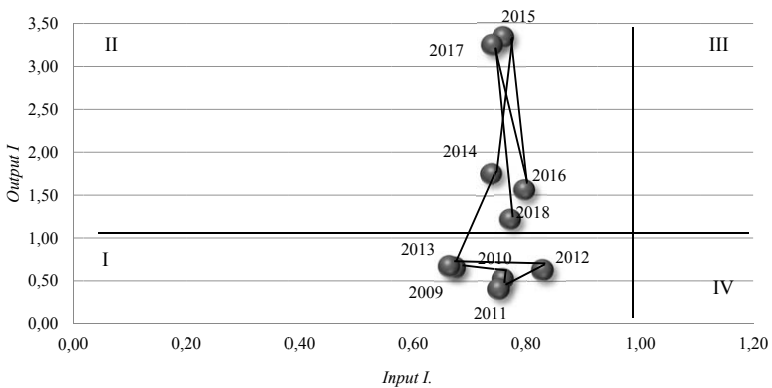


Рис. 10. Траектория позиций Новгородской области  
в матрице комплексного оценивания

Во многом сформировавшийся тренд в Новгородской области был обусловлен активной позицией органов власти, реализующих программы социально-экономического и информационно-коммуникационного развития территории, активно привлекающих частные инвестиции и развивающих различные формы государственно-частного партнерства [33, с. 870-872], поддерживающих внешнеэкономическую деятельность. Немаловажным фактором является и близость региона к обеим столицам с возможностью «импорта» инноваций, научно-технической интеграцией и реализации возможности целевой поддержки инновационных проектов со стороны федерального правительства.

Колебания позиций этого региона внутри второго квадранта говорят о необходимости стабилизации достигнутых результатов и формирования программ, нацеленных на обеспечение его дальнейшей прогрессивной динамики (с последующим перемещением в квадрант III).

Важно отметить, что Калининградская область, совершившая «рывок» в те же годы, что и Новгородская область, так и не смогла закрепиться во втором квадранте (рис. 11). Для этого ей не хватило необходимого ресурсного обеспечения, так как в регионе наблюдалось существенное снижение и количества научных организаций, и численности научно-исследовательского персонала, сопровождавшееся падением величины совокупных затрат на технологические инновации с 2015 года. В итоге отмечается значительный спад в числе разработанных передовых производственных технологий. К середине 2016 года затраты на инновации упали в 2,5 раза и более чем в 2 раза сократилось число используемых предприятиями объектов интеллектуальной собственности региона. Усугубила ситуацию и недостаточная активность бизнеса в создании НИОКР [34]. Сложившаяся ситуация объясняет и снижение эффективности ИД региона в последующие годы.

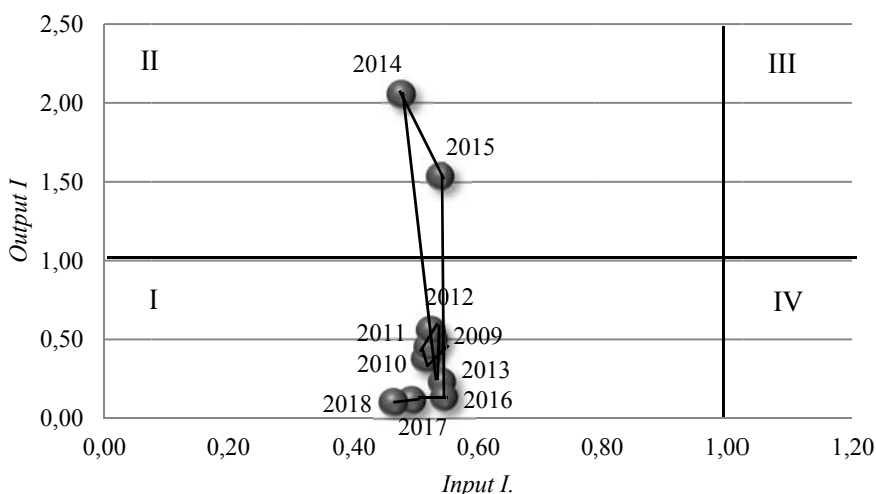


Рис. 11. Траектория позиций Калининградской области в матрице комплексного оценивания

Аналогичная ситуация, но в менее выраженной форме (скачок результативности выше среднего по округу) наблюдалась в Архангельской области в 2013 году.

Результаты соотнесения значений интегральных индексов входов и выходов ИР регионов с расчетом индекса условной эффективности ИД исследуемых регионов отражены в таблице.

## Условная эффективность ИР регионов СЗФО

Регион	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Карелия	0,41	0,40	0,29	0,37	0,42	0,53	0,54	1,48	0,67	0,74
Республика Коми	0,64	0,95	1,03	0,59	0,84	0,88	0,95	0,71	0,46	0,47
Архангельская область	0,74	0,75	0,67	1,04	1,53	1,02	0,79	0,84	1,28	0,74
Вологодская область	0,70	0,62	0,56	0,83	0,56	1,16	1,40	0,80	0,61	0,39
Калининградская область	1,25	0,88	0,99	1,21	0,85	3,28	2,24	0,56	0,47	0,41
Ленинградская область	0,94	0,99	0,90	0,85	0,52	0,87	0,74	0,98	0,69	0,95
Мурманская область	0,68	0,63	0,55	0,51	0,50	0,64	0,52	0,52	0,50	0,35
Новгородская область	1,34	0,97	0,80	0,79	0,95	1,77	3,06	1,47	2,98	1,21
Псковская область	0,33	0,40	0,27	0,28	0,41	0,38	0,30	0,37	0,37	0,41
Санкт-Петербург	1,02	1,03	1,06	1,03	1,07	0,84	0,86	1,01	0,99	1,12

*Примечание:* жирным шрифтом выделены значения условной эффективности равные единице и выше единицы.

Сравнение позиций регионов в матрице комплексного оценивания и показателей условной эффективности ИД позволило сделать вывод о наличии зависимости между ними.

Регионы с низким ресурсным обеспечением преимущественно демонстрируют не только низкую результативность ИД (квадрант I), но и ее низкую эффективность. Регионы, перемещающиеся в квадрант II, демонстрируют при этом высокие показатели эффективности. Единственный регион, находящийся в квадранте III (Санкт-Петербург), характеризуется относительно высокой условной эффективностью ИД при ее высоком ресурсном обеспечении.

Корреляционный анализ показал высокую степень взаимосвязи между ресурсным обеспечением и результативностью инновационной деятельности в регионах СЗФО (коэффициент парной корреляции между соответствующими интегральными индексами составил 0,6838).

Регрессионный анализ панельных данных проводился с применением эконометрического пакета Gretl. Так как состав регионов СЗФО является фиксированным, то использовались два вида моделей: модель с фиксированными эффектами и обычная МНК-модель (pooled regression model). В анализ было включено 10 пространственных объектов (регионов СЗФО), длина временного ряда – 10 лет. Таким образом, общее число наблюдений составило 100. При моделировании применялись робастные стандартные ошибки.

При сопоставлении интегральных индексов входов и выходов инновационной деятельности регионов СЗФО модель с фиксированными эффектами показала статистическую незначимость пространственных эффектов, поэтому была построена МНК-модель (pooled regression) следующего вида (в скобках указаны стандартные ошибки):

$$\hat{l}_{\_OutputI} = -0,074 + 0,491 \cdot l_{\_InputI} + 0,559 \cdot l_{\_OutputI}(-1), \quad (5)$$

(0,0344)            (0,0432)            (0,0478)

где  $\hat{l}_{\_OutputI}$  — логарифм интегрального индекса результативности ИД (оценка);

$l_{\_InputI}$  — логарифм интегрального индекса ресурсного обеспечения ИД;

$l_{\_OutputI}(-1)$  — логарифм интегрального индекса результативности ИД с лагом в один год.

Модель является статистически значимой, параметры  $l\_InputI$  и  $l\_OutputI(-1)$  значимы на 1 %-ном уровне, константа — на 10 %-ном. Коэффициент детерминации равен 0,722, р-значение F-критерия равно 2,84e-12, что свидетельствует о статистической значимости уравнения в целом. Тест Рамсея подтвердил корректность спецификации модели, тест на нормальное распределение показал, что ошибки распределены по нормальному закону. Значение коэффициента вздутия дисперсии указывало на отсутствие мультиколлинеарности в модели.

Из уравнения (5) следует, что результативность ИД регионов СЗФО напрямую зависит от ее ресурсного обеспечения и достигнутых ранее результатов. При этом рост обеспеченности ресурсами на 1 % влечет за собой повышение результативности ИД на 0,5 %, а рост результативности в прошлом периоде на 1 % обеспечивает ее рост в текущем периоде на 0,6 %.

Моделирование зависимости ключевого результата инновационной деятельности – объема инновационных товаров, работ и услуг – от факторных переменных вводимых ресурсов показало, что наилучшей по параметрам снова стала МНК-модель (модель с фиксированными эффектами вновь показала их статистическую незначимость) вида

$$\hat{l\_ITRU} = -0,148 + 0,381 \cdot l\_ZTTI + 0,599 \cdot l\_ITRU(-1), \quad (6)$$

(0,136)                      (0,132)                      (0,118)

где  $\hat{l\_ITRU}$  — логарифм стандартизованного значения объема инновационных товаров, работ и услуг (оценка);

$l\_ZTTI$  — логарифм стандартизованного значения затрат на технологические инновации;

$l\_ITRU(-1)$  — логарифм стандартизованного значения объема инновационных товаров, работ и услуг с лагом в один год.

Модель является статистически значимой, параметр  $l\_ZTTI$  значим на 5 %-ном уровне, параметр  $l\_ITRU(-1)$  — на 1 %-ном уровне. Коэффициент детерминации равен 0,6470, р-значение F-критерия равно 2,60e-07, что свидетельствует о статистической значимости уравнения в целом. Тест Рамсея подтвердил корректность спецификации модели, тест на нормальное распределение показал, что ошибки распределены по нормальному закону. Значение коэффициента вздутия дисперсии указывало на отсутствие мультиколлинеарности в модели.

Из уравнения следует, что результативность объема инновационных товаров, работ и услуг, производимых в регионах СЗФО, напрямую зависит от затрат на технологические инновации и достигнутых ранее результатов. При этом рост затрат на технологические инновации на 1 % влечет за собой увеличение объема выпуска инновационных товаров, работ и услуг на 0,38 %, а рост объема выпуска инновационных товаров в прошлом периоде на 1 % обеспечивает его рост в текущем периоде на 0,6 %.

## **Выводы и обсуждение результатов исследования**

Предложенный авторский инструментарий сравнительной оценки инновационной деятельности позволяет оценить масштабность различий инновационного развития регионов внутри округа, динамику их сравнительных позиций с точки зрения ресурсного обеспечения и результативности инновационной деятельности, определить тип региона, а также факторы, влияющие на его траекторию в динамике за ряд лет, что представляет собой определенный научно-методический вклад в развитие оценочного аппарата теории инноваций.

Практическая значимость предлагаемого инструментария доказана результатами апробации. В частности, с его использованием были выявлены особенности инновационного развития регионов Северо-Западного федерального округа. Ключевой

из них является крайняя неоднородность распределения ресурсного обеспечения и результатов инновационной деятельности (на Санкт-Петербург и Ленинградскую область приходится подавляющая их часть). Анализ значений интегральных индексов ресурсного обеспечения и результатов ИД позволил провести типологизацию изучаемых регионов по критериям затраченных ресурсов и полученных результатов. Исследование показало, что большинство субъектов СЗФО демонстрирует низкую эффективность инновационной деятельности. Лидером по результативности и эффективности стабильно являлся Санкт-Петербург. В динамике отмечена также положительная тенденция к росту результативности и эффективности инновационной деятельности в Новгородской области.

Аналогичное исследование, проведенное авторами ранее на примере Приволжского федерального округа (ПФО) [35], также показало высокую неравномерность распределения ресурсов и результатов инновационной активности регионов с концентрацией их позиций в определенных квадрантах матрицы комплексного оценивания. Существенной разницей стало то, что в СЗФО, в отличие от ПФО, отсутствуют регионы, показывающие сравнительно низкую результативность инновационной деятельности на фоне сравнительно высокого уровня ее ресурсного обеспечения. Помимо этого для регионов ПФО характерна более высокая нестабильность значений интегральных индексов в сопоставлении с их значениями в регионах СЗФО.

Необходимо отметить, что колебания показателей условной эффективности ИД регионов (табл.) обусловлены нестабильностью показателей ее ресурсного обеспечения и результативности в динамике. Так, резкое увеличение результативности ИД в одном регионе при проведении сравнительной оценки автоматически приводит к заметному снижению индексов результативности в других регионах. В этом заключается одновременно и достоинство, и недостаток предлагаемой методики. Недостаток проявляется в невозможности осуществления автономной оценки результативности и эффективности ИД в каждом отдельном регионе, а достоинство — в постоянном сравнении ресурсного обеспечения и результативности ИД в данном регионе с другими регионами округа. Это сравнение помогает органам региональной власти вырабатывать стратегически верные решения, нацеленные на сохранение или повышение рейтинговых позиций собственного региона с учетом динамики позиций других регионов округа.

Корреляционно-регрессионный анализ на основе панельных данных показал значимую прямую зависимость между результативностью ИД и ее ресурсным обеспечением в регионах СЗФО. Модель зависимости объема инновационных товаров, работ и услуг от факторных переменных вводимых ресурсов показала, что наибольшее влияние на этот показатель оказывают затраты на технологические инновации и полученные ранее результаты. Это подчеркивает важность поддержания имеющегося уровня инновационного развития региона и регулярное инвестирование средств в совершенствование производственных процессов и технологий.

При ограниченности ресурсов инновационной деятельности важно, чтобы ее результаты, достигнутые в одном из регионов округа, были доступны для внедрения и использования в других регионах. Это позволит регионам с низким ресурсным обеспечением (квадрант I) за счет использования результатов, полученных в регионах с высоким ресурсным обеспечением (квадрант III) повысить результативность своей инновационной деятельности (переместиться в квадрант II). Такой положительный эффект синергии мог бы быть значимым стимулом для развития всего СЗФО как единой административно-территориальной системы. В связи с этим важным является согласование программ инновационного развития, предусматривающих не только создание, но и масштабное внедрение инноваций, выходящее за пределы территории отдельного субъекта РФ, их сгенерировавшего.



## Список литературы

1. Ходос Д. В., Паршуков Д. В., Зелезинский А. Л. Инновационное развитие регионов: модели анализа и оценка перспектив // Инновационное развитие экономики. 2018. № 2 (44). С. 79—88.
2. Кочкин Т. Н. Дифференциация регионов Северо-Западного федерального округа по инвестиционным и инновационным рейтингам // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. № 4 (38). С. 276—278.
3. I'ina I.E., Zharova E.N., Agamirova E.V., Kamenskij A.S. Innovative development of regions // *Regionology*. 2018. Vol. 26, № 2 (103). P. 230—255. doi: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255.
4. Маркина Ю. В. Особенности инновационного развития на региональном уровне // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9418> (дата обращения: 21.06.2020).
5. Зимовец А. В. Мезоинновационные риски как фактор развития региона : монография. Таганрог, 2009.
6. Третьякова Е. А. Индикаторы инновационного развития экономики России: проблемы прогнозирования // ЭКО. 2016. № 12. С. 155—164. doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ЕCO0131-7652-2016-12-155-164>.
7. Трещевский Д. Ю. Оценка инновационного развития регионов России на основе группировки по нормализованным статистическим показателям // ФЭС: Финансы. Экономика. 2011. № 4. С. 30—34.
8. Вертакова Ю. В., Греченюк О. Н., Греченюк А. В., Самарина В. П. Комплексная оценка инновационного развития Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3 (20). С. 60—72.
9. Плотникова Т. Н., Коняхина Т. Б., Соломонова Е. Б. Индикативная оценка инновационной восприимчивости региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 12 (1). С. 181—186.
10. Тер-Григорьянц А.А., Ушвицкий М. Л. Методические подходы к оценке инновационного развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 10. С. 49—56.
11. Khalid U., Zhiying L. Innovation Index Framework to Measure the Innovation Capacity and Efficiency of SAARC Countries // *European Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 46, № 3. P. 325—338.
12. Janoskova K., Kral P. An In-Depth Analysis of the Summary Innovation Index in the V4 Countries // *Journal of Competitiveness*. 2019. № 11 (2). P. 68—83. doi: 10.7441/joc.2019.02.05.
13. Holgersson T., Kekezi O. Towards a multivariate innovation index // *Economics of Innovation and New Technology*. 2018. № 27 (3). P. 254—272. doi: 10.1080/10438599.2017.1331788.
14. Meyer D. F., Jongh J. De, Meyer N. The formulation of a composite regional development index // *International journal of business and management studies*. 2016. Vol. 8, № 1. P. 100—116.
15. Majerová I. Regional development and its measurement in Visegrad Group countries // *Deturope*. 2018. № 10 (2). P. 17—37.
16. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / под ред. Л. М. Гохберга. М., 2020.
17. Лапаев С. П. Оценка уровня инновационного развития регионов на основе креативности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 8 (127). С. 52—57.
18. Щипков Д. О., Барзыкина Г. А. Инновационное развитие регионов России: методика оценки и современное состояние // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита : матер. VIII Междунар. молодежной науч.-практ. конф. Курск, 2016. С. 458—466.
19. Миролюбова Т. В., Суханова П. А. Индикативная оценка региональной инновационной системы с учетом кластерного подхода. Пермь, 2016.
20. Нижнегородцев Р. М., Горидько Н. П. Инновационные факторы экономического роста регионов России: кластерный анализ // XII Всерос. совещание по проблемам управления ВСПУ-2014. М., 2014. С. 6088—6093.
21. Kookueva V., Tsertseil Y. Clustering as a basis for an innovative development strategy // *European Research Studies Journal*. 2018. № 21. P. 818—830. doi: 10.35808/ersj/1249.
22. Klóška R. Proinnovative regional development in Poland as a criterion for cluster analysis // *Ekonomiczne Problemy Usług*. 2018. № 129. P. 143—151. doi: 10.18276/epu.2017.129-12.

23. Cui D., Yu Y., Song Z. Cluster Analysis of Regional Economic Development in Hebei Province // Results of the International Conference on Engineering Education and Management. 2011. Vol. 1. P. 35—40. doi:10.1007/978-3-642-24823-8\_6.
24. Shchur R., Plets I., Mykytiuk O. Cluster analysis ukrainian regional distribution by level of innovation // The actual problems of regional economy development. 2017. № 1 (13). P. 112—121. doi: 10.15330/apred.1.13.111-122.
25. Мамаева З. М. Оценка инновационного развития регионов: эконометрический подход // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2 (2). С. 202—208.
26. Klóska R. Statistical Analysis of Regional Development in Poland Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego // Problemy Zarządzania, Finansów i Marketingu. 2015. № 40. P. 9—22. doi: 10.18276/pzfm.2015.40—01.
27. Рослякова Н. А. Использование методики DEA для оценки перспектив инновационное го развития Северо-Запада // Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратеги научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад» : матер. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2018. С. 67—73.
28. Namazi M., Mohammadi E. Natural resource dependence and economic growth: A TOPSIS/DEA analysis of innovation efficiency // Resources Policy. 2018. № 59. P. 544—552. doi:10.1016/j.resourpol.2018.09.015.
29. Stanković J., Marjanović I., Stojković N. DEA Assessment of Socio-economic Development of European Countries // Management: Journal of Sustainable Business and Management Solutions in Emerging Economies. URL: <http://management.fon.bg.ac.rs/index.php/mng/article/view/342> (дата обращения: 08.07.2020). doi: 10.7595/management.fon.2020.0012.
30. Yang Z. Empirical analysis of regional development level based on DEA model // International Journal of Applied Mathematics and Statistics. 2013. № 51. P. 272—280.
31. Anderson H., Gyamfi S., Stejskal J. Efficiency of intellectual capital generation: a DEA analysis of selected EU regions // Mezinárodní kolokvium o regionálních vědách. Velké Bílovice, 2019. P. 177—184. doi:10.5817/cz.muni.p210-9268-2019-22.
32. Носков А. А. Применение процессного подхода к оценке инновационного развития регионов с учетом влияния научно-инновационной деятельности вузов. Пермь, 2019.
33. Курочкин А. В., Годунова Е. А. Факторы эффективности инновационного развития региона в условиях цифровизации (на примере Новгородской области) // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9, № 3. С. 865—874. doi: 10.18334/vinec.9.3.41002.
34. Михайлова А. А. Инновационная безопасность региона: проблема формирования инновационной среды Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2017. № 4. С. 19—38.
35. Носков А. А., Третьякова Е. А. Оценка влияния научно-инновационной деятельности вузов на уровень инновационного развития регионов // Друковский вестник. 2017. № 6 (20). С. 163—182. doi:10.17213/2312-6469-2017-6-163-182.

## Об авторах

**Елена Андреевна Третьякова**, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия.

E-mail: e.a.t.pnrpu@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

**Алексей Александрович Носков**, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия.

E-mail: noskov.alexey01@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0704-0932>

# INNOVATION PERFORMANCE OF RUSSIA'S NORTHWESTERN REGIONS: A COMPARATIVE EVALUATION

E. A. Tretyakova  
A. A. Noskov

Perm State University  
15, Bukireva St., Perm, 614990, Russia

Received 02 May 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-1  
© Tretyakova, E. A., Noskov, A. A., 2021

*Innovative activities underpin the economic development and competitiveness of Russian regions. This article seeks to compare the innovation performance of Russia's northwestern regions, which are among the most progressive in the country, and their available resource. A review of the literature suggests that most Russian publications combine systems of composite indices with econometric and statistical approaches to evaluate regional innovation performance. The same methods are employed in this study. Comparative analysis indicates significant differences between the regions in both available resource and innovation advancements. Juxtaposing composite resource availability indices and innovation performance aided in devising a typology of regions and analysing changes in the position in a composite evaluation matrix. The findings demonstrate that Saint Petersburg and the Leningrad region comfortably outperform the other northwestern regions in innovation. Regression and correlation analysis reveals that innovation performance depends crucially on earlier achievements and currently available resources. The Novgorod region, however, is making headway without a marked change in the level of resources. Thus, it is important to transfer innovations designed in resource-rich regions to their less well-off counterparts to achieve positive synergy throughout northwest Russia.*

## Keywords:

innovations, innovative development, innovative activity, composite indicator, integral index, interregional comparisons, regional economy

## References

1. Hodos, D. V., Parshukov, D. V., Zelezinskij, A. L. 2018, Innovative development of regions: models of analysis and assessment of prospects, *Innovacionnoe razvitie jekonomiki* [Innovative development of the economy], no. 2 (44), p. 79–88 (In Russ.).
2. Kochkin, T. N. 2020, Differentiation of regions of the Northwestern Federal District by investment and innovation ratings, *Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian], no. 4 (38), p. 276–278 (In Russ.).
3. Ilina, I. E., Zharova, E. N., Agamirova, E. V., Kamenskiy, A. S. 2018, Innovative Development of the Regions of Russia, Innovative development of regions, *Regionologija* [Russian Journal of Regional Studies = REGIONOLOGY], no. 26, no. 2 (103), p. 230–255. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255>.
4. Markina, Ju. V. 2013, Features of innovative development at the regional level, *Modern Problems of Science and Education. Surgery*, no. 3, p. 307.
5. Zimovets, A. V. 2009, *Mezoinnovacionnye riski kak faktor razvitija regiona* [Meso-innovative risks as a factor in the development of the region], Taganrog (In Russ.).

6. Tret'yakova, E. A. 2016, Indicators of innovative development of the Russian economy: problems of forecasting, *JeKO* [ECO], no. 12, p. 155–164. doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2016-12-155-164> (In Russ.).
7. Treshchevskii, D. Ju. 2011, Assessment of the innovative development of Russian regions based on grouping according to normalized statistical indicators, *FJeS: Finansy. Jekonomika* [FES: Finance. Economy], no. 4. p. 30–34 (In Russ.).
8. Vertakova, Ju. V., Grechenyuk, O. N., Grechenyuk, A. V. 2016, Comprehensive assessment of the innovative development of the Kursk region, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of South-West State University. Series Economy. Sociology. Management], no. 3 (20), p. 60–72 (In Russ.).
9. Plotnikova, T. N., Konyakhina, T. B., Solomonova, E. B. 2015, Indicative assessment of the region's innovative susceptibility, *Fundamental'noe stremlenie* [Fundamental aspiration], vol. 12, no. 1, p. 181–186 (In Russ.).
10. Ter-Grigoryants, A. A., Ushvitskiy, M. L. 2013, Methodical approaches to assessment of innovative development of the region, *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 10, p. 49–56.
11. Khalid, U., Zhiying, L. 2015, Innovation Index Framework to Measure the Innovation Capacity and Efficiency of SAARC Countries, *European Journal of Social Sciences*, vol. 46, no. 3, p. 325–338.
12. Janoskova, K., Kral, P. 2019, An In-Depth Analysis of the Summary Innovation Index in the V4 Countries, *Journal of Competitiveness*, vol. 11, no. 2, p.68–83. doi: <https://doi.org/10.7441/joc.2019.02.05>.
13. Holgersson, T., Kekezi, O. 2018, Towards a multivariate innovation index, *Economics of Innovation and New Technology*, vol. 27, no. 3, p. 254–272. doi: <https://doi.org/10.1080/10438599.2017.1331788>.
14. Meyer, D.F., Jongh, J. De, Meyer, N. 2016, The formulation of a composite regional development index, *International journal of business and management studies*, vol. 8, no. 1, p. 100–116.
15. Majerová, I. 2018, Regional development and its measurement in Visegrad Group countries, *DEUROPE*, no. 10 (2), p. 17–37.
16. Gohberg, L. M. (ed.) 2020, *Rejting innovacionnogo razvitija sub'ektov Rossijskoj Federacii*. [Rating of innovative development of constituent entities of the Russian Federation], Moscow. (In Russ.).
17. Lapaev, S. P. 2011, Assessment of the level of innovative development of regions based on creativity, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [VESTNIK OSU], no. 8 (127), p. 52–57 (In Russ.).
18. Shhipkov, D. O., Barzykina, G. A. 2016, Innovative development of Russian regions: assessment methodology and current state. In: *Aktual'nye problemy buhgalterskogo ucheta, analiza i audita*, Materials of the VIII Intern. youth scientific-practical. Conference, 28–29 April 2016, Kursk, p. 458–466 (In Russ.).
19. Mirolyubova, T. V., Sukhanova, P. A. 2016, *Indikativnaja ocenka regional'noj innovacionnoj sistemy s uchetom klasternogo podhoda* [Indicative assessment of the regional innovation system, taking into account the cluster approach], Perm (In Russ.).
20. Nizhegorodcev, R. M., Gorid'ko, N. P. 2014, Innovative Factors of Economic Growth in Russian Regions: Cluster Analysis. In: *Trudy XII Vserossiiskogo soveshchaniya po problemam upravleniya VSPU-2014* [Proceedings of the XII All-Russian meeting on problems of management VSPU-2014], 16–19 June 2014, Moscow, p. 6088–6093 (In Russ.).
21. Kookueva, V., Tsertseil, Y. 2018, Clustering as a basis for an innovative development strategy, *European Research Studies Journal*, no. 21, p. 818–830. doi: <https://doi.org/10.35808/ersj/1249>.
22. Klóska, R. 2018, Proinnovative regional development in Poland as a criterion for cluster analysis, *Ekonomiczne Problemy Usług*, no. 129, p. 143–151. doi: <https://doi.org/10.18276/epu.2017.129-12>.
23. Cui, D., Yu, Yu., Song, Zh. 2011, Cluster Analysis of Regional Economic Development in Hebei Province. In: *Results of the 2011 International Conference on Engineering Education and Management*, no. 1, p. 35–40. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-642-24823-8\\_6](https://doi.org/10.1007/978-3-642-24823-8_6).
24. Shchur, R., Plets, I., Mykytiuk, O. 2017, Cluster analysis ukrainian regional distribution by level of innovation, *The actual problems of regional economy development*, no. 1 (13), p. 112–121. doi: <https://doi.org/10.15330/apred.1.13.111-122>.

25. Mamaeva, Z. M. 2012, Evaluation of innovative development of the regions: econometric approach, *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 2 (2), p. 202—208 (In Russ.).

26. Klóska, R. 2015, Statistical Analysis of Regional Development in Poland *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, Problemy Zarządzania, Finansów i Marketingu*, no. 40., p. 9—22. doi: <https://doi.org/10.18276/pzfm.2015.40-01>.

27. Rosljakova, N. A. 2018, Using the DEA methodology to assess the prospects for innovative development in the North-West. In: *Mnogofaktornye vyzovy i riski v uslovijah realizacii strate-gii nauchno-tehnologicheskogo i jekonomicheskogo razvitija makroregiona "Severo-Zapad"*, Materials of the All-Russian scientific-practical Conference, 23—24 October 2018, p. 67—73 (In Russ.).

28. Namazi, M., Mohammadi, E. 2018, Natural resource dependence and economic growth: A TOPSIS/DEA analysis of innovation efficiency, *Resources Policy*, no. 59, p. 544—552. doi: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2018.09.015>.

29. Stanković, J., Veselinović, I., Stojković, N. 2020, DEA Assessment of Socio-economic Development of European Countries, *Management: Journal of Sustainable Business and Management Solutions in Emerging Economies*. doi: <https://doi.org/10.7595/management.fon.2020.0012>.

30. Yang, Z. 2013, Empirical analysis of regional development level based on DEA model, *International Journal of Applied Mathematics and Statistics*, no. 51, p. 272—280.

31. Anderson, H., Gyamfi, S., Stejskal, J. 2019, Efficiency of intellectual capital generation: a DEA analysis of selected EU regions. In: *Mezinárodní kolokvium o regionálních vědách, Velké Bílovice*, p. 177—184. doi: <https://doi.org/10.5817/cz.muni.p210-9268-2019-22>.

32. Noskov, A. A. 2019, *Primenenie processnogo podhoda k ocenke innovacionnogo razvitija regionov s uchetom vlijaniya nauchno-innovacionnoj dejatel'nosti vuzov* [Application of the process approach to assessing the innovative development of regions, taking into account the impact of scientific and innovative activities of universities], Perm, p. 25—26 (In Russ.).

33. Kurochkin, A.V., Godunova, E.A. 2019, Factors of the effectiveness of the innovative development of the region in the context of digitalization (on the example of the Novgorod region), *Voprosy innovacionnoj jekonomiki* [Russian journal of innovation economics], vol. 9, no. 3, p. 865—874. doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.9.3.41002>. (In Russ.).

34. Mikhailova, A. A. 2017, Innovative security of the region: the problem of the formation of the innovation environment of the Kaliningrad region, *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i medicinskie nauki* [Vestnik IKBFU. Natural and Medical sciences], no.4, p. 19—38 (In Russ.).

35. Noskov, A. A., Tretyakova, E. A. 2017, Assessment of the impact of scientific and innovative activities of universities on the level of innovative development of regions, *Drukerovskij vestnik* [Drucker's bulletin], no. 6 (20), p. 163—182. doi: <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2017-6-163-182> (In Russ.).

## The authors

**Prof. Elena A. Tretyakova**, Perm State University, Russia.

E-mail: [e.a.t.pnrpu@yandex.ru](mailto:e.a.t.pnrpu@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

**Dr Alexey A. Noskov**, Perm State University, Russia.

E-mail: [noskov.alexey01@gmail.com](mailto:noskov.alexey01@gmail.com)

<https://orcid.org/0000-0002-0704-0932>





# ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД НА ПУТИ К ЦИКЛИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: СЛУЧАЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

**А. Е. Шаститко**<sup>1, 2</sup>

**К. А. Ионкина**<sup>1, 2</sup>

**О. А. Маркова**<sup>1, 2, 3</sup>

**А. Н. Морозов**<sup>1, 2, 3</sup>

<sup>1</sup> Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1

<sup>2</sup> Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Москва, просп. Вернадского, 82–84

<sup>3</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, Москва, Покровский б-р, 11

Поступила в редакцию 27.10.2020

doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-2

© Шаститко А. Е., Ионкина К. А., Маркова О. А., Морозов А. Н., 2021

*Обсуждается вопрос о причинах неудачи реформы отрасли по обращению с отходами и подчеркивается роль размывания прав собственности на отходы как одного из факторов, препятствующих переходу к циклической экономике. Цель данного исследования — определить возможности преодоления барьеров на пути перехода к циклической экономике в Калининградской области. В исследовании использована методология новой институциональной экономической теории: сравниваются дискретные альтернативы решения проблемы размывания прав собственности в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) и предложено через изменение стимулов экономических агентов в Калининградской области инициировать переход к циклической экономике. Показано, что существует проблема со спецификацией прав собственности на отходы, осложняющая построение эффективной системы обращения с ТКО. Кроме того, разные элементы комплекса обращения с ТКО могут относиться к разным категориям благ, но вместе с тем возможен переход из одной категории в другую. Одним из способов повышения исключаемости услуг по обращению с ТКО может стать внедрение стимулирующего тарифа. Сравнительно низкая этажность застройки в Калининградской области благоприятствует внедрению такого тарифа. Использование при расчете стоимости вывоза несортированных отходов понижающего коэффициента, который будет учитывать объем сданного вторичного сырья, может послужить дополнительным стимулом для коллективных действий по отдельному сбору ТКО. Объяснено, почему переход на стимулирующий тариф должен осуществляться на добровольной основе.*

## **Ключевые слова:**

твердые коммунальные отходы, утилизация, переработка, повторное использование, внешние эффекты, циклическая экономика, стимулирующие тарифы

**Для цитирования:** Шаститко А. Е., Ионкина К. А., Маркова О. А., Морозов А. Н. Институциональный подход на пути к циклической экономике: случай Калининградской области // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 23–47. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-2.

## Введение

Переход к циклической экономике — важное условие обеспечения устойчивого экономического роста. Циклическая экономика предполагает принципиальные изменения в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО)<sup>1</sup>. Реформа обращения с ТКО в России — одна из наиболее заметных в повестке последних 4—5 лет. Однако в публичной дискуссии пока складывается общее представление о том, что данная реформа не привела к желаемым результатам, а если они где-то и достигнуты, то есть серьезные сомнения в их устойчивости. В связи с этим возникают вопросы: в чем причины неудач реформы отрасли по обращению с отходами и что мешает России в целом и отдельным ее регионам решить проблемы обращения с ТКО и начать движение в направлении циклической экономики?

В первом разделе данной работы авторы предлагают описание проблемы, во втором — определяют предметную область отходов, а также выделяют свойства отходов в отличие от благ и ресурсов. Третий раздел посвящен проблеме построения отношений между различными группами интересов по поводу обращения с ТКО в свете складывающейся в России практики правоприменения. В нем определены особенности отдельных услуг системы обращения с ТКО с точки зрения типологии благ по критерию исключаемости и конкурентности в потреблении. В четвертом разделе объяснено, почему стимулирующие тарифы — возможное решение проблемы обращения с отходами в Калининградской области.

## 1. Описание проблемы

Проблема обращения с отходами обостряется с каждым годом. Согласно данным Всемирного банка, если системы обращения с отходами в мире не будут модернизированы, то к 2050 году человечество будет производить ежегодно на 70% больше мусора [1]. Данная проблема так же остро стоит и для России. В 2017 году в России произведено 274,4 млн м<sup>3</sup> ТКО, из которых только 10% было вывезено на мусороперерабатывающие заводы (27,9 млн м<sup>3</sup>), 2,2% — на мусоросжигательные заводы, а 87% захоронены<sup>2</sup>.

Переполнение официальных полигонов для захоронения ТКО, разрастание несанкционированных свалок и отсутствие системы отдельного сбора отходов привело к тому, что с 2017 по 2019 год в данной отрасли была проведена так называемая «мусорная реформа». На момент написания статьи опыт реформирования системы обращения с отходами в России нельзя признать удачным. В частности, согласно бюллетеню Счетной палаты, опубликованному в 2020 году, реформа «со своей задачей не справляется»<sup>3</sup>. Так, если накопление ТКО на полигонах будет происходить теми же темпами, то существующих мощностей может не хватить во многих субъектах Российской Федерации.

<sup>1</sup> Хотя переход к циклической экономике предполагает изменение системы обращения как с коммунальными, так и с промышленными отходами, в данной статье авторы рассматривают сферу твердых коммунальных отходов.

<sup>2</sup> *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году: государственный доклад / Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. М., 2018.*

<sup>3</sup> *Анализ выполнения мероприятий, обеспечивающих экологическую безопасность Российской Федерации, в части ликвидации объектов накопленного вреда и формирования комплексной системы обращения с твердыми: отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия / Счетная палата Российской Федерации. М., 2020. С. 3. URL: [https://ach.gov.ru/upload/iblock/41b/41b02dc50697e6fc57ec2f389a8b68f0.pdf?\\_ga=2.106291210.820111883.1605780584-216807580.1598522839](https://ach.gov.ru/upload/iblock/41b/41b02dc50697e6fc57ec2f389a8b68f0.pdf?_ga=2.106291210.820111883.1605780584-216807580.1598522839) (дата обращения: 15.03.2021).*

Кроме того, объемы превращения ТКО в ресурсы (в том числе в электроэнергию) оказались значительно меньше ожидаемых. Так, в 2019 году в России в ведении региональных операторов было 61,15 млн т ТКО, 29,7% из которых пущены на обработку и менее 5% от образованных отходов повторно использованы в производстве (рециклинг<sup>4</sup>, регенерация<sup>5</sup> и рекуперация<sup>6</sup>) или применены как возобновляемый источник энергии (по данным отчетности регионального оператора — 2,67 млн т). Для сравнения, в передовой стране по организации системы обращения с отходами — Швеции — в 2019 году 50% коммунальных отходов отправлялось на сжигание, а остальное количество преимущественно перерабатывалось (лишь 0,8% от общего образованного в стране ТКО размещалось на полигонах)<sup>7</sup>.

Несмотря на то, что в России был принят единый подход к реформированию системы обращения с ТКО, в данной сфере наблюдаются различия, которые связаны с неравенством в образовании ТКО и организации системы обращения с отходами. Так, среди регионов и внутри каждого из них ТКО образуются неравномерно. Например, в Калининградской области основной объем ТКО приходится на Калининград и близлежащие районы (рис. 1), при этом в районах с плотной застройкой строительство полигонов и других объектов обращения с отходами осложняется.

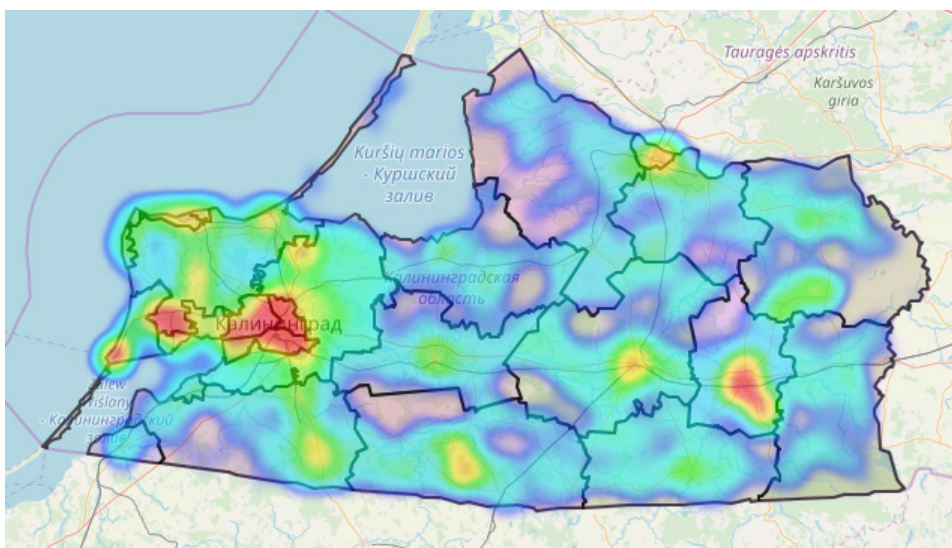


Рис. 1. Распределение источников образования ТКО в Калининградской области

*Примечание:* красным цветом обозначены районы с максимальным объемом образующихся ТКО, синим — с минимальным.

*Источник:* Территориальная схема обращения с отходами // Минприроды Калининградской области. URL: <https://minprirody.gov39.ru/deyatelnost/obrashchenie-s-otkhodami/territorialnaya-skema-obrashcheniya-s-otkhodami/> (дата обращения: 11.08.2020).

<sup>4</sup> Рециклинг — это вид переработки отходов, повторное их использование как сырья при производстве продуктов с аналогичным назначением (тому ресурсу, в который превратился отход). Заключается в возврате отходов в производственный цикл.

<sup>5</sup> Регенерация — это возврат отходов в производственный цикл после соответствующей подготовки.

<sup>6</sup> Рекуперация — это извлечение из отходов полезных компонентов для их повторного применения.

<sup>7</sup> Avfall Sverige — the Swedish Waste Management Association. URL: <https://www.avfallsverige.se/in-english/> (дата обращения: 22.10.2020).

В Калининградской области ежегодно образуется до 1,5 млн т отходов производства и потребления, из которых до 2,7 млн м<sup>3</sup> относятся к ТКО (рис. 2).



Рис. 2. Динамика образования отходов производства и потребления, ТКО на территории Калининградской области

*Примечание:* пунктиром отмечено начало «мусорной реформы».

*Источник:* Проекты Государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017, 2018 и 2019 годах ([https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty\\_pravovykh\\_aktov/proekt\\_gosudarstvennogo\\_doklada\\_o\\_sostoyanii\\_i\\_ob\\_okhrane\\_okruzhayushchey\\_sredy\\_sredy\\_v\\_2017\\_godu/](https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovykh_aktov/proekt_gosudarstvennogo_doklada_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_sredy_v_2017_godu/); [https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty\\_pravovykh\\_aktov/proekt\\_gosudarstvennogo\\_doklada\\_o\\_sostoyanii\\_i\\_ob\\_okhrane\\_okruzhayushchey\\_sredy\\_rossiyskoy\\_federatsi/](https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovykh_aktov/proekt_gosudarstvennogo_doklada_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsi/); [https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty\\_pravovykh\\_aktov/proekt\\_gosudarstvennogo\\_doklada\\_o\\_sostoyanii\\_i\\_ob\\_okhrane\\_okruzhayushchey\\_sredy\\_rossiyskoy\\_federatsi/](https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovykh_aktov/proekt_gosudarstvennogo_doklada_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsi/)).

Согласно рейтингу Green Peace<sup>8</sup>, если в 2018 году только 30% домов в Калининграде имели доступ к бакам для раздельного сбора отходов (PCO), то в 2019 году эта доля увеличилась до 59%<sup>9</sup>. При этом по состоянию на конец 2018 года в Калининграде было размещено 2 контейнера для крупногабаритных отходов и 313 контейнеров для пластика (большинство контейнеров было расположено в Ленинградском и Центральном районах, хотя именно Московский район — второй по численности населения и площади)<sup>10</sup>.

Из всех субъектов Российской Федерации, входящих в зону водосборного бассейна Балтийского региона, в Калининградской области самый низкий уровень использования и обезвреживания отходов (до 90% отходов производства и потребления остаются необезвреженными) [2].

<sup>8</sup> *Скипор И.* Рейтинг Greenpeace: Каждый третий житель крупного города России имеет доступ к раздельному сбору. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2020/03/12/rejting-greenpeace-kazhdyj-tretij-zhitel-krupnogo-goroda-rossii-imeet-dostup-k-razdelnomu-sboru/> (дата обращения: 14.09.2020).

<sup>9</sup> *Скипор И.* Рейтинг Greenpeace: Каждый третий житель крупного города России имеет доступ к раздельному сбору. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2020/03/12/rejting-greenpeace-kazhdyj-tretij-zhitel-krupnogo-goroda-rossii-imeet-dostup-k-razdelnomu-sboru/> (дата обращения: 14.09.2020).

<sup>10</sup> *Территориальная схема обращения с отходами Калининградской области // Минприроды Калининградской области.* URL: <https://minprirody.gov39.ru/deyatelnost/obrashchenie-s-otkhodami/territorialnaya-skhem-obrashcheniya-s-otkhodami/> (дата обращения: 11.08.2020).

Таким образом, утверждать, что рост вывезенных на предприятия переработки объемов ТКО связан с реформой, сложно, так как, например, в 2013 году в Калининградской области на предприятия переработки были вывезены рекордные 42 тыс. м<sup>3</sup> ТКО (2% от совокупного объема вывезенных ТКО). Таким образом, проблемы перехода к циклической экономике могут лежать как в части организации сбора и обращения с отходами региональным оператором, так и в части сбора и сортировки отходов жителями.

## 2. Отходы в свете экономической науки

В экономической и другой специальной литературе отсутствует единое определение ТКО. Рассмотрим особенности ТКО, которые позволяют отделить отходы от других экономических категорий.

ТКО можно рассматривать как некоторый произведенный человеком продукт, который обладает отрицательной ценностью [3]. Такое определение позволяет зафиксировать одну из особенностей отходов — нежелание или невозможность владельца отходов использовать их — прямо или опосредовано — в качестве предметов потребления.

Можно отметить сложности, с которыми исследователи сталкиваются, давая определение отходам. В частности, в описании процесса формирования ТКО не фиксируется отличие отходов от побочных продуктов. Побочный продукт производства (by-product) представляет собой товар, полученный в ходе производства основного продукта. При этом побочный продукт может быть реализован на рынке, однако эта реализация не является определяющей (в плане мотивации, но не технологии) для выпуска фирмой основного продукта [4]. В отличие от побочного продукта отходы по определению не могут торговаться, так как в текущих условиях институциональной среды покупатели и продавцы не могут найти друг друга для совершения транзакции (возникают так называемые «фрикции поиска»).

Ключевое различие между отходами и побочными продуктами производства можно представить в виде схемы (рис. 4): побочный и основной продукты производятся с помощью ресурсов, во время этого процесса могут образовываться отходы.

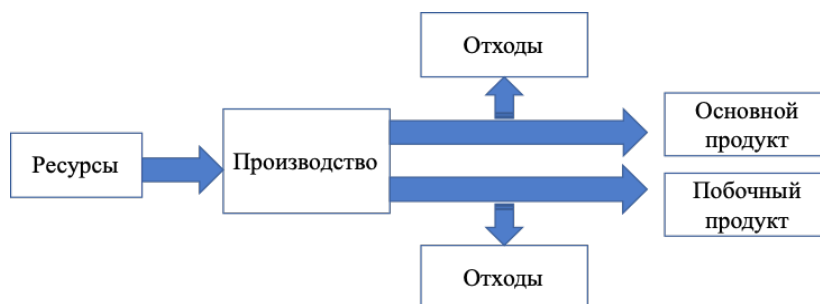


Рис. 4. Различие между отходами, основным и побочным продуктом

Побочные продукты могут стать отходами в том случае, если нет покупателя, который хотел бы их приобрести. В случае, если в экономике меняются издержки превращения ресурсов в продукт (трансформационные издержки) и издержки, связанные с построением договорных отношений (транзакционные издержки), отход может стать побочным продуктом (обратная связь также работает).

ТКО можно рассматривать как любое вещество или объект, которые использовались по прямому назначению потребителем и не будут применяться повторно [5]. Данное определение, с одной стороны, отражает особенность отходов — нежелание потребителя использовать продукт по его целевому назначению, с другой — не



позволяет рассматривать повторное использование продукта или его применение в других целях. Так, например, продукт может потерять свои свойства, в результате полностью или частично — ценность, и экономические агенты принимают решение об отказе от его потребления, а с другой стороны, потребитель просто может перестать потреблять продукт (например, в результате насыщения). Также есть продукты, которые сохраняют свои потребительские свойства, но тем не менее не потребляются и выбрасываются, например, продукты питания, которые потенциально могут быть использованы, сохраняют свои свойства, но тем не менее становятся отходами.

Кроме того, используемые в сельском хозяйстве вещества (агрохимикаты и удобрения) могут вноситься в почву в больших объемах, чем это необходимо. При этом такие вещества перестают быть благами, но под определение «вещей, которыми владелец располагает или хочет избавиться» они не попадают [5].

Поскольку отходами являются вещества и продукты, которые индивиды не желают использовать или не имеют такой возможности [6], под эту категорию могут попасть не только продукты, вещества и субстанции, которые выполнили свою функцию как предметы потребления, но также и любые другие ненужные предметы.

Рассмотренные характеристики можно свести к следующей формулировке, включающей две ключевые особенности отходов: (1) ненужные и неиспользуемые предметы и вещества, от которых (2) в текущих условиях институциональной среды владелец хочет избавиться<sup>11</sup>.

Закрепленные в предложенном определении особенности ТКО предполагают, что в сложившихся условиях они представляют собой антиблага, требующие удаления. Корректировка институциональной среды или технологий, которые изменяют транзакционные и трансформационные издержки в экономике [7], может привести к тому, что чистые выгоды от выбрасывания ТКО могут измениться, и в результате альтернативные варианты обращения с ними могут оказаться более предпочтительными. Таким образом, экономические агенты могут поменять свое решение и продавать, а не выбрасывать ТКО. В таком случае экономическая сущность ТКО переходит от антиблага к благу, или ресурсу.

Ответ на вопрос об отнесении ТКО к благам или антиблагам также связан с тем, на каком рынке возникают отношения по поводу них. С одной стороны, ТКО могут рассматриваться в рамках некоторого рынка, на котором торгуются блага. Тогда коммунальные отходы являются антиблагам, а экономический агент потребляет наборы продуктов, куда входит комплект в виде антиблага и блага. С другой стороны, ТКО могут выступать как продукт на рынке отходов. В этом случае считается, что они могут торговаться как обычные товары или по отрицательной цене (на «отрицательном рынке»), когда их приобретение связано с потерями.

Переход к циклической экономике, возможный благодаря изменению в транзакционных и трансформационных издержках (здесь важным оказываются инициативы одновременно представителей бизнеса и государства) [8], предполагает обмен благами, которые ранее не представляли ценности для их владельцев. Таким образом, феномен отходов исчезает при переходе к циклической экономике.

Но при каких условиях отходы могут превращаться в блага (ресурсы)? Для решения этого вопроса следует выделить факторы на стороне спроса и предложения. Так, с одной стороны, для превращения ТКО в блага (ресурсы) необходимо, чтобы ценность очистки и сортировки отходов и передачи их на переработку была выше

---

<sup>11</sup> Потенциальная транзакция с такими продуктами или веществами может в текущих условиях находиться за пределами рыночных обменов, а потенциальные покупатели могут использовать ресурсы из других источников.



возникающих в связи с выполнением этих операций издержек (с учетом трансакционных издержек). С другой — ценность отходов напрямую зависит от наличия субъектов, которые готовы эти отходы использовать при производстве благ или выделении энергии (также с учетом трансакционных издержек). Кроме того, если на некоторой территории производится большое количество «чистых»<sup>12</sup> отходов, то в таких местах могут возникать предприятия по переработке ТКО. Таким образом, для перехода отходов в категорию ресурсов или благ необходимо обеспечить их чистоту и объем, а также спрос на них.

Важной особенностью рассмотренных определений отходов является то, что у них есть владелец, и он намерен выбросить их. При наличии отрицательных внешних эффектов в виде воздействия выбрасываемых отходов на окружающую среду и жизнедеятельность других субъектов, которое не учитывается индивидом (текущим владельцем ТКО) при выбрасывании, структура производства благ и антиблаг (в виде отходов) в экономике оказывается неэффективной. Тем не менее реальные права собственности на отходы могут быть специфицированы далеко не всегда, что также осложняет построение эффективной системы обращения с ТКО. Рассмотрим более подробно возможные барьеры на пути создания циклической экономики.

### **3. Барьеры на пути создания циклической экономики: проблема системы услуг по обращению с ТКО**

Для того чтобы определить барьеры на пути создания циклической экономики, необходимо установить, что представляет собой комплекс услуг по обращению с отходами. Традиционно услуга по обращению с ТКО рассматривается как чистое общественное благо, неисключаемое и неконкурентное в потреблении [9]. Действительно, полностью исключить из потребления отдельных лиц (например, неплательщиков) весьма затруднительно, так как чистота улиц и регулярная уборка отходов необходимы для сохранения здоровья населения и защиты окружающей среды. Как только услуга начинает предоставляться какой-либо части населения на определенной территории, это начинает приносить пользу всем жителям этой территории. Кроме того, базовая услуга по обращению с ТКО не является конкурентной в потреблении. Это означает, что любой индивид может пользоваться услугой без ущерба для других.

Несмотря на в целом общественный характер этой услуги, государство или местные органы власти не всегда предоставляют ее исключительно с помощью собственных ресурсов, и им на помощь приходит частный сектор [9]. В целом степень участия частного сектора во всем комплексе обращения с ТКО зависит от большого числа факторов и начальных условий, в том числе от имеющихся ресурсов, возможности обеспечить подотчетность частного сектора населению, характеристик институциональной среды. В частности, так как контракты в сфере обращения ТКО могут быть связаны с рисками изменения экологического, налогового законодательства, валютными рисками (если ТКО экспортируются), а также с убывающей отдачей от масштаба и отрицательными внешними эффектами, то эффективные контрактные отношения с частными компаниями по обращению с отходами невозможны без обеспечения прозрачных правил игры и стимулов (например, в виде гарантий) со стороны государства.

<sup>12</sup> То есть отделенных от других фракций до максимально возможной степени. В зависимости от вариантов организации системы обращения «чистота» отходов может различаться.

Тем не менее система обращения с ТКО является комплексом, состоящим из набора отдельных элементов, и включает организацию сбора, сортировки, переработки и утилизации существующих отходов. Каждый из элементов этого комплекса может быть рассмотрен как отдельное благо. При этом они обладают свойствами разных типов благ. Общую схему обращения с ТКО представлена на рисунке 5.

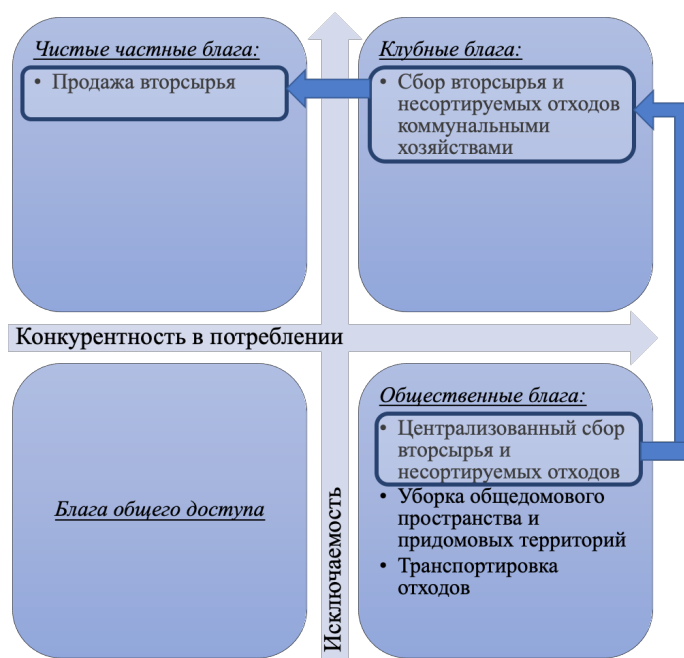


Рис. 5. Компоненты комплекса обращения с отходами по признаку исключаемости и конкурентности в потреблении

Источник: составлено авторами на основе [10].

Некоторые из составляющих комплекса по обращению с ТКО могут действительно рассматриваться как общественные блага, иные — как клубные блага (неконкурентные в потреблении, но исключаемые). Отдельные же элементы обладают свойствами частных благ, например продажа вторсырья.

В традиционных системах обращения с ТКО роль элементов, относящихся к частным или клубным благам, не так высока. Большая часть отходов собирается и вывозится на централизованной основе, и все потребители имеют равный и практически неограниченный доступ к системе обращения с ТКО.

По мере перехода к циклической экономике схема меняется и больший вес приобретают элементы, относящиеся к клубным или частным благам. Это может происходить в результате модификации отдельных элементов. Так, сбор отходов, который ранее проходил на централизованной основе, теперь ведется индивидуально для каждого домохозяйства, что позволяет обеспечить режим исключаемости (а значит, перевести в категорию клубных благ). Рост исключаемости услуг в системе обращения с отходами связан с возможностью специфицировать права собственности — что в рамках циклической экономики также позволит организовать трансакции с участием отходов как вторсырья.

Наиболее продвинутые в организации систем обращения с отходами страны переходят на сортировку, повторное использование и сжигание отходов, минимизируя захоронение отходов на полигонах, повышая исключаемость услуг по обращению с ТКО и переходя тем самым к циклической экономике.

Напротив, в странах с наименее развитыми системами захоронение отходов — наиболее распространенный подход к обращению с ними. К числу таких стран относится и Россия, где на захоронение отправляется более 90% всех образующихся ТКО. Выделяют несколько проблем в сфере обращения с ТКО: отсутствие доступа к инфраструктуре и стимулов домохозяйств сортировать отходы, возникновение «проблемы безбилетника» при организации вывоза разделенных домохозяйствами отходов, непрозрачное тарифообразование в сфере обращения с ТКО.

Отсутствие доступа жителей к инфраструктуре отдельного сбора отходов — одна из важных проблем в сфере обращения с ТКО [11]. Увеличение доли переработки ТКО в условиях фактического отсутствия системы отдельного сбора неизбежно связано с развитием отрасли обработки и сортировки отходов. Однако важно, чтобы этот процесс шел совместно с постепенным внедрением отдельного накопления, а не препятствовал ему. Так, в Санкт-Петербурге все ТКО планируется вывозить как смешанные и направлять на станции сортировки, ограничившись лишь выделением отдельного оранжевого бака для опасных отходов (ртутные лампы, батарейки, градусники) [12]. Тем не менее предварительно разделенные (на уровне домохозяйств) фракции являются более «чистыми», что гарантирует лучшее качество получаемого вторичного сырья — доля вторичного сырья, получаемого на сортировочных станциях из смешанных отходов составляет лишь 5—15% [12].

При этом открытый и бесконтрольный доступ к объектам такой инфраструктуры также может создавать проблемы. Как отмечают М. Ш. Орлов с соавторами [13], возможность иных лиц беспрепятственно забирать содержимое контейнеров с разделенными отходами подрывает стимулы операторов: последние теряют объемы ценных фракций<sup>15</sup>. Соответственно, вопрос развития системы отдельного сбора связан не только с установкой баков для отдельного сбора, но и с оборудованием мест накопления средствами контроля (например, огораживание площадки с предоставлением доступа только для жителей конкретного дома или подъезда).

Многие авторы отмечают, что без повышения вовлеченности населения в процесс разделения отходов полноценный переход к циклической экономике просто невозможен [12—15]. В свою очередь, тот факт, что «мусорная реформа» пока не привела к качественным сдвигам в отрасли, а лишь сопровождается ростом коммунальных тарифов, только поддерживает общее негативное отношение населения к проводимой реформе [13].

В качестве мер, направленных на повышение заинтересованности населения, отмечается дифференциация тарифа в зависимости от объема формирования отходов и скидки к плате за вывоз ТКО для домохозяйств, перешедших на отдельную схему накопления [14]. При этом распространенный в настоящий момент в России подход, основанный на нормативах накопления ТКО, представляется недостаточно прозрачным. В частности, вопросы вызывает связь установленных нормативов с фактическим фракционным составом и объемами образуемых отходов [16]. Отметим, что существующий подход никоим образом не стимулирует домохозяйства к отдельному накоплению ТКО.

<sup>15</sup> На наш взгляд, не менее значимой проблемой является возможность иных лиц «портить» качество разделяемой фракции, выкидывая (случайно или целенаправленно) неподходящие фракции в баки для разделенных отходов.

В числе барьеров на пути развития циклической экономики также можно отметить отсутствие внимания государства к формированию единой политики в части установления тарифов на разных этапах обращения с отходами, в том числе за финальное обращение с отходами. Е. Д. Алкснис указывает, что проходная плата на открытые свалки устанавливается на меньшем уровне, чем для оборудованных санитарных полигонов, что естественным образом подталкивает операторов к выбору не самых приоритетных альтернатив [17]. В свою очередь, за рубежом повышенные тарифы за использование неприоритетных способов обращения с отходами (свалки, сжигание) — обычная практика.

На наш взгляд, все указанные проблемы являются следствием того, что отходы воспринимаются экономическими агентами как антиблага, что прямо следует из их определения (см. разд. 2). Они не представляют ценность для их владельцев, которые, напротив, стремятся как можно скорее «отказаться» от них (деспецифицировать права собственности). Как следствие, отсутствие спецификации прав собственности на отходы приводит к невозможности решения проблемы внешних эффектов без государственного вмешательства (остается пигувианское решение проблемы).

Важно отметить, что в рамках циклической экономики отходы перестают быть антиблагам, а становятся ценным ресурсом. В этой ситуации все перечисленные выше барьеры снимаются сами собой, без участия государства: операторы заинтересованы предоставить домохозяйствам всю инфраструктуру и назначить приемлемые тарифы, потребители — корректно разделять отходы и т. д. Напротив, одной из причин «мусорных» конфликтов является именно отсутствие спецификации прав собственности на ТКО [10]. Рассмотрим, как она устроена в российской правоприменительной практике.

Основа регулирования отношений в сфере обращения с ТКО на всей территории Российской Федерации — ФЗ «Об отходах производства и потребления», в котором закреплено следующее определение: «Отходы производства и потребления — вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению...»

Также в ФЗ ТКО обозначены как подвид отходов производства и потребления: «Это отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд. К ТКО также относятся отходы, образующиеся в процессе деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и подобные по составу отходам, образующимся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами»<sup>14</sup>.

Хотя отношения по поводу ТКО предполагают спецификацию прав собственности как основание для экономических обменов, в определении понятий отходов производства и потребления, а также ТКО права собственности не нашли отражения. Для сравнения в правоприменительной практике стран ЕС<sup>15</sup> под отходами

<sup>14</sup> Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12112084/> (дата обращения: 15.10.2020).

<sup>15</sup> В национальной правоприменительной практике стран Европейского союза национальное законодательство исходит из положений Директивы Европейского союза об отходах 2008 года (*Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council*. URL: <https://ec.europa.eu/environment/waste/framework/> (дата обращения: 15.10.2020).

понимается «любая субстанция или объект, которые владелец (waste holder)<sup>16</sup> выбрасывает, хочет выбросить или вынужден выбросить»<sup>17</sup>. То есть понятие владельца отходов уже закреплено в первоначальном определении отходов.

Тем не менее отсутствие указания на владельца в базовом определении отходов в российском праве не значит, что у них нет собственника. Например, передача прав собственности на отходы регулируются ГК РФ. В частности, в случае производства получившиеся отходы принадлежат собственнику ресурсов, при работе с которыми они образовались. При этом в части отходов потребления собственник отходов в законодательстве никак не определен.

Отсутствие определенного на уровне нормативных правовых актов собственника ТКО может быть одним из источников споров между муниципальными управляющими предприятиями (МУП) и Росприроднадзором, в частности при уплате экологических сборов с 2014 по 2018 год. Департаменты Росприроднадзора во многих регионах начисляли в рассматриваемый период МУП плату за негативное воздействие на окружающую среду<sup>18</sup>, рассчитанную исходя из собранных МУП отходов, образованных жильцами управляемых МУП многоквартирных домов. Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворяли иски Росприроднадзора, ссылаясь на то, что собственники помещений в многоквартирных домах по договору об управлении передают право собственности и обязанности собственника МУП. При этом договор между МУП и перевозчиками ТКО не предполагает перехода права собственности. Следовательно, именно МУП должны платить за негативное воздействие на окружающую среду. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в 2018 году установила, что принятое судами решение ошибочно и договор на управление общим имуществом не предполагает перехода права собственности на ТКО от собственников жилых и нежилых помещений на управляющие компании<sup>19</sup>. Так кто же все-таки является владельцем отходов?

В таблице 1 указаны субъекты, которые участвуют в системе обращения с ТКО. Оказывается, что в определениях ФЗ № 89 «Об обращении с отходами производства и потребления» перечислены только субъекты, которые занимаются обращением с отходами (операторы с разными функциями). Для сравнения, в законодательстве ЕС кроме действующих лиц, выполняющих функции, связанные с обращением с отходами (дилеры и брокеры), указаны в явном виде владельцы отходов (производитель и держатель).

<sup>16</sup> Владелец отходов (waste holder) — это производитель отходов, или физическое или юридическое лицо, которое ими владеет («in possession of the waste»). Производитель отходов (waste producer) — лицо, деятельность которого приводит к образованию отходов (первоначальный производитель отходов), или лицо, которое выполняет предварительную обработку, смешивание или другие операции, приводящие к изменению характера или состава отходов. (URL: <https://ec.europa.eu/environment/waste/framework/> (дата обращения: 15.10.2020)).

<sup>17</sup> Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council. URL: <https://ec.europa.eu/environment/waste/framework/> (дата обращения: 15.10.2020).

<sup>18</sup> ВС разобрался, кому принадлежит городской мусор // Право.ру. URL: [parvo.ru/review/view/147701/](http://parvo.ru/review/view/147701/) (дата обращения: 15.10.2020).

<sup>19</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.01.2018 г. по делу № 305-ЭС17-10622, А41-25079/2016. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=526857#0006818497252045752> (дата обращения: 12.10.2020).

Таблица 1

## Субъекты отношений в сфере обращения с ТКО

Характеристика	Россия	ЕС
По функциям, связанным с обращением с отходами	Оператор по обращению с твердыми коммунальными отходами Региональный оператор по обращению с твердыми коммунальными отходами Федеральный оператор по обращению с отходами I и II классов опасности Российский экологический оператор Оператор по обращению с отходами I и II классов опасности	Дилер отходов (dealer) Брокер отходов (broker)
По владению отходами	—	Производитель отходов (waste producer) Владелец отходов (waste holder)

*Источник:* составлено авторами на основе: *Об отходах* производства и потребления : федер. закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12112084/> (дата обращения: 12.10.2020); *Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council*. URL: <https://ec.europa.eu/environment/waste/framework/> (дата обращения: 15.10.2020).

Тем не менее важно отметить, что указанные операторы не становятся владельцами ТКО после передачи их владельцами — физическими и юридическими лицами: договор между собственником отходов (и здесь впервые появляется понятие «собственник отходов»<sup>20</sup>) и региональным оператором не предполагает переход конечных прав<sup>21</sup> на отходы.

Неоднозначность процедуры спецификации права собственности на отходы особенно отчетливо проявляется в Калининградской области в связи с ее особым географическим положением. Так как основные потребители пластика (для вторичной переработки) находятся за пределами региона (в других регионах России, Литве и Латвии)<sup>22</sup>, то собранные и отсортированные пластиковые отходы необходимо везти через границу<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> *Об отходах* производства и потребления : федер. закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ. Ст. 24.7. URL: <http://base.garant.ru/12112084/> (дата обращения: 15.10.2020).

<sup>21</sup> Конечные права собственности — правомочие (из перечня А. Оноре), которое представляет собой возникший в экономической науке конструкт, позволяющий в случае неопределенности установить, кто может принимать окончательное решение. По сути, данное правомочие закрепляет за его владельцем право принимать окончательное решение [29].

<sup>22</sup> Некоторые мелкие потребители пластика есть на территории Калининграда, однако большая часть собираемого пластика продавалась в другие регионы и страны (*Вылежжанина У. Застряли на таможне*. URL: <https://rg.ru/2018/07/31/reg-szfo/othody-na-pererabotku-iz-kaliningradskoj-oblasti-stali-zolotymi.html> (дата обращения: 13.08.2020)).

<sup>23</sup> Важно отметить, что, несмотря на наличие спроса на пластик для регенерации, в Калининградской области большая часть пластика все же оказывается на полигонах: по данным межрегиональной экологической общественной организации «Зеленый фронт», только 10% пластиковых отходов идет на переработку (*Ситуация с ТБО. Калининградская область // Межрегиональная экологическая общественная организация «Зеленый Фронт»*. URL: <http://greenfront.su/post/5293> (дата обращения: 25.10.2020)).



Особый экономический статус Калининградской области (как особой экономической зоны) позволяет предпринимателям ввозить импортные товары для личного пользования без уплаты таможенных пошлин, однако вывозить нерастаможенную продукцию на территорию других регионов нельзя. В связи со вступлением в силу нового Таможенного кодекса ЕАЭС таможня стала требовать подтверждения статуса товаров. При этом, согласно Таможенному кодексу, если товар произведен из иностранного товара, то он считается иностранным товаром<sup>24</sup>. В результате переработчики пластика из Калининграда столкнулись с тем, что на вывозимый ими на территорию других регионов пластик начали накладывать пошлины и брать НДС как с нового товара, созданного из иностранного сырья<sup>25</sup>, так как если данные отходы ранее были бесхозными или получены из ТКО, то подтвердить происхождение товара (в виде вторичных отходов) невозможно<sup>26</sup>. Некоторые компании отказались от вывоза пластика на территорию России, что еще больше осложнило ситуацию: цена на пластик в Литве и Латвии в 2018 году<sup>27</sup> снизилась. Это может быть связано с тем, что некоторые компании, занимающиеся сбором пластика на территории Калининградской области, в отсутствие возможности его вывоза на территорию России (его экономической невыгодности) переключились на эти страны.

Компания АРС, производящая держатели для автомобильных номеров и использующая в качестве сырья упаковку машинокомплектов, необходимых для сборки автомобилей *Kia* и *Hyundai* на заводах Калининградской области, подала на Федеральную таможенную службу России в суд. В итоге Верховный суд в 2019 году установил правомерность иска ООО «Компания АРС» к ФТС и то, что полученные при производстве автомобилей отходы утратили «в процессе использования свои потребительские свойства», поэтому являются товаром, полностью произведенным на территории РФ<sup>28</sup>.

Для решения проблем, связанных с размытием прав собственности на отходы, предлагается дополнить определения в ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области»<sup>29</sup> термином «конечное потребление»<sup>30</sup>, который позволит

<sup>24</sup> Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_215315/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/) (дата обращения: 25.10.2020).

<sup>25</sup> Кузнецова Д. В Калининградской области сборщики вторсырья отказываются принимать пластик. URL: <https://otr-online.ru/news/v-kaliningradskoj-oblasti-sborshchiki-vtorsyrya-otkazyvayutsya-prinimat-plastik-134907.html> (дата обращения: 12.10.2020).

<sup>26</sup> Вылежанина У. Застрали на таможне. URL: <https://rg.ru/2018/07/31/reg-szfo/othody-na-pererabotku-iz-kaliningradskoj-oblasti-stali-zolotyami.html> (дата обращения: 13.08.2020).

<sup>27</sup> В период после вступления в силу новой версии Таможенного кодекса ЕАЭС 1 января 2018 года.

<sup>28</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.01.2018 г. по делу № 305-ЭС17-10622, А41-25079/2016. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=526857#0006818497252045752> (дата обращения: 12.10.2020).

<sup>29</sup> Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ (последняя редакция). URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_57687/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57687/) (дата обращения: 15.10.2020).

<sup>30</sup> «Конечное потребление — использование товара, в результате которого товар полностью утратил свои потребительские свойства и стал непригоден для использования в том качестве, для которого он предназначен, либо в результате которого становится невозможным любое использование товара, его частей, компонентов и материалов, в том числе вследствие физического отсутствия товара, его частей, компонентов и материалов» (О внесении изменений в Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : проект федер. закона. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=107916> (дата обращения: 13.08.2020)).

разграничить понятия отходов и товаров. На момент написания статьи поправка в ФЗ-16 получила положительное решение по итогам процедуры ОРВ (оценки регулирующего воздействия). Однако, как было показано ранее, решение проблемы может лежать в плоскости определения владельцев отходов: в таком случае потребуются корректировка механизма спецификации прав собственности на отходы или использование стимулирующих тарифов для мотивации закрепления прав собственности на ТКО самими действующими лицами в сфере обращения с отходами.

#### 4. Стимулирующий тариф как решение проблемы. Потенциал Калининграда

Как отмечают аудиторы Счетной палаты, «ситуация в этой сфере (в сфере обращения с ТКО. — А. Ш., К. И., О. М., А. М.) пока остается неблагоприятной, а реформа пока не принесла ожидаемых результатов»<sup>31</sup>. Так, в Калининградской области реформа привела лишь к росту тарифа для населения и замене многих перевозчиков отходов на одного — регионального оператора. При этом сами маршруты вывоза ТКО остались неизменными и их основная часть, как и раньше, отправляется на захоронения<sup>32</sup>. Дальнейшая судьба реформы зависит от действий региональной власти, поскольку вопрос планирования системы обращения с ТКО находится именно в ее компетенции.

Планирование системы обращения с ТКО в Калининградской области требует учета ее особенностей: данный регион России уникален по ряду характеристик, а ключевым моментом, по нашему мнению, выступает относительно низкая этажность застройки по сравнению с прочими субъектами РФ. Так, средняя этажность домов в Калининграде как в новостройках, так и во вторичном жилье значительно отличается от городов — федеральных центров, близких по численности населения. При этом тарифы на услуги регионального оператора по обращению с ТКО в Калининградской области близки к среднему по рассмотренным регионам (табл. 2).

Таблица 2

Доступ к раздельному доступу мусора в российских городах, 2018 — 2019 годы

Город	Число жителей города (тыс. чел., 2018 год)	Среднее число этажей		Доля домов с доступом к РСО*, % <sup>1</sup>		Предельный единый тариф на услуги регионального оператора (по области), 2019 год, с НДС
		Вторичное жилье	Новостройки	2018	2019	
Пенза	524	9	17	9	60	4307,12 — 4408,87 руб./т
Липецк	510	9	17	4	44	492,38 — 548,66 руб./м <sup>3</sup>
Киров	507	6	15	37	0	949,62 — 960,68 руб./м <sup>3</sup>
Чебоксары	492	9	16	0	4	449,71 — 456,82 руб./м <sup>3</sup> или 4208,78 — 4267,86 руб./т
Тула	483	6	14	1	1	518,25 — 623,02 руб./м <sup>3</sup>
Калининград	475	5	9	30	59	510,75 руб./м <sup>3</sup> или 3648,24 руб./т

<sup>31</sup> Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ выполнения мероприятий, обеспечивающих экологическую безопасность Российской Федерации, в части ликвидации объектов накопленного вреда и формирования комплексной системы обращения с твердыми отходами / рук. Счетная палата Российской Федерации, 2020. URL: [https://ach.gov.ru/upload/iblock/41b/41b02dc50697e6fc57ec2f389a8b68f0.pdf?\\_ga=2.106291210.820111883.1605780584-216807580.1598522839](https://ach.gov.ru/upload/iblock/41b/41b02dc50697e6fc57ec2f389a8b68f0.pdf?_ga=2.106291210.820111883.1605780584-216807580.1598522839) (дата обращения: 15.03.2021).

<sup>32</sup> Будрина Н. Лучшее за неделю. О мусорной реформе в Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/07/10/2020/5f7dba499a794788d24ac0ab> (дата обращения: 17.10.2020).

Окончание табл. 2

Город	Число жителей города (тыс. чел., 2018 год)	Среднее число этажей		Доля домов с доступом к РСО*, % <sup>32</sup>		Предельный единый тариф на услуги регионального оператора (по области), 2019 год, с НДС
		Вторичное жилье	Новостройки	2018	2019	
Тверь	420	8	12	34	100	606,55 руб./м <sup>3</sup>
Иваново	406	5	16	9	0	407,46 — 430,23 руб./м <sup>3</sup>

*Источник:* Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 15.09.2020); *Рейтинг* городов России по высотности домов // Domofond.ru. URL: [https://www.domofond.ru/statya/rejting\\_gorodov\\_rossii\\_po\\_vysotnosti\\_domov/8075](https://www.domofond.ru/statya/rejting_gorodov_rossii_po_vysotnosti_domov/8075) (дата обращения: 24.10.2020); *Скипор И.* Рейтинг Greenpeace: Каждый третий житель крупного города России имеет доступ к раздельному сбору. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2020/03/12/rejting-greenpeace-kazhdyj-tretij-zhitel-krupnogo-goroda-rossii-imeet-dostup-k-razdelnomu-sboru/> (дата обращения: 14.09.2020); *Предельные* единые тарифы на услугу регоператора по обращению с ТКО. URL: <https://news.solidwaste.ru/predelnye-tarify-na-uslugi-regionalnogo-operatora/> (дата обращения: 12.01.2020).

*Примечание:* \* РСО — раздельный сбор отходов.

Далее мы более подробно рассмотрим, как этажность и некоторые другие факторы могут быть использованы в решении обозначенных проблем.

Как отмечают эксперты, причина низких фактических показателей утилизации ТКО в Калининградской области заключается в том, что операторы не заинтересованы отправлять отходы на переработку<sup>33</sup>. С другой стороны, в России большое число перерабатывающих заводов, мощности которых недостаточно загружены, и они вынуждены приобретать отходы из-за рубежа<sup>34</sup>. Эти предприятия готовы приобретать и российские отходы, если бы они были качественно разделены, что наталкивает на возможное решение проблемы застоя в «мусорной реформе», которое заключается в повышении вовлеченности населения в процесс разделения ТКО.

Предварительно разделенные отходы могут быть переработаны (утилизированы) более эффективно, в отличие от смешанных. Причем речь идет не только о необходимости сортировки смешанных отходов на стороне оператора (или специализированного предприятия, занятого в секторе обработки), что связано с большими издержками, чем разделение на стороне домохозяйства (стоит упомянуть, что разделенные отходы также направляются на досортировку: так, стекло или пластик дальше сортируются по цвету и химическому составу). Некоторые виды ТКО, помещенные вместе с другими категориями, уже не могут быть направлены на переработку. Смешанные ТКО, учитывая существенную долю в них пищевых отходов, нередко называют «мокрыми» отходами. При этом, с точки зрения переработчиков, наиболее ценна «сухая» фракция — та, что не была в контакте с «мокрыми» отходами. Так, бумага или картон подлежат переработке только в чистом виде и после смешения с пищевыми отходами уже не могут быть использованы в качестве ма-

<sup>33</sup> Бурдина Н. Лучшее за неделю. О мусорной реформе в Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/07/10/2020/5f7dba499a794788d24ac0ab> (дата обращения: 17.10.2020).

<sup>34</sup> Гальчева А. Россия на треть увеличила ввоз пластикового мусора из-за границы. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/08/2019/5d67e17f9a7947d966d7fd3d> (дата обращения: 17.10.2020).

кулатуры. Наконец, ценность некоторых видов ТКО как вторичного сырья зависит от их физической целостности. Например, бутылки и иная стеклотара ценнее для переработчика в целом виде. Попадая в контейнер, они могут разбиться, поэтому должны быть сданы отдельно в специализированные пункты приема. Совокупность упомянутых факторов определяет ключевую роль разделения отходов на стороне потребителей.

Низкая вовлеченность потребителей в процесс разделения отходов может быть рассмотрена с точки зрения «проблемы безбилетника», для решения которой необходимо создать достоверную угрозу применения санкций за отклонение от кооперативного поведения либо достоверное обязательство поощрения в ином случае. В сфере обращения с ТКО такие угрозы или поощрения могут быть имплементированы через механизм тарифообразования, в частности путем введения стимулирующих тарифов.

Стимулирующие тарифы показали свою эффективность в вопросе вовлечения потребителей в процесс разделения отходов, в том числе и в соседних странах Балтийского региона. Так, в Германии [18; 19] и в большинстве муниципалитетов Швеции<sup>35</sup> действует принцип оплаты исходя из объема образуемых отходов (*pay-as-you-throw*). Аналогичные системы действуют также и в некоторых других странах Западной Европы, а также в Республике Корея и Японии [20; 21]. Такой подход не только стимулирует население активнее вовлекаться в процесс разделения ТКО [21], но и позволяет снизить совокупные объемы производимых отходов на 20—30% по сравнению с фиксированным тарифом [21; 22].

Примечательно, что несмотря на единые институциональные рамки, созданные общеевропейским экологическим законодательством и нормативами по обращению с отходами, страны Южной Европы не показывают таких же результатов в области переработки отходов, как перечисленные выше страны. Многие авторы связывают такой результат в том числе и с недостаточным внедрением механизма стимулирующих тарифов<sup>36</sup> [23].

Стимулирующие схемы часто рассматриваются как решение проблемы субъективного риска («*moral hazard*»), или постконтрактного оппортунизма, связанной с асимметрией информации при ненаблюдаемых действиях контрагента. Однако в отличие от ситуации субъективного риска потребитель услуг по обращению с ТКО изначально не берет на себя обязательств по разделению отходов. Здесь речь идет скорее о социальной дилемме, когда частные выгоды от определенных действий (разделения отходов) не превышают общественные выгоды. В такой ситуации и возникает «проблема безбилетника», которая уже описывалась выше: то, как выгодно поступить каждому отдельному индивиду, оказывается неоптимально с точки зрения общественного благосостояния.

Опираясь на подход, представленный в предыдущем разделе, можно показать, что стимулирующий тариф способен решить «проблему безбилетника». Такой тариф вносит элемент исключаемости в изначально преимущественно неисключаемое в потреблении благо, которым выступает доступ к системе обращения с отходами. Стимулирующий тариф подразумевает, что потребитель получает скидку (поощрение), если он корректно разделяет отходы. Такая скидка является исклю-

<sup>35</sup> *Avfall Sverige* — the Swedish Waste Management Association. URL: <https://www.avfallsverige.se/in-english/> (дата обращения: 22.10.2020).

<sup>36</sup> *Planelles M.* Why Spain gets a failing grade when it comes to recycling. URL: [https://english.elpais.com/elpais/2018/02/28/inenglish/1519836799\\_117305.html](https://english.elpais.com/elpais/2018/02/28/inenglish/1519836799_117305.html) (дата обращения: 17.09.2020); *Summary of Recommendations for Spain.* URL: [https://ec.europa.eu/environment/waste/framework/pdf/facsheets\\_and\\_roadmaps/Roadmap\\_Spain.pdf](https://ec.europa.eu/environment/waste/framework/pdf/facsheets_and_roadmaps/Roadmap_Spain.pdf) (дата обращения: 22.10.2020)

чаемой — в случае нарушения условий потребитель платит повышенный тариф, но при этом никак не ограничивается в доступе к самой услуге по вывозу отходов. В итоге создается достоверная угроза отказа в предоставлении скидки, чем и обеспечивается соответствие частных выгод отдельных индивидов и общественно эффективного результата.

В рамках стимулирующего тарифа допускаются два варианта расчета: исходя либо из массы, либо из объема отходов. Если в качестве базы для расчета используется масса, то техника, вывозящая отходы, должна быть оснащена весовым оборудованием, что связано с дополнительными издержками оператора.

При расчете тарифа исходя из объема специальных измерений проводить не требуется. Обычно в качестве условной единицы объема выступает бак или пакет [24]. В первом случае сотрудники оператора забирают отходы по мере заполнения бака. При этом сами баки различаются по объемам в зависимости от потребностей домохозяйства. В основном такая схема применяется за городом. Второй вариант подразумевает, что потребители используют специальные мусорные пакеты определенного объема (в некоторых случаях еще и разного цвета для разного вида отходов). Оператор выставляет счет исходя из общего числа пакетов.

Существенным ограничением такой системы является сложность ее применения для жителей многоквартирных домов. В этом случае невозможно определить количество отходов, создаваемых в каждой отдельной квартире. Тем не менее, как, например, это сделано в Германии, тариф может выставляться на основе общего объема по всему подъезду (при наличии мусоропровода) или дому (если бак на улице)<sup>37</sup>.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что Калининград — наиболее подходящий для внедрения стимулирующей схемы тарифообразования кандидат среди прочих российских городов — региональных центров. Главная отличительная черта Калининграда — относительно невысокая этажность застройки. Жители многоквартирных домов будут сталкиваться с проблемой коллективных действий, когда экономия на тарифе зависит от усилий каждого жильца. При этом базовый постулат теории коллективных действий гласит, что успех таких действий менее вероятен по мере роста числа участников группы<sup>38</sup> [25]. В такой ситуации, чем меньшее число людей проживает в доме, тем проще им будет прийти к согласию относительно совместного участия. Кроме того, это снижает издержки мониторинга и выявления нарушений со стороны отдельных индивидов.

Важно, чтобы подобная система создавала не только негативные (чем больше отходов, тем «хуже»), но и позитивные стимулы для населения. Например, в некоторых регионах Швеции и Германии предусмотрено, что плата взимается только за вывоз бака со смешанными отходами, в то время как баки со вторсырьем вывозятся бесплатно. Вкупе с негативными стимулами невывоза отходов, если их состав не соответствует нормативам (иными словами, если смешанные отходы будут перераспределяться в другие баки, которые вывозятся бесплатно, то после ряда нарушений оператор может отказать в вывозе отходов), это создает оптимальные условия для поддержания системы раздельного сбора и в то же время — для сокращения объема производимых отходов.

<sup>37</sup> Загуменнов Д. «Когда все платят одну и ту же сумму — неважно, как вы сортируете мусор». Почему Германия победила свалки. URL: <https://properm.ru/news/society/177821/> (дата обращения: 23.10.2020).

<sup>38</sup> Хотя этот тезис не раз оспаривался в литературе (см., напр. [30; 31]), рассматриваемая нами ситуация все же ближе к классическому примеру: группа гомогенна по интересам, а вклады отдельных участников в общее дело равны.



Обсуждая вопрос стимулов, создаваемых данной схемой оплаты, нельзя обойти проблему оппортунистического поведения. Очевидно, что если тариф будет зависеть от объема или массы отходов, то люди предпочтут эти объемы или массу сократить всеми доступными средствами, например подбросив свой мусор в бак соседнего дома, или просто оставив на улице [26], или участвуя в «мусорном туризме»<sup>39</sup>. Поэтому помимо прочих технических вопросов (взвешивание, расчет тарифа) возникают дополнительные издержки, связанные с организацией системы мониторинга.

Самое простое решение в данной ситуации заключается в огораживании территории (в том числе с устройством крыши), где размещены общедомовые баки. Доступ к этой территории предоставляется только жителям домов и сотрудникам оператора. Это исключает возможность подбрасывания отходов от недобросовестных соседей. Тем не менее следует учитывать, что после этого мусор начнет скапливаться на газонах, в урнах и иных местах.

Разумеется, в такой ситуации необходима организация системы контроля. Однако, как показывает экономическая теория, стимулирующие системы могут действовать более эффективно, чем прямой мониторинг [27; 28]. Так, к бакам с разделяемыми фракциями может быть применена не просто скидка, а отрицательный тариф, подразумевающий выплату в пользу жителей. Тогда у них появляются стимулы заполнять этот бак максимально возможным образом. Главное, чтобы после этого не возникало накладок со своевременным вывозом отходов со стороны оператора<sup>40</sup>.

Следует отметить, что успех любой реформы зависит также от ее восприятия в обществе. Если бы все стимулы были сведены лишь к штрафным санкциям и повышенному тарифу, то не следовало бы ожидать, что горожане отнесутся к таким изменениям с энтузиазмом. Одним из вариантов упрощения перехода на стимулирующий тариф является его добровольное введение: жители сами решают, что готовы участвовать в такой системе. В противном случае возможен рост непонимания в обществе, которое, вероятно, свяжет появление новой схемы оплаты с очередным ростом платежей. Так, после реорганизации отрасли в 2019 году в Калининграде уже имела место ситуация, когда в результате пересмотра нормативов стоимость вывоза отходов из Музея Мирового океана выросла в 30 раз, хотя фактический их объем не изменился<sup>41</sup>.

Несмотря на то, что на территории Калининграда и области уже долгое время существуют предприятия, осуществляющие отдельный сбор и занимающиеся переработкой ТКО, жители высказывают сомнения в том, что разделенные фракции будут утилизированы должным образом, а не направятся на захоронение<sup>42</sup>. Это также является фактором, снижающим вовлеченность населения в процесс разделения. Меры информационного характера могут оказаться недостаточно эффективными<sup>43</sup>. Лучший способ — дать жителям наглядный пример использования перера-

<sup>39</sup> Zoccatelli Z., Jaberg S. Why the Swiss dump their rubbish in France. URL: [https://www.swissinfo.ch/eng/what-a-waste\\_why-the-swiss-dump-their-rubbish-in-france/44238560](https://www.swissinfo.ch/eng/what-a-waste_why-the-swiss-dump-their-rubbish-in-france/44238560) (дата обращения: 13.01.2021).

<sup>40</sup> Говоря о разделенных отходах, следует понимать, что они все являются скорее ресурсом, чем просто мусором. Как правило, операторы все же заинтересованы в получении таких ТКО, поэтому можно предположить, что баки с ними будут вывозиться своевременно.

<sup>41</sup> В Калининградской области музею предложили платить за несуществующие отходы. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2160341/> (дата обращения: 14.10.2020).

<sup>42</sup> Марков И. Испытано на себе: как в Калининграде происходит отдельный сбор мусора. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27091/4164072/> (дата обращения: 12.10.2020).

<sup>43</sup> Практика показывает, что потребители даже не осведомлены о составе фракций, о том, что подлежит разделению, а что нет (Марков И. Испытано на себе: как в Калининграде происходит отдельный сбор мусора. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27091/4164072/> (дата обращения: 12.10.2020).



ботанных отходов. Так, в Калининградской области уже действует предприятие, производящее уличную мебель из разделенного пластика<sup>44</sup>. Мощность этого предприятия может составлять до 180 т в год, чего явно недостаточно для области, где за год население образует 82 тыс. т пластиковых отходов<sup>45</sup>.

Региональным и муниципальным властям следует стимулировать подобные инициативы, субсидируя производство объектов городской инфраструктуры из пластиковых отходов: скамейки, изгороди, указатели, клумбы, горшки для озеленения и т. д. На таких объектах должно быть указано, что они произведены из переработанных отходов. Ежедневно сталкиваясь с подобными примерами в реальной жизни, жители смогут убедиться в том, что их усилия по разделению ТКО не пропадут напрасно.

Учитывая, что у Калининградской области нет общих границ с другими субъектами Российской Федерации, создание и развитие подобных предприятий внутри области частично снимает проблему трансграничного перемещения ТКО<sup>46</sup>. В связи с этим следует также дополнительно изучить вопрос о возможности предоставления преференций таким предприятиям в процессе проведения закупок, чтобы это не входило в противоречие с существующим законодательством и не создавало рисков ограничения конкуренции.

## **Выводы**

В данной статье предложен ответ на вопросы, в чем заключаются причины неудачи при реформировании отрасли по обращению с отходами и что является препятствием для перехода к циклической экономике в России на примере Калининграда.

Отходы определены как (1) ненужные и неиспользуемые предметы и вещества, от которых (2) в текущих условиях институциональной среды владелец хочет избавиться. Такое определение отходов, с одной стороны, отражает их особенности как антиблага по сравнению с благами и ресурсами, с другой — указывает на то, что у отходов есть владелец, что потенциально облегчает процесс интернализации отрицательных внешних эффектов, появляющихся при обращении с отходами. Также в приведенном определении отмечено, что изменение институциональной среды и технологий может привести к переходу отходов из категории антиблаг в блага и ресурсы. Важно при этом, что для данного перехода необходимо обеспечить чистоту и объем отходов, а также спрос на них.

Кроме того, были рассмотрены некоторые особенности правовых отношений в сфере обращения с отходами и показано, что проблемы в этой сфере могут быть связаны как с неопределенностью прав собственности, так и с особенностями услуг. Авторы делают вывод о том, что составляющие комплекса по обращению

<sup>44</sup> «Безотходность»: что делают из переработанного мусора в Калининградской области // KGD.ru. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/91426-bezothodnost-cto-delayut-iz-pererabotannogo-musora-v-kaliningradskoj-oblasti> (дата обращения: 24.10.2020).

<sup>45</sup> Согласно территориальной схеме (Территориальная схема обращения с отходами Калининградской области // Минприроды Калининградской области. URL: <https://minprirody.gov39.ru/deyatelnost/obrashchenie-s-otkhodami/territorialnaya-skema-obrashcheniya-s-otkhodami/> (дата обращения: 11.08.2020)) общий объем ТКО, производимого населением Калининградской области, составляет 246 тыс. т (табл. 1.1), из них треть приходится на пластик (табл. 8, стр. 5 и 6).

<sup>46</sup> Так, в 2018 году у предприятий области возникла проблема с необходимостью начисления НДС и пошлин при вывозе ТКО в другие регионы (Вылегжанина У. Застряли на таможне. URL: <https://rg.ru/2018/07/31/reg-szfo/othody-na-pererabotku-iz-kaliningradskoj-oblasti-stali-zolotyami.html> (дата обращения: 13.08.2020)).

с ТКО обладают свойствами разных типов благ (общественных, клубных и частных). В то же время с ростом исключаемости возможен переход отдельных услуг из одной категории в другую (от общественных к частным благам).

Стимулирующие тарифы могут стать решением проблемы низкой доли перерабатываемых ТКО. Кроме того, стимулирующий тариф может решить «проблему безбилетника», если будут сформированы механизмы борьбы с оппортунистическим поведением.

На наш взгляд, Калининградская область в силу относительно низкой этажности застройки является наилучшим местом для внедрения стимулирующего тарифа. При введении такого тарифа в многоэтажных домах возникает проблема коллективных действий, которая решается тем успешнее, чем меньше этажей в доме и, соответственно, чем меньше жителей проживает в нем.

Среди рекомендаций мы хотели бы выделить необходимость перехода на стимулирующую тарифную схему на добровольной основе. Кроме того, переработанные отходы могут быть направлены на создание объектов городской инфраструктуры, которые должны содержать соответствующие обозначения о том, что они созданы из переработанных отходов. Все это позволит сгладить общее негативное отношение населения к реформе и повысить его вовлеченность в отдельный сбор. В свою очередь, развитие переработки внутри региона также решает проблемы, связанные с трансграничным перемещением отходов в другие субъекты Российской Федерации.

*Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.*

## Список литературы

1. Kaza S., Yao L., Bhada-Tata P., Woerden F. Van What a waste 2.0. A global snapshot of solid waste management to 2050. Washington, 2018.
2. Волчецкая Т. С., Холопова Е. Н., Григорьев А. Г. Функциональная характеристика модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 4. С. 39—59.
3. Cheyne I., Purdue M. Fitting definition to purpose: The search for a satisfactory definition of waste // Journal of Environmental Law. 1995. Vol. 7, № 2. P. 149—168.
4. Шаститко А. Е., Мелешкина А. И., Шаститко А. А. Распределение издержек, регулирование и стимулы в сфере совместного производства товаров // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2015. № 1. С. 18—40.
5. Pongrácz E. Re-defining the concepts of waste and waste management. Evolving the Theory of Waste Management. Oulu, 2002.
6. Gourlay K. A. World of Waste: Dilemmas of industrial development. L. ; N.Y., 1992.
7. North D. C., Wallis J. J. Integrating institutional change and technical change in economic history a transaction cost approach // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE). 1994. Vol. 150, № 4. С. 609—624.
8. Lacy P., Rutqvist J. Waste to wealth: The circular economy advantage. Springer, 2016.
9. Cointreau-Levine S. Private sector participation in municipal solid waste services in developing countries. Vol. 1: The formal sector. Washington, 1994.
10. Cavé J. Who owns urban waste? Appropriation conflicts in emerging countries // Waste Management & Research. 2014. Vol. 32, № 9. С. 813—821.
11. Долгушин А. Б., Хмельченко Е. Г., Прибылов П. А. Анализ развития законодательной базы по реформированию системы обращения с твердыми коммунальными отходами в России // Муниципальная академия. 2019. № 1. С. 9—19.
12. Путинцева Н. А. Организация раздельного сбора твердых коммунальных отходов в России // Петербургский экономический журнал. 2019. № 1. С. 81—88.
13. Орлов М. Ш., Сердюков А. В., Шаповалов А. В. Обращение с твердыми коммунальными отходами: проблемы регулирования и пути их решения // Инновационное развитие. 2019. № 2. С. 32—35.

14. Каплина С. П., Семенова М. В., Дзюба К. С. и др. Твердые коммунальные отходы как вторичные материальные ресурсы (на примере города Дубна Московской области) // Успехи современного естествознания. 2018. № 2. С. 93—98.
15. Пластинина Ю. В., Теслюк Л. М., Дукмасова Н. В. Реализация принципов циркулярной экономики при региональном обращении с твердыми коммунальными отходами (ТКО) в Российской Федерации // Инновационное развитие экономики. 2018. № 5. С. 129—139.
16. Гаев Ф. Ф., Якушина А. М., Цховребов Э. С. и др. Экономические и организационные аспекты раздельного сбора твердых коммунальных и крупногабаритных отходов // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. 2019. № 1. С. 96—108.
17. Алкснис Е. Д. Совершенствование государственной политики в сфере утилизации твердых бытовых (коммунальных) отходов в Ленинградской области // Вестник современных исследований. 2019. № 3.6. С. 16—24.
18. Reichenbach J. Status and prospects of pay-as-you-throw in Europe — A review of pilot research and implementation studies // Waste Management. 2008. Vol. 28, № 12. С. 2809—2814.
19. Morlok J., Schoenberger H., Styles D. et al. The impact of pay-as-you-throw schemes on municipal solid waste management: The exemplar case of the county of Aschaffenburg, Germany // Resources. 2017. Vol. 6, № 1. <https://doi.org/10.3390/resources6010008>.
20. Brown Z. S., Johnstone N. Better the devil you throw: Experience and support for pay-as-you-throw waste charges // Environmental Science & Policy. 2014. Vol. 38. P. 132—142. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2013.11.007>.
21. Ayalon O., Brody S., Shechter M. Household waste generation, recycling and prevention. OECD Studies on Environmental Policy and Household Behaviour, OECD Publishing, 2013. P. 219—245.
22. Dahlén L., Lagerkvist A. Pay as you throw: strengths and weaknesses of weight-based billing in household waste collection systems in Sweden // Waste management. 2010. Vol. 30, № 1. P. 23—31. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2009.09.022>.
23. Andretta A., D'addato F., Serrano-Bernardo F. et al. Environmental taxes to promote the eu circular economy's strategy: Spain vs. Italy // Environmental Engineering and Management Journal. 2018. Vol. 17, № 10. P. 2307—2311. <https://doi.org/10.30638/eemj.2018.229>.
24. Bilitewski B. From traditional to modern fee systems // Waste management. 2008. Vol. 28, № 12. P. 2760—2766. <https://doi.org/10.1016/j.wasman.2008.03.032>.
25. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA, 1965.
26. Fullerton D., Kinnaman T. C. Household responses for pricing garbage by the bag // American Economic Review. 1996. Vol. 86. С. 971—984.
27. Holmstrom B. Moral Hazard in Teams // The Bell Journal of Economics. 1982. Vol. 13, № 2. P. 324—340.
28. Hölmstrom B. Moral hazard and observability // Bell Journal of Economics. 1979. Vol. 10, repr. № 1. P. 74—91.
29. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. М., 2010.
30. Esteban J., Ray D. Collective action and the group size paradox // American political science review. 2001. Vol. 95, № 3. P. 663—672.
31. Oliver P. E., Marwell G. The paradox of group size in collective action: A theory of the critical mass. II // American Sociological Review. 1988. Vol. 53, № 1. P. 1—8.

## Об авторах

**Андрей Евгеньевич Шаститко**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: [aes@ranepa.ru](mailto:aes@ranepa.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-6713-069X>

**Карина Александровна Ионкина**, ассистент кафедры конкурентной и промышленной политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; младший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: [ionkina-ka@ranepa.ru](mailto:ionkina-ka@ranepa.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-6333-7282>

**Ольга Анатольевна Маркова**, ассистент кафедры конкурентной и промышленной политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; младший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия; главный эксперт Института конкурентной политики и регулирования рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: [markovaoa@outlook.com](mailto:markovaoa@outlook.com)

<https://orcid.org/0000-0002-3512-6282>

**Антон Николаевич Морозов**, ассистент кафедры конкурентной и промышленной политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; младший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия; главный эксперт Института конкурентной политики и регулирования рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: [morozov-an@ranepa.ru](mailto:morozov-an@ranepa.ru)

---

## INSTITUTIONAL APPROACH TO ASSESSING THE TRANSITION TO A CIRCULAR ECONOMY: THE CASE OF THE KALININGRAD REGION

---

**A. E. Shastitko**<sup>1,2</sup>

**K. A. Ionkina**<sup>1,2</sup>

**O. A. Markova**<sup>1,2,3</sup>

**A. N. Morozov**<sup>1,2,3</sup>

---

<sup>1</sup> Lomonosov Moscow State University  
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

<sup>2</sup> Russian Presidential Academy  
of National Economy and Public Administration,  
82/1 Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russia

<sup>3</sup> National Research University Higher School of Economics  
20 Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia

Received 27 October 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-2

© Shastitko, A. E., Ionkina, K. A., Markova, O. A.,  
Morozov, A. N., 2021

The article discusses possible reasons for the failure of Russia's waste management industry reform and highlights the ownership blurring as a factor that may hinder the transition to a circular economy, which has been proposed as one of the outcomes of the reform. This study aims to address possible obstacles to transitioning to a circular economy in the Kaliningrad region. Methodologically, the study uses instruments of new institutional economics: by comparing discrete institutional alternatives for municipal solid waste (MSW) management, the authors propose incentive schemes that will likely stimulate the transition to a circular economy in the region. It is shown that, in Russia, the identification of the holder of the property right to waste is complicated. This can be a hindrance to effective MSW management. Moreover, objects handled by MSW management services may fall into different types, but at the same time, it is possible to transfer objects from one type to another. One of the ways to improve the exclusion of services of MSW utilization is the introduction of incentive tariffs. Low-rise housing in the Kaliningrad region makes it an ideal region for the introduction of such a scheme. When calculating the unsorted waste transport fee, a multiplier can be used to reduce the payment for waste-separating households. This can serve as an additional incentive for overcoming collective action problem in MSW collecting and sorting. To prevent social resistance to such a policy, incentive schemes should be implemented on a voluntary basis.

**Keywords:**

municipal solid waste, recycling, recovery, externalities, circular economy, incentive schemes (pay-as-you-throw)

**References**

1. Kaza, S., Yao, L., Bhada-Tata, P., Woerden, F. Van. 2018, *What a waste 2.0: a global snapshot of solid waste management to 2050*, The World Bank, 295 p.
2. Volcheckaya, T. S., Holopova, E. N., Grigorev, A. G. 2018, A functional description of the model for the protection of the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 4, p. 39–59. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-3.
3. Cheyne, I., Purdue, M. 1995, Fitting definition to purpose: The search for a satisfactory definition of waste, *Journal of Environmental Law*, vol. 7, no 2. p. 149–168.
4. Shastitko, A. E., Meleshkina, A. I., Shastitko, A. A. 2015, Cost allocation, regulation and incentives in joint production of goods, *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Economics Bulletin], no. 1, p. 18–40 (in Rus.).
5. Pongrácz, E. 2002, *Re-defining the concepts of waste and waste management: Evolving the Theory of Waste Management*, University of Oulu Oulu, 166 p.
6. Gourlay, K. A. 1992, *World of Waste: Dilemmas of industrial development*, Zed books, 256 p.
7. North, D. C., Wallis, J. J. 1994, Integrating institutional change and technical change in economic history a transaction cost approach. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)*, vol. 150, no. 4, p. 609–624.
8. Lacy, P., Rutqvist, J. 2016, *Waste to wealth: The circular economy advantage*, Springer, 263 p.
9. Cointreau-Levine, S. 1994, *Private sector participation in municipal solid waste services in developing countries*. Vol. 1, The formal sector, The World Bank, 67 p.
10. Cavé, J. 2014, Who owns urban waste? Appropriation conflicts in emerging countries, *Waste Management & Research*, vol. 32, no. 9, p. 813–821.
11. Dolgushin, A. B., Hmel'chenko, E. G., Pribylov, P. A. 2019, Analysis of the development of the legislative base for the reformation of the system of handling urban municipal waste in Russia, *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], no.1, p. 9–19 (in Rus.).
12. Putinceva, N. A. 2019, Organization of separate collection of solidmunicipal waste in Russia, *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal* [Saint-Petersburg Economic Journal], no. 1, p. 81–88 (in Rus.).
13. Orlov, M. Sh., Serdjukov, A. V., Shapovalov, A. V. 2019, Handling with solid municipal waste: problems of regulation and the ways of their solution, *Innovatsionnoe razvitie* [Innovative development], no.2, p. 32–35 (in Rus.).

14. Kaplina, S. P., Semenova, M. V., Dzjuba, K.S., Andronov, S. V., Kamanina, I. Z., Starostina, I. A. 2018, Municipal solid waste as secondary raw material (exemplified by Dubna, Moscow region), *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural sciences], no.2, p. 93–98 (in Rus.).
15. Plastinina, Ju. V., Tesljuk, L. M., Dukmasova, N. V. 2018, Implementation of the principles of a circular economy in the regional management of municipal solid waste (MSW) in the Russian Federation, *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki* [Innovative development of economy], no.5, p. 129–139 (in Rus.).
16. Gaev, F. F., Jakushina, A. M., Chovrebov, Je. S., Velichko, E. G., Rahmanov, M. L., Shkanov, S. I. 2019, Economic and organizational aspects of separate collection of solid communal and large-sized waste, *Zhilishchnoe khozyaistvo i kommunal'naya infrastruktura* [Housing and utilities infrastructure], no. 1, p. 96–108 (in Rus.).
17. Alksnis, E. D. 2019, Improvement of state policy in the field of disposal of solid household (municipal) waste in the Leningrad region, *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of Contemporary Research], vol.3, no. 6, p. 16–24 (in Rus.).
18. Reichenbach, J. 2008, Status and prospects of pay-as-you-throw in Europe-A review of pilot research and implementation studies, *Waste Management*, vol. 28, no. 12, p. 2809–2814.
19. Morlok, J., Schoenberger, H., Styles, D., Galvez-Martos, J. L., Zeschmar-Lahl, B. 2017, The impact of pay-as-you-throw schemes on municipal solid waste management: The exemplar case of the county of Aschaffenburg, Germany, *Resources*, vol. 6, no. 8, p. 1–16.
20. Brown, Z. S., Johnstone, N. 2014, Better the devil you throw: Experience and support for pay-as-you-throw waste charges, *Environmental Science & Policy*, no. 38 p. 132–142.
21. Ayalon, O., Brody, S., Shechter, M. 2013, Household waste generation, recycling and prevention, *OECD Studies on Environmental Policy and Household Behaviour*, OECD Publishing, p. 219–245.
22. Dahlén, L., Lagerkvist, A. 2010, Pay as you throw: strengths and weaknesses of weight-based billing in household waste collection systems in Sweden, *Waste management*, vol. 30, no. 1, p. 23–31.
23. Andretta, A., D'addato, F., Serrano-Bernardo, F., Zamorano, M., Bonoli, A. 2018, Environmental taxes to promote the eu circular economy's strategy: Spain vs. Italy, *Environmental Engineering and Management Journal*, vol. 17, no. 10, p. 2307–2311.
24. Bilitewski, B. 2008, From traditional to modern fee systems, *Waste management*, vol. 28, no. 12, p. 2760–2766.
25. Olson, M. 1965, *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Cambridge, MA, Harvard University Press.
26. Fullerton, D., Kinnaman, T. C. 1996, Household responses for pricing garbage by the bag, *American Economic Review*, no. 86, p. 971–984.
27. Holmstrom, B. 1982, Moral Hazard in Teams, *The Bell Journal of Economics*, vol. 13, no. 2, p. 324–340.
28. Hölmstrom, B. 1979, Moral hazard and observability, *Bell Journal of Economics*, vol. 10, repr., no. 1, p. 74–91.
29. Shastitko, A. E., *Novaya institucional'naya ekonomicheskaya teoriya* [New institutional economic theory], M, TEIS. (in Rus.).
30. Esteban, J., Ray, D. 2001, Collective action and the group size paradox, *American political science review*, p. 663–672.
31. Oliver, P. E., Marwell, G. 1988, The paradox of group size in collective action: A theory of the critical mass. II., *American Sociological Review*, p. 1–8.

## **The authors**

**Prof. Andrey E. Shastitko**, Head of the Department of Competition and Industrial Policy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia; Director, Centre for Competition and Economic Regulation Studies, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: aes@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6713-069X>



**Karina A. Ionkina**, Teaching Assistant, the Department of Competition and Industrial Policy, Lomonosov Moscow State University, Russia; Junior Researcher, Centre for Competition and Economic Regulation Studies, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: [ionkina-ka@ranepa.ru](mailto:ionkina-ka@ranepa.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-6333-7282>

**Olga A. Markova**, Teaching Assistant, the Department of Competition and Industrial Policy, Lomonosov Moscow State University, Russia; Junior Researcher, Centre for Competition and Economic Regulation Studies, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Russia; Chief Expert, the Institute for Competition Policy and Market Regulation, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: [markovaoa@outlook.com](mailto:markovaoa@outlook.com)

<https://orcid.org/0000-0002-3512-6282>

**Anton N. Morozov**, Teaching Assistant, the Department of Competition and Industrial Policy, Lomonosov Moscow State University, Russia; Junior Researcher, Centre for Competition and Economic Regulation Studies, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Russia; Chief Expert, the Institute for Competition Policy and Market Regulation, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: [morozov-an@ranepa.ru](mailto:morozov-an@ranepa.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-5402-8023>

---

---

---

# СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

---

---

## ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОСЕЛЕНИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

---

**С. С. Лачининский**<sup>1,2</sup>  
**И. С. Сорокин**<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский государственный университет,  
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

<sup>2</sup> Институт проблем региональной экономики РАН,  
190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38

Поступила в редакцию 03.09.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-3

© Лачининский С. С., Сорокин И. С., 2021

*Статья посвящена исследованию пространственной структуры и особенностей развития поселений, входящих в состав Санкт-Петербургской агломерации. Были рассмотрены конкретные составляющие экономического развития метрополитенских поселений и выявлены некоторые особенности развития поселений второй крупнейшей городской агломерации в России на основе инвентаризации предыдущих исследований и ранее не использовавшихся источников данных (базы Федеральной налоговой службы и «СПАРК-Интерфакс»). На основе предыдущих исследований были актуализированы границы и состав Санкт-Петербургской городской агломерации. Анализ численности населения поселений дал возможность определить так называемый пояс роста агломерации. Благодаря перечням системообразующих предприятий в городе и области удалось выявить закономерности экономического развития агломерации. База «СПАРК-Интерфакс» дала возможность показать соотношение пространственных элементов агломерации (ядро агломерации и спутниковая зона) в распределении выручки экономических агентов. Для выделения крупнейших центров торговли в Санкт-Петербургской агломерации было решено использовать данные о размещении крупнейших объектов розничной торговли: торгово-развлекательных центров и гипермаркетов. Полученная картосхема была составлена по данным геоинформационных сервисов «2GIS» и «Яндекс.Карты». Важной составляющей анализа агломерации стало выявление ареалов строительства жилья. Основным источником информации послужили данные Федеральной налоговой службы РФ о налоге на имущество физических лиц. В отчетах ФНС приведены данные о количестве жилых домов и жилых помещений (квартиры, комнаты), учтенных в базе налоговых органов. С помощью налоговой статистики ФНС были выявлены особенности распределения доходов населения и размещение рабочих мест. Уточнены современные функции поселений Санкт-Петербургской агломерации. В пространственной структуре агломерации были выделены и обоснованы три группы «опорных центров» агломерации. Пространственная структура Санкт-Петербургской городской агломерации включает ядро агломерации, «ареал роста населения» («пояс роста»), доноров и реципиентов маятниковой трудовой миграции, а также «опорные центры» агломерации.*

### **Ключевые слова:**

Санкт-Петербургская городская агломерация, город, пространственная структура, опорные центры, экономическая безопасность

---

**Для цитирования:** Лачининский С. С., Сорокин И. С. Пространственная структура и особенности развития поселений Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 48–69.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-3.

## Предыдущие исследования и постановка проблемы

Данное исследование посвящено оценке роли и места городских поселений в системе расселения второй крупнейшей городской агломерации в России — Санкт-Петербургской. Ее детерминирующими признаками являются моноцентризм в пространственной структуре, приморское и «столичное» положение, «рыхлая» транспортная структура, рудименты советской индустриализации как основы формирования крупных городских поселений, расширение субурбии за счет многоэтажных спальных районов и коттеджных поселков, новая индустриализация в 2000-х годах вследствие бурного прилива иностранных инвестиций.

Авторы отталкиваются от двух важнейших понятий: «экономическая безопасность» и «саморазвитие поселений». Если о первом достаточно подробно сказано в [1; 2], то второй термин более размыт и неопределен. Зачастую под саморазвитием понимается развитие преимущественно за счет внутренних ресурсов [3—6]. В исследованиях<sup>1</sup> вопросы саморазвития рассматриваются в более широком пространственном аспекте и затрагивают регионы в контексте самоорганизации, самодостаточности, самореализации [7]. В региональной экономике «саморазвитие» на региональном уровне [8—9] представлено как способность региона обеспечивать расширенное воспроизводство за счет собственных доходных источников и достижение устойчивого состояния экономики и ее структурных элементов.

С позиции системного подхода саморазвитие муниципального образования следует понимать как максимально полное использование преимущественно местных, а также привлеченных ресурсов с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности населения данной территории в ближайшей и долгосрочной перспективах [10; 11].

Под саморазвитием городских поселений в рамках агломерации будем понимать социально-экономическое развитие, приводящее к полному использованию внутренних и привлеченных ресурсов с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности населения данного поселения, происходящее в условиях устойчивого роста численности населения, опирающегося на полиотраслевую структуру экономики и имеющее на своей территории несколько системообразующих предприятий.

Изучением городских агломераций занимаются многие исследователи. Считается, что термин «агломерация» был впервые употреблен французским ученым-географом М. Руже (1973) в следующем значении: «группа пригородов, слившихся с главным городом, или несколько слившихся мелких городов». Исследователь считал, что агломерация возникает тогда, когда «концентрация городских видов деятельности выходит за пределы административных границ и распространяется на соседние населенные пункты» (Цит. по: [12]).

В 1970-х — 1980-х годах, когда понятие агломерации прочно закрепилось в научном мире, ряд исследований дал определение городской агломерации. Г. М. Лаппо в 1987 году писал, что агломерация — это «компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в сложную динамическую локальную систему многообразными интенсивными связями — коммунально-хозяйственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными, а также совместным использованием данного ареала и его ресурсов» [13]. В основном иссле-

<sup>1</sup> *China's Population and Development in the 21st Century*. URL: <http://www.china.org.cn/e-white/21st/index.htm> (дата обращения: 20.04.2020); *Lorenzo G. B. Development and Development Paradigms. A (Reasoned) Review of Prevailing Visions*. URL: <http://www.fao.org/3/a-ap255e.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).

дователи выделяют одинаковые элементы городской агломерации: города-центра, его зон влияния (чаще всего их три: ближняя, средняя и дальняя), поселений-спутников, разнообразные связи населенных пунктов в составе агломерации с городом-центром. Сходства в развитии системы расселения в социалистических странах и странах «свободного предпринимательства» отметил французский ученый Ж. Боже-Гарнье [14]. Это говорит об объективности агломерационных процессов.

С ростом территории и влияния городов исследователи стали все больше обращать внимание на их функционально-территориальную структуру. В ходе развития процесса субурбанизации получали все более широкие функции и пригороды крупных городов. Самым распространенным способом описания пространственной структуры городской агломерации является деление территории агломерации на пояса в зависимости от удаленности от центра. Такая концепция получила широкое распространение в России и легла в основу ряда документов стратегического планирования, например «Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» [16]. В основе такого подхода лежит выделение ядра агломерации, имеющего плотную застройку, высокую численность населения и концентрирующего существенную или даже большую часть рабочих мест, организаций сферы услуг, культурных и досуговых учреждений агломерации. Вокруг ядра располагаются несколько поясов (обычно два или три), жители которых имеют возможность регулярно посещать ядро с трудовыми или рекреационными целями. Исследователи считают, что в пределах этих границ замыкается 75–80% регулярных миграций населения [17].

Долгое время пригороды крупных городов выполняли преимущественно селитебные и рекреационные функции. Однако в 1970-х — 1980-х годах субурбанизация затронула офисно-деловую и научно-производственную деятельность [18]. Вскоре стало очевидно, что пригородная зона (спутниковая зона агломерации) принимает на себя все больше функций, которые ранее были присущи центру (крупнейшим городам). На периферию агломерации смещались центры торговли, деловой активности, исследовательские учреждения и промышленные предприятия. Это привело к упадку традиционно мощных центральных деловых районов крупных городов. Аналогичные процессы наблюдались на постсоветском пространстве: разгрузка центра агломерации, вынос части функций на окраины [19]<sup>2</sup>. На современном этапе развитие агломераций переходит со стадии субурбанизации к стадии постсубурбанизации, когда пригороды (спутниковые зоны) наращивают функциональное разнообразие [18]. Все это поставило перед исследователями новую задачу: дать характеристику территориально-функциональной структуре городских агломераций.

В начале 1990-х годов американский ученый и журналист Джоэл Гарро (Joel Garreau) ввел понятие «edge city» («окраинный город»). Свою идею Гарро описал в книге «Edge City: Life on the New Frontier» в 1991 году. Окраинные города располагаются на периферийных частях городских агломераций и обеспечивают для окрестных жителей часть функций ядра, до которого они не имеют возможности регулярно добираться. Автор считал, что появление и развитие таких городов является символом нового этапа в процессе урбанизации.

Советские исследователи также обратили внимание на развитие крупных локальных центров в пределах городских агломераций. В начале 1970-х годов Г. М. Лаппо при анализе тенденций развития Московской агломерации ввел понятие «агломерация второго порядка» [20]. В дальнейшем это понятие получило развитие как в трудах самого Лаппо, так и в работах Е. Н. Перцика и А. Г. Махровой [21].

<sup>2</sup> Рынок жилья и расселение в Московском регионе // Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/tema06.php> (дата обращения: 12.03.2020).

Агломерации второго порядка являются структурными подразделениями агломераций первого порядка (основных агломераций). Они характеризуются развитой системой функциональных связей как внутри образования, так и с ядром основной агломерации. Такие агломерации имеют собственный центр (ядро), к которому тяготеют все прочие населенные пункты, но при этом вся агломерация второго порядка выступает в качестве спутниковой зоны ядра основной агломерации. Центр агломерации второго порядка должен отличаться от окружающих населенных пунктов высокой численностью и концентрацией населения, развитой и устойчивой функциональной структурой, центральностью, хорошим развитием транспортной, промышленной и инженерной инфраструктуры и прочим. Е. Н. Перцик и А. Г. Махрова полагают, что численность населения центров агломерации второго порядка должна быть не менее 50 тыс. жителей, а границы агломерации соответствовать полуторачасовой изохроне транспортной доступности [21].

В настоящее время получили распространение новые методы изучения пространственной структуры агломерации, в частности — центров второго порядка. Широкие возможности предоставляет использование данных операторов сотовой связи о перемещениях клиентов [26]. Это позволило не только определить границы крупнейшей в России Московской агломерации, но и выделить на ее территории «локальные центры притяжения», принимающие маятниковых мигрантов с окрестных территорий [27; 28]. Роль таких центров в социально-экономическом развитии агломерации пока не была определена, но указанные исследования в очередной раз подтверждают наличие в составе крупных городских агломераций локальных «опорных центров», принимающих на себя часть функций основного ядра.

Неслучайно в большинстве классических работ западных исследователей под центрами притяжения (или центрами активности) подразумеваются территории, характеризующиеся концентрацией мест приложения труда [22]. В одном из последних исследований европейских ученых на примере городов Франции и Нидерландов [23] указывается, что города-спутники, или субцентры, быстро трансформируются из ареалов «только для бизнеса» в многофункциональные места, которые часто имеют жилые, офисные, торговые, легкие, промышленные и складские территории.

## Методика исследования

Авторы сфокусировали свое внимание на изучении неоднородности социально-экономического развития территории Санкт-Петербургской агломерации. Для анализа были выбраны следующие показатели: численность населения и его динамика, количество системообразующих организаций, выручка организаций, количество крупных объектов розничной торговли (торгово-развлекательные центры и гипермаркеты), строительство жилья, число рабочих мест.

В качестве источников данных были использованы базы Федеральной налоговой службы и «СПАРК-Интерфакс», а также региональные перечни системообразующих организаций.

База «СПАРК-Интерфакс» дала возможность показать соотношение пространственных элементов агломерации (ядро агломерации и спутниковая зона) в распределении выручки экономических агентов.

Благодаря данным геоинформационных сервисов «2GIS» и «Яндекс.Карты» составлена авторская картосхема о размещении крупнейших объектов розничной торговли: торгово-развлекательных центров (ТРЦ) и гипермаркетов.

Выявление ареалов строительства жилья осуществлено с помощью данных Федеральной налоговой службы о налоге на имущество физических лиц. Кроме этого с помощью налоговой статистики ФНС выявлены особенности распределения доходов населения и размещение рабочих мест.

На основе расчетов динамики численности населения определены муниципалитеты, характеризующиеся высокими темпами роста численности населения, локализованные у границ ядра агломерации и формирующие условный «пояс роста».

Для изучения особенностей маятниковой миграции использованы данные ФНС о численности рабочих мест и данные Федеральной службы государственной статистики (ФСГС Росстат) о численности населения. Были выявлены доноры и реципиенты маятниковой миграции среди муниципалитетов, входящих в состав Санкт-Петербургской агломерации.

Выделение «опорных центров» агломерации производилось авторами по совокупности всех показателей, использованных в исследовании, включая расчетный показатель соотношения количества рабочих мест и численности населения.

### **Состав и границы Санкт-Петербургской агломерации**

Санкт-Петербургская городская агломерация располагается на территории двух субъектов Российской Федерации — Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Большинство исследователей сходятся во мнении, что территория города федерального значения Санкт-Петербурга полностью входит в состав агломерации. К выделению границ агломерации на территории Ленинградской области существует несколько подходов.

Фундаментальное исследование было проведено при подготовке Генерального плана Санкт-Петербурга с 2002 по 2005 год, а также при разработке в 2012 году Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года [16]. Также следует отметить статью И. Л. Резникова, опубликованную в 2017 году [24].

В рамках данного исследования считаем правильным полностью включить в состав агломерации прилегающие к Санкт-Петербургу районы Ленинградской области (Выборгский, Всеволожский, Кировский, Тосненский, Гатчинский, Ломоносовский) и Сосновоборский городской округ. Это необходимо по ряду причин. Во-первых, для доступа к ряду статистических показателей, которые нельзя получить на уровне муниципальных образований первого порядка. Во-вторых, на данный момент отсутствует исследование, описывающее маятниковую миграцию на всех видах транспорта между спутниковой зоной и ядром агломерации, хотя есть отдельные работы, посвященные различным видам общественного транспорта (от автобусов до пригородных поездов). Однако именно высокая доля маятниковых мигрантов в общей численности занятых позволяет отнести территорию к городской агломерации. Без знания этого показателя невозможно однозначно судить о том, какие части прилегающих к Петербургу районов Ленинградской области входят в состав агломерации, а какие нет. Для того чтобы полностью покрыть потенциальную территорию городской агломерации Санкт-Петербурга, считаем необходимым включить в нее описанные выше районы и Сосновоборский городской округ целиком.

Следующим вопросом является выделение ядра агломерации (собственно Санкт-Петербурга) на территории субъекта Российской Федерации Санкт-Петербурга. В состав города федерального значения входят три типа муниципальных об-



разований: муниципальные округа, города и поселки. Все города можно считать самостоятельными городами-спутниками Санкт-Петербурга. Все поселки располагаются на периферии Санкт-Петербурга, находятся в составе Курортного, Петродворцового, Пушкинского, Колпинского, Выборгского и Приморского районов и слабо связаны транспортной инфраструктурой с ядром. Поэтому в рамках данного исследования предлагаем считать ядром агломерации совокупность муниципальных округов города федерального значения Санкт-Петербурга.

Некоторые необходимые показатели (данные базы «СПАРК-Интерфакс») доступны лишь по муниципальным районам Ленинградской области и районов Санкт-Петербурга. При использовании таких показателей необходимо пересмотреть состав ядра и спутниковой зоны агломерации. Границы в Ленинградской области останутся неизменными. В Санкт-Петербурге зона ядра агломерации (муниципальные округа Санкт-Петербурга) расположена на территории 13 районов города: Адмиралтейского, Василеостровского, Выборгского, Калининского, Кировского, Красногвардейского, Красносельского, Московского, Невского, Петроградского, Приморского, Фрунзенского, Центрального. При этом на территории Красносельского района находится г. Красное Село, который относится к спутниковой зоне агломерации; на территории Приморского района — пос. Лисий Нос, а на территории Выборгского района — пос. Парголово и Левашово. Совокупная численность этих муниципалитетов составляет 145 тыс. жителей (7,3% от населения спутниковой зоны агломерации).

Таким образом, ядро агломерации составляют 13 перечисленных ранее районов. Спутниковая зона состоит из пяти районов Санкт-Петербурга: Колпинского, Кронштадтского, Курортного, Петродворцового и Пушкинского; шести районов Ленинградской области: Выборгского, Всеволожского, Кировского, Тосненского, Гатчинского, Ломоносовского и одного городского округа Ленинградской области — Сосновоборского.

### **Динамика численности населения агломерации**

Совокупная численность населения рассматриваемой территории в 2019 году составила 6,6 млн человек, увеличившись на 11,2% с 2010 года (5,94 млн).

На территории ядра проживают около 70% населения агломерации. С 2010 по 2019 год численность населения Санкт-Петербургской агломерации выросла на 11,2% (660 тыс. человек). Однако рост происходил неравномерно.

Рост численности населения сосредоточен преимущественно вокруг ядра агломерации, а самые быстрорастущие территории находятся вплотную к Санкт-Петербургу. Для наглядности можно разделить муниципалитеты на те, что выросли более чем на 11,2% (рост населения в целом по агломерации), и на те, в которых население сократилось или выросло менее чем на 11,2%. Таким образом, мы сможем выделить условный «пояс роста» населения в городской агломерации.

«Пояс роста» населения Санкт-Петербургской городской агломерации достаточно монолитен — это пояс муниципалитетов вокруг ядра агломерации (рис. 1). Совокупная численность населения «пояса роста» в 2019 году составила 997 тыс. человек (около половины от населения спутниковой зоны), по сравнению с 2010 годом она выросла на 330 тыс. жителей (примерно на треть).

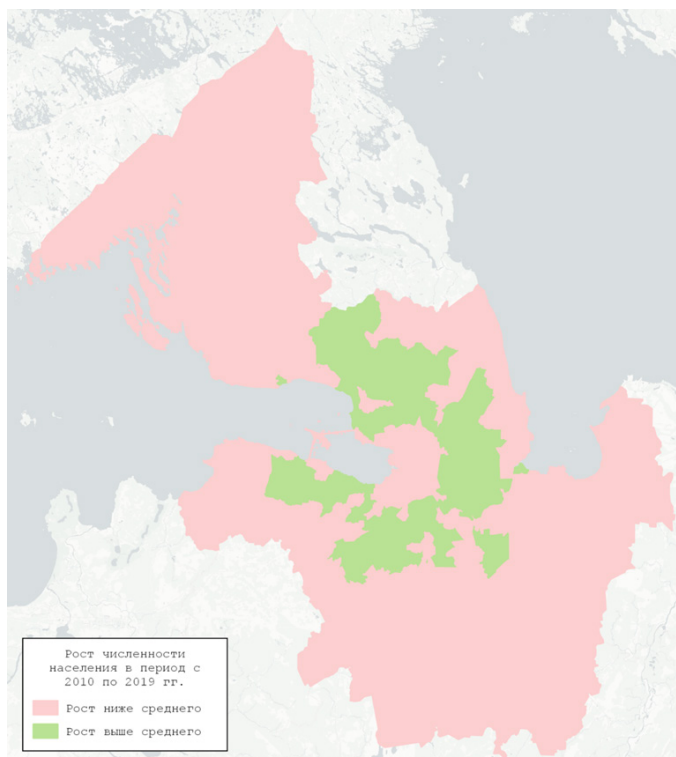


Рис. 1. «Пояс роста» численности населения Санкт-Петербургской городской агломерации (составлено авторами по данным БД ПМО<sup>3</sup>)

### Системообразующие организации агломерации

В апреле 2020 года администрация Санкт-Петербурга и правительство Ленинградской области составили перечни системообразующих организаций. Системообразующие организации, по определению администраций регионов, — это организации, имеющие региональное значение и оказывающие существенное влияние на занятость населения и социальную стабильность в регионе. В Санкт-Петербурге было выделено 154 предприятия<sup>4</sup>, в Ленинградской области — 79<sup>5</sup>.

Рассмотрим размещение системообразующих предприятий Санкт-Петербурга и Ленинградской области в пределах Санкт-Петербургской агломерации. Из всех представленных в списке организаций на территории агломерации расположены 193. Из них 129 находятся в ядре агломерации — собственно Санкт-Петербурге. На спутниковую зону приходится 64 организации. Они неравномерно распределены по территории, большая часть — вблизи ядра агломерации (рис. 2). Наибольшее число таких организаций расположены в г. Всеволожске, Гатчине, Колпино, Коммунаре и Отрадном, а также в пос. имени Свердлова и пос. Парголово.

<sup>3</sup> База данных показателей муниципальных образований Роскомстата РФ. URL: [://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm) (дата обращения: 02.05.2020).

<sup>4</sup> Определен перечень системообразующих предприятий и организаций Санкт-Петербурга // Администрация Санкт-Петербурга. URL: [://www.gov.spb.ru/gov/admin/elin-ei/news/186855/](http://www.gov.spb.ru/gov/admin/elin-ei/news/186855/) (дата обращения: 08.05.2020).

<sup>5</sup> Перечень системообразующих предприятий Ленинградской области // Правительство Ленинградской области. URL: [://lenobl.ru/ru/informaciya/perechen-sistemoobrazuyushih-organizacij-leningradskoj-oblasti/](http://lenobl.ru/ru/informaciya/perechen-sistemoobrazuyushih-organizacij-leningradskoj-oblasti/) (дата обращения: 07.05.2020).

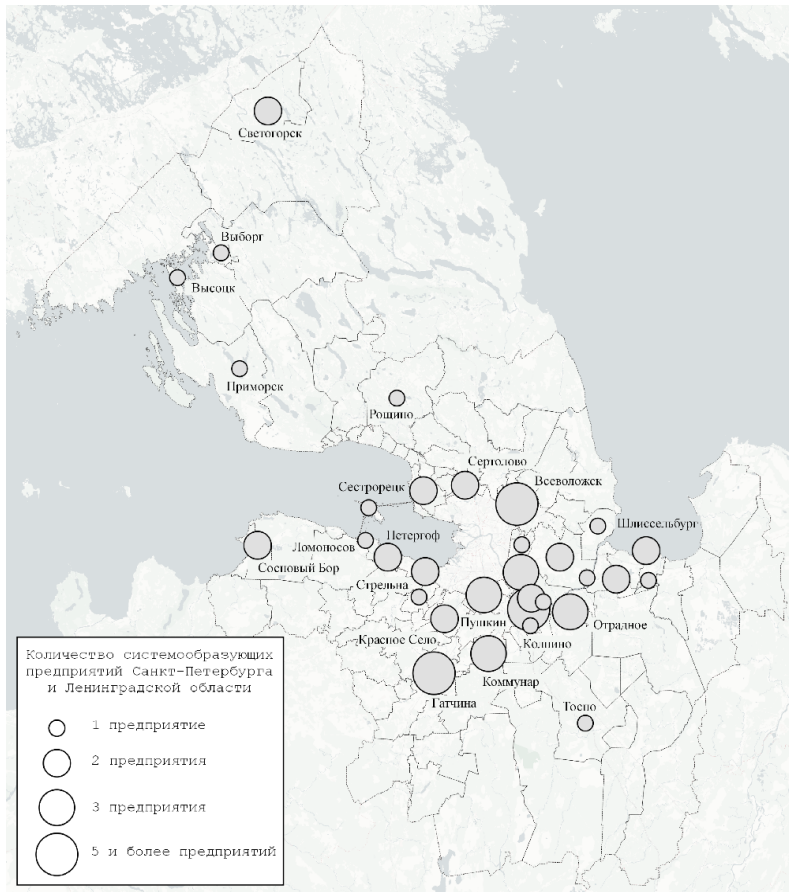


Рис. 2. Распределение системообразующих организаций Санкт-Петербурга и Ленинградской области по территории спутниковой зоны Санкт-Петербургской городской агломерации (составлено на основе<sup>6</sup>)

Большая часть показателей, характеризующих уровень экономического развития, в БД ПМО доступны лишь для муниципальных районов. Поэтому для характеристики уровня экономического развития будут использованы именно данные муниципальных районов и городских округов Ленинградской области и районов Санкт-Петербурга. Такой уровень детализации позволяет лишь оценить различия между ядром и спутниковой зоной агломерации, описать неоднородность внутри спутниковой зоны, как в прошлом разделе, не представляется возможным.

База «СПАРК-Интерфакс» публикует собственную статистику о выручке организаций. Доступны данные о совокупной выручке организаций по субъектам Российской Федерации, а также по муниципальным районам. Городские и сельские поселения, а также муниципальные образования Санкт-Петербурга при этом не рассматриваются. Границы ядра и спутниковой зоны городской агломерации при использовании таких данных оказываются несколько иными, что подробно описано в разделе «Состав и границы Санкт-Петербургской агломерации».

<sup>6</sup> Перечень системообразующих предприятий и организаций Санкт-Петербурга // Администрация Санкт-Петербурга. URL://www.gov.spb.ru/gov/admin/elin-ei/news/186855/ (дата обращения: 08.05.2020); Перечень системообразующих предприятий Ленинградской области // Правительство Ленинградской области. URL: //lenobl.ru/tu/informaciya/perechen-sistemoobrazuyushih-organizacij-leningradskoj-oblasti/ (дата обращения: 07.05.2020).

В 2018 году совокупная выручка организаций Санкт-Петербургской агломерации составила 23,7 трлн руб. (табл. 1). По данным «СПАРК-Интерфакс», это 10,6% от совокупной выручки всех организаций Российской Федерации. Доля ядра агломерации в выручке организаций — 90,2%. В среднем с 2014 по 2018 год доля ядра составила 90,1%.

Таблица 1

**Общая выручка организаций в ценах 2018 года, млрд руб.,  
(по данным базы «СПАРК-Интерфакс»)<sup>7</sup>**

Год	2014	2015	2016	2017	2018
Всего по городской агломерации	22 390,5	23 582,3	23 692,7	23 398,1	23 666,0
Ядро городской агломерации <sup>2</sup>	20 235,7	21 271,2	21 265,7	21 005,5	21 338,6
Спутниковая зона городской агломерации	2 154,8	2 311,2	2 427,0	2 392,6	2 327,5
Доля ядра городской агломерации, %	90,4	90,2	89,8	89,8	90,2

### **Розничная торговля**

Торговая функция является важной составляющей городской экономики. Более того, наличие большого объема торговых площадей в городе может привлекать маятниковых мигрантов с окрестных территорий, желающих совершить покупки. Дж. Гарро в своей концепции особо отмечал, что «окраинный город» должен обладать большим объемом торговых площадей и быть центром розничной торговли для окрестных территорий.

Для выделения крупнейших центров торговли в Санкт-Петербургской агломерации было решено использовать данные о размещении крупнейших объектов розничной торговли: торгово-развлекательных центров и гипермаркетов. Исследователи отмечают, что такие объекты отличаются широкой зоной обслуживания: ее радиус составляет 10—15 км (около получаса езды на транспорте) [25]. Населенные пункты, в которых находятся эти объекты, могут быть центрами притяжения локального уровня, обслуживая потребности жителей окрестных территорий.

На территории Санкт-Петербургской городской агломерации размещаются 104 гипермаркета и 63 торгово-развлекательных центра. Из них в ядре агломерации находятся 79 гипермаркетов и 44 торговых центра, в спутниковой зоне — 25 гипермаркетов и 19 ТРЦ. Торговые объекты концентрируются в нескольких городах (рис. 3). Крупнейшими центрами торговли являются Выборг, Гатчина, Всеволожск, Колпино, Красное Село, Петергоф, Заневское и Бугровское поселения и пос. Парголово.

<sup>7</sup> Статистика // СПАРК. URL://www.spark-interfax.ru/ru/statistics (дата обращения: 07.05.2020).

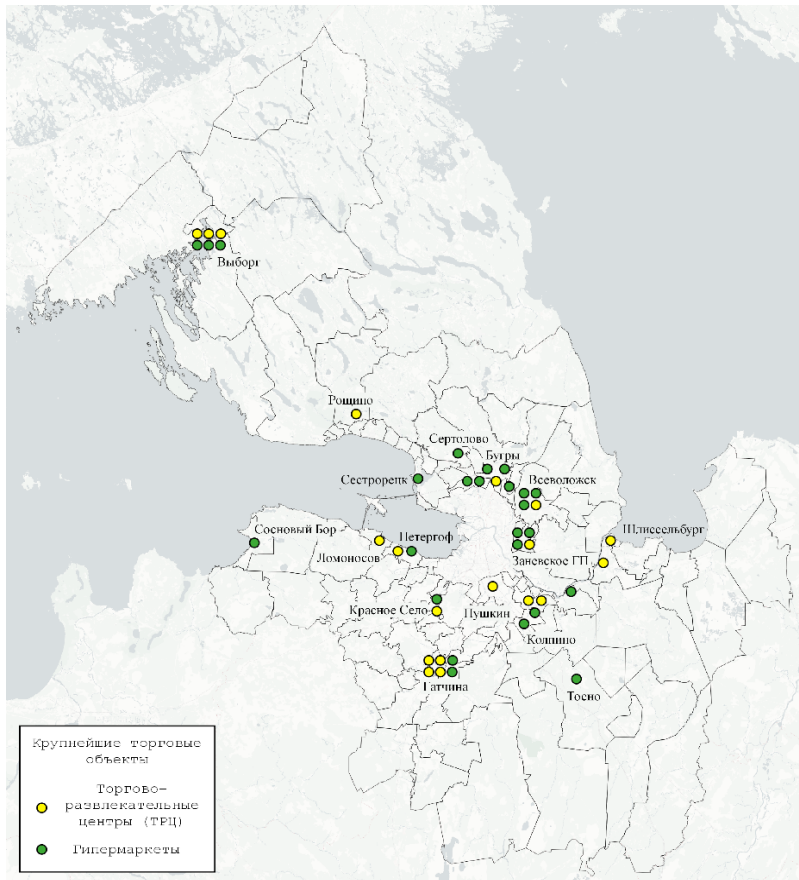


Рис. 3. Крупнейшие объекты розничной торговли в Санкт-Петербургской городской агломерации (составлено по данным картографических сервисов «2GIS» и «Яндекс.Карты»)

### Строительство жилья

Другим важным показателем уровня экономического развития является строительство жилья в агломерации. Основным источником информации послужили данные ФНС о налоге на имущество физических лиц. В отчетах ФНС приведена информация о количестве жилых домов и жилых помещений (квартиры, комнаты), учтенных в базе налоговых органов. Данные доступны с 2015 по 2018 год.

В 2018 году доля ядра агломерации (Санкт-Петербурга) в жилых объектах городской агломерации составила 71,4% в квартирах и 2,6% в домах. С 2015 по 2018 год эта доля сокращалась, что говорит о более интенсивном строительстве жилья в спутниковой зоне агломерации. На ее ядро с 2015 по 2018 год пришлось 46,7% нового жилья, по данным ФНС РФ. Напомним, что доля ядра в численности населения городской агломерации составляет около 70%. Это косвенно свидетельствует о том, что существенная часть жилья для жителей ядра строится в спутниковой зоне.

Для изучения пространственных особенностей жилищного строительства в городской агломерации число новых жилых объектов (квартир, домов), построенных с 2015 по 2018 год, было поделено на среднюю численность населения муниципалитетов в рассматриваемом периоде (рис. 4). В Муринском сельском поселении и Заневском городском поселении на одного жителя приходится более двух построенных жилых объектов.



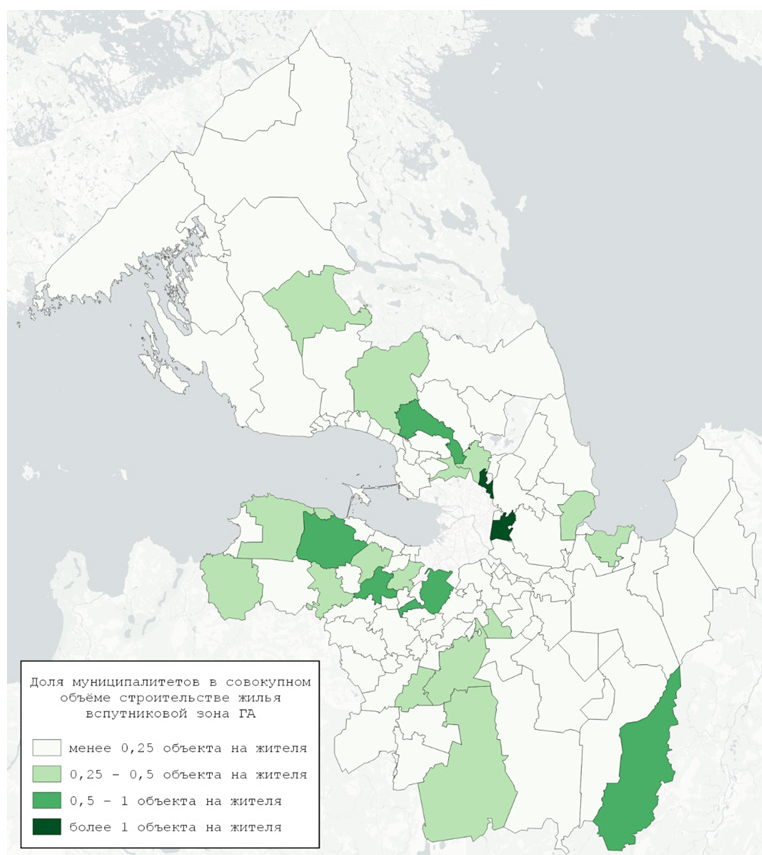


Рис. 4. Строительство жилья в расчете на одного жителя с 2015 по 2018 год в муниципалитетах спутниковой зоны Санкт-Петербургской городской агломерации (составлено автором по данным ФНС<sup>8</sup> и БД ПМО<sup>9</sup>)

Высокие показатели (от 0,5 до 1 объекта на жителя) характерны также для Виллозского, Ропшинского, Пениковского и Южковского поселений, расположенных непосредственно вблизи ядра агломерации, а также для Трубникоборского сельского поселения, которое находится на достаточно большом удалении.

### **Доходы населения и рабочие места в Санкт-Петербургской городской агломерации**

Как упоминалось выше, данные о доходах населения в БД ПМО доступны лишь по муниципальным районам (в Ленинградской области), что делает невозможным их использование для оценки различий между муниципальными образованиями. Отсутствует также информация о численности сотрудников организаций. Федеральная налоговая служба предоставляет статистическую информацию о начис-

<sup>8</sup> Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.ru/m78/> (дата обращения: 25.05.2020).

<sup>9</sup> База данных показателей муниципальных образований. URL: [//rosstat.gov.ru/storage/media/bank/munst.htm](https://rosstat.gov.ru/storage/media/bank/munst.htm) (дата обращения: 25.05.2020).



лении и сборе налога на доходы физических лиц (НДФЛ) на своем официальном сайте. Среди прочего доступны данные о налоговой базе (собственно доходах физических лиц) с разбивкой на коды дохода.

В качестве аналога данных о численности сотрудников организаций в рамках нашего исследования использованы данные о количестве поданных деклараций об уплате НДФЛ (количество сведений о доходах физических лиц). В 2018 году на территории агломерации было зафиксировано 4,2 млн сведений о доходах физических лиц (табл. 2). Из них 3,3 млн приходится на ядро агломерации (Санкт-Петербург) и 0,8 млн — на спутниковую зону городской агломерации. Если рассматривать этот показатель как число рабочих мест и сопоставлять данные с официальной статистикой ФСГС, согласно которой в Санкт-Петербурге проживают около 3 млн жителей трудоспособного возраста, такая оценка выглядит завышенной.

Таблица 2

**Число сведений о доходах физических лиц, с которых был уплачен НДФЛ  
в Санкт-Петербургской агломерации, тыс. шт.<sup>10</sup>**

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего по городской агломерации	4280,0	4298,9	4214,8	4075,3	4054,6	4129,8	4155,7
Ядро городской агломерации	3481,5	3498,3	3413,4	3328,6	3292,1	3348,1	3346,5
Спутниковая зона городской агломерации	798,6	800,6	801,4	746,7	762,4	781,7	809,2
Доля ядра городской агломерации, %	81,3	81,4	81,0	81,7	81,2	81,1	80,5

Численность сведений о доходах физических лиц в спутниковой зоне городской агломерации в 2018 году составила 809,2 тыс. По сравнению с 2012 годом их количество практически не изменилось (798,6 тыс.). Таким образом, около 80% сведений о доходах физических лиц, которые мы интерпретируем как число рабочих мест, сконцентрированы в ядре агломерации. В среднем за 2014—2018 годы эта доля составила 81,1%. Это существенно выше, чем доля ядра в численности населения агломерации, которая в среднем за тот же период составила 70,7%.

Еще одним важным показателем, приводимым ФНС, является сумма доходов физических лиц (налоговая база), на которую исчислен налог. В 2018 году эта сумма в Санкт-Петербургской городской агломерации составила 2,1 трлн руб. (табл. 3). Из них на ядро агломерации (Санкт-Петербург) пришлось 1,8 трлн руб., на спутниковую зону агломерации — 363 млрд руб. Таким образом, доля ядра в доходах физических лиц составила 83,1%, что примерно соответствует доле ядра в численности рабочих мест. В среднем с 2014 по 2018 год доля ядра в доходе физических лиц составила 83,1%. По сравнению с 2012 годом существенно выросла сумма доходов физических лиц в спутниковой зоне агломерации: с 284,9 до 365,8 млрд руб. (рост на 28%).

<sup>10</sup> Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.ru/rn78/> (дата обращения: 25.05.2020).

Таблица 3

**Налоговая база НДФЛ (сумма доходов физических лиц)  
в Санкт-Петербургской городской агломерации в ценах 2018 года, млрд руб.<sup>11</sup>**

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего по городской агломерации	2068,5	2102,9	1978,6	1828,8	1972,7	2104,2	2141,8
Ядро городской агломерации	1783,6	1800,4	1655,4	1526,2	1634,4	1738,5	1779,0
Спутниковая зона городской агломерации	284,9	302,5	323,2	302,6	338,3	365,7	362,8
Доля ядра городской агломерации, %	86,2	85,6	83,7	83,5	82,9	82,6	83,1

### **Трудовая маятниковая миграция в городской агломерации**

Данные о численности рабочих мест в муниципалитетах в БД ПМО отсутствуют, но в качестве их аналога мы можем использовать данные ФНС о налоге на доходы физических лиц. Около 80% рабочих мест городской агломерации находится в ядре, при доле ядра в ее населении в 70%. Очевидно, что часть рабочих мест в ядре занимают маятниковые мигранты из спутниковой зоны агломерации.

В целом по городской агломерации количество рабочих мест составляет 4,1 млн при 6,4 млн жителей, или 0,65 рабочих мест на жителя. По данным ФСГС<sup>12</sup>, доля трудоспособного населения в численности населения Санкт-Петербургской городской агломерации составляет около 60%. Соотношение числа рабочих мест и численности населения может существенно отличаться в разных муниципалитетах внутри агломерации. В большей части муниципалитетов данное соотношение не выше 0,5 рабочих мест на жителя, но есть небольшое количество, в которых оно даже превышает 1 рабочее место на жителя. В ядре агломерации оно составляет 0,74 рабочих мест на жителя.

Муниципалитеты в составе агломерации были разделены на пять групп (рис. 5). Две группы со значением показателя менее 0,5 рабочих мест на одного жителя (выделены оттенками красного) были отнесены к категории доноров маятниковых мигрантов (жители этих муниципалитетов совершают маятниковые трудовые миграции в другие муниципалитеты).

Две группы со значением показателя выше, чем в ядре (более 0,75 рабочих мест на одного жителя), а также со значением, примерно равном ядру (0,5—0,75 рабочих мест на одного жителя) были отнесены к категории реципиентов маятниковых мигрантов. Это значит, что они обеспечивают работой не только своих жителей, но и жителей муниципалитетов-доноров (привлекают трудовых маятниковых мигрантов). На карте они выделены белым цветом и оттенками синего.

Таким образом, помимо ядра агломерации возможными реципиентами маятниковых мигрантов в городской агломерации являются прочие муниципалитеты с суммарным населением около 500 тыс. человек и 320 тыс. рабочих мест.

<sup>11</sup> Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.ru/m78/> (дата обращения: 25.05.2020).

<sup>12</sup> База данных показателей муниципальных образований Роскомстата РФ. URL: [//rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm](http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm) (дата обращения: 25.05.2020).

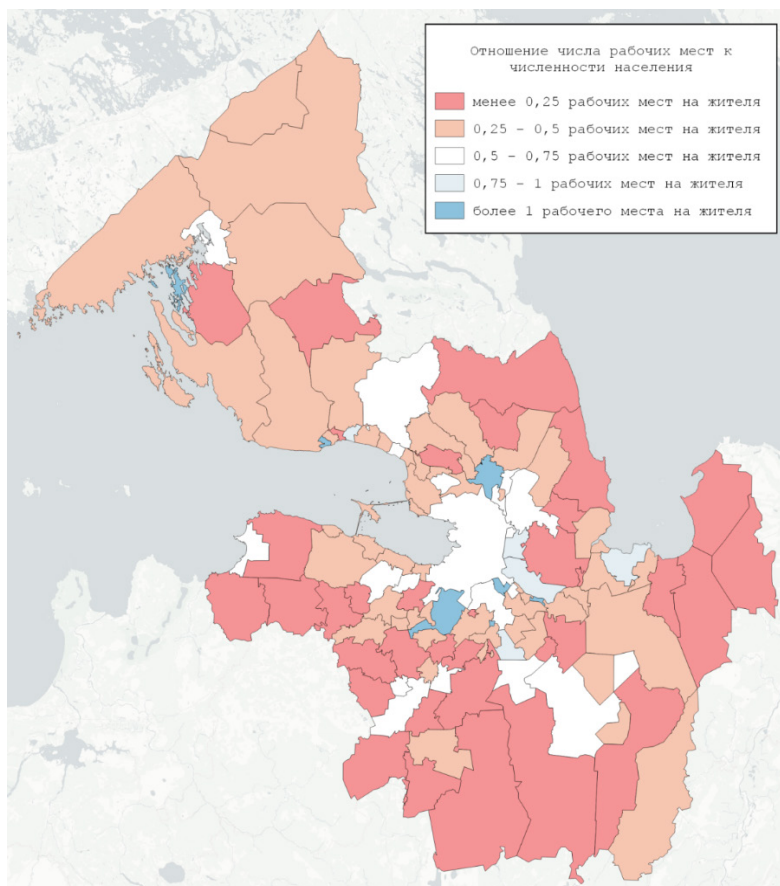


Рис. 5. Отношение числа сведений о доходах физических лиц к численности населения муниципалитетов Санкт-Петербургской городской агломерации (составлено автором по данным ФНС<sup>13</sup> и БД ПМО<sup>14</sup>)

### Опорные центры Санкт-Петербургской городской агломерации

В спутниковой зоне агломерации имеется несколько крупных городов, принимающих на себя ряд центральных функций. Эти города выступают локальными центрами для окрестных территорий, удовлетворяя потребности жителей в сфере труда, образования, розничной торговли, медицинского обслуживания и пр. Эти города позволяют сгладить разрыв в уровне развития между ядром и спутниковой зоной агломерации, а также частично разгрузить ядро. Их можно считать опорными центрами агломерации.

Исследователи агломераций (Г. Лаппо, А. Махрова, Е. Перцик и др.) полагают, что численность населения центров агломераций второго порядка должна превышать 50 тыс. жителей. Для изучения «опорных центров» (потенциальных центров агломераций второго порядка) также было бы корректно ввести минимальную численность населения. Делая скидку на меньшую численность населения Санкт-Петербургской агломерации по сравнению с Московской, а также на меньшее число крупных городов, введем ценз для опорных центров в 40 тыс. жителей (табл. 4).

<sup>13</sup> Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.ru/m78/> (дата обращения: 25.05.2020).

<sup>14</sup> База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ. URL: <http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 25.05.2020).

Таблица 4

**Основные характеристики крупнейших городов и муниципалитетов  
спутниковой зоны Санкт-Петербургской городской агломерации**

Муниципалитет	Население, тыс. чел. (2019)	Соотношение рабочих мест и населения	Число СО*	Число торговых объектов**	Строитель- ство, жилой объект/чел.
Колпино	148	0,34	5	3	0,02
Пушкин	111,2	0,45	0	0	0,04
Гатчина	93,7	0,49	5	6	0,03
Выборг	76,4	0,59	1	6	0,04
Петергоф	85,2	0,35	2	2	0,04
Всеволожск	74,5	0,65	6	4	0,08
Сосновый Бор	68,3	0,58	2	1	0,06
Пос. Шушары	85	0,53	3	1	0,2
Красное Село	58,1	0,26	0	2	0,02
Сертолово	55	0,22	0	1	0,1
Муринское сель- ское поселение	49,7	0,51	0	0	2,5
Тосно	42,5	0,51	1	1	0,04
Кронштадт	44,3	0,36	1	0	0,01
Заневское город- ское поселение	43,1	0,90	1	4	2,1
Пос. Парголово	67,5	0,36	2	2	0,3
Ломоносов	43	0,29	1	1	0,01
Сестрорецк	42,2	0,48	2	1	0,07

*Примечание:* \* — системообразующие предприятия; \*\* — совокупная численность торгово-развлекательных центров и гипермаркетов.

Отдельно обратим внимание на Заневское и Муринское поселения, а также пос. Парголово и Шушары. Эти муниципалитеты расположены у границ ядра агломерации, не имеют развитой экономической базы. В них ведется масштабное строительство жилья, преимущественно для жителей ядра агломерации. Они не имеют развитой социальной инфраструктуры и в настоящее время не могут претендовать на статус опорных центров агломерации.

В следующую категорию выделены г. Пушкин, Петергоф, Красное Село, Сертолово, Кронштадт и Ломоносов. Эти города можно охарактеризовать как комфортные для жизни «спальные» города-спутники. Они имеют развитую социальную сферу и сферу услуг, но слабую экономическую базу, что вынуждает большую часть населения совершать маятниковые трудовые миграции, на которые жители этих городов готовы ради комфортной жизни в небольшом городе. Эти города могут считаться опорными центрами агломерации как локальные центры образования, торговли и социального обслуживания, но большого количества трудовых маятниковых мигрантов они не привлекают. Вероятно, их «дневное» население меньше «ночного».

Следующую группу образуют г. Колпино, Гатчина и Сестрорецк. Они имеют развитую экономическую базу (2—5 системообразующих предприятий), являются центрами образования и торговли, многофункциональными медицинскими центрами. Потенциально эти города должны привлекать большое число маятниковых ми-

грантов. При этом соотношение числа рабочих мест и населения в них не достигает среднего уровня (0,3—0,5). Вероятно, это города «промывного режима» маятниковой миграции. Они расположены близко к ядру, и местные жители могут совершать регулярные маятниковые миграции в центр. При этом в город могут приезжать маятниковые мигранты с окрестных территорий, как с трудовыми целями, так и ради образовательных, медицинских услуг, посещения торговых объектов. В некоторых исследованиях это называется «замещающей миграцией». Эти города находятся в тесном взаимодействии как с ядром, так и с окрестными территориями и могут считаться опорными центрами городской агломерации.

Последнюю группу образуют г. Выборг, Всеволожск, Сосновый Бор, Тосно. Они имеют развитую экономическую базу, являются центрами торговли и образования, многофункциональными медицинскими центрами. При этом соотношение рабочих мест и населения в них находится на среднем уровне или превышает его (0,5—0,7). Выборг, Сосновый Бор и Тосно находятся на достаточно большом удалении от ядра агломерации и могут выполнять функции локального ядра для окрестных жителей, для которых дорога в Санкт-Петербург занимает слишком много времени. Эти города могут считаться полноценными опорными центрами агломерации, обеспечивая «центральными» функциями жителей окрестных территорий.

Таким образом, «опорные центры» агломерации можно разделить на три группы (рис. 6).

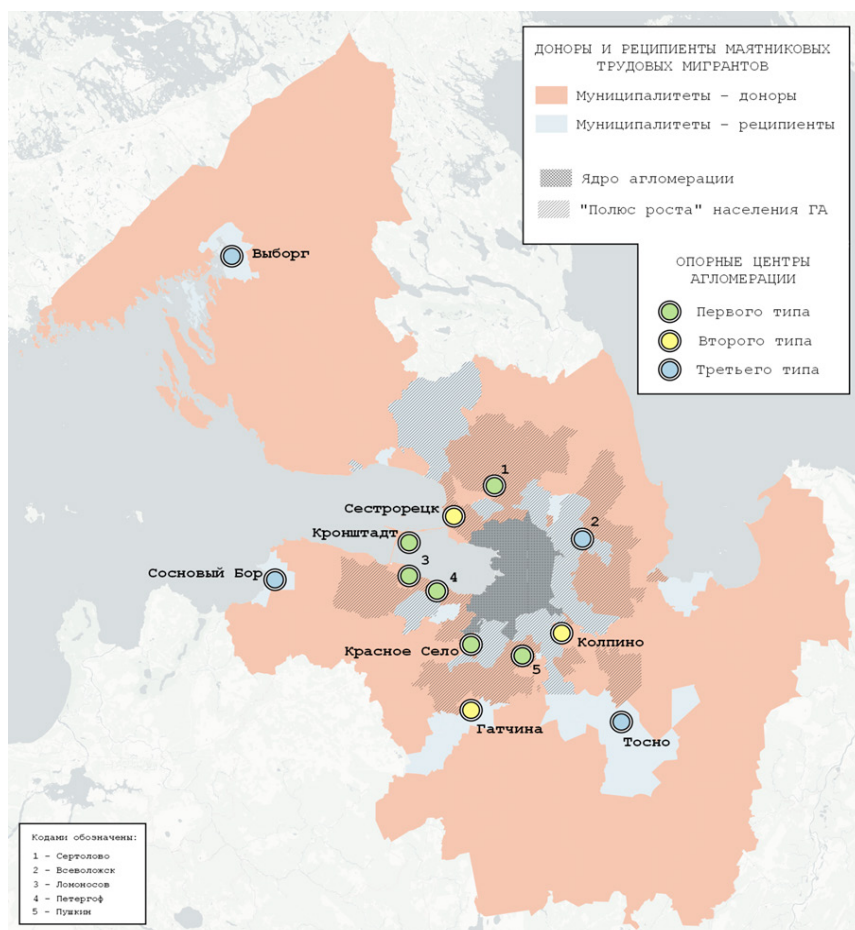


Рис. 6. Пространственные структуры Санкт-Петербургской городской агломерации

1. Опорные центры первого типа. Комфортные для жизни города вблизи ядра агломерации. Имеют тесные связи с ядром, небольшое число рабочих мест. Жители активно совершают маятниковые миграции с трудовыми целями. При этом обладают развитой торговой и социальной сферой, сферой услуг. Потенциально могут служить локальными ядрами для окрестных территорий в качестве центров торговли, образования, медицинского обслуживания.

2. Опорные центры второго типа. Города с относительно большим количеством крупных предприятий и рабочих мест, развитой сферой услуг, социальной и торговой сферой. Имеют тесные связи с ядром. Жители активно совершают маятниковые миграции с трудовыми целями, возможна замещающая миграция из окрестных территорий. Потенциально могут служить локальными ядрами для окрестных территорий в качестве деловых центров (маятниковые миграции с трудовыми целями), центров торговли, образования, медицинского обслуживания.

3. Опорные центры третьего типа. Полноценные локальные ядра городской агломерации. Имеют меньшую интенсивность связей с центром по сравнению с предыдущими двумя типами, большое число рабочих мест, где трудятся и местные жители, и маятниковые мигранты с окрестных территорий. Обладают развитой сферой услуг, социальной и торговой сферой. Потенциально могут служить важными деловыми центрами, центрами торговли, образования, медицинского обслуживания для окрестных территорий.

## **Пространственная структура Санкт-Петербургской городской агломерации**

На основании вышесказанного можно выделить несколько элементов пространственной структуры Санкт-Петербургской городской агломерации (рис. 6).

1. Ядро и спутниковая зона. Выявлено всестороннее доминирование ядра в городской агломерации. Его доля в населении составляет около 70%, в числе рабочих мест — 80%, в доходах населения — 83%, в выручке организаций — более 90%.

2. «Ареал роста» населения Санкт-Петербургской агломерации. Несмотря на доминирование ядра, в настоящее время (в 2010-х — начале 2020-х годов) наблюдается процесс опережающего роста численности населения в приграничных с ядром территориях спутниковой зоны городской агломерации. Именно из-за этой территории доля спутниковой зоны в населении непрерывно возрастает.

3. Доноры и реципиенты маятниковой трудовой миграции. Различные авторы и официальные структуры (Комитет по труду) не раз заявляли о крупных объемах маятниковой трудовой миграции в Санкт-Петербург из спутниковой зоны агломерации. Удалось доказать, что не только ядро городской агломерации является реципиентом маятниковых мигрантов, и выделить муниципалитеты — доноры маятниковых мигрантов.

4. Опорные центры агломерации. Потенциально могут являться локальными ядрами второго порядка для окрестных территорий. Обеспечивают большую степень доступности функций ядра для жителей и более равномерное развитие городской агломерации.

Следует особо отметить, что для подтверждения или опровержения статуса опорных центров и достоверности деления муниципалитетов на доноров и реципиентов маятниковых мигрантов необходимо провести дополнительные исследования, посвященные изучению потоков маятниковой миграции в городской агломерации.



## Результаты и выводы

Были разработаны и опробованы новые подходы к изучению пространственной структуры Санкт-Петербургской агломерации. В результате были выявлены колоссальные диспропорции в развитии ядра и спутниковой зоны агломерации, особенности пространственного развития спутниковой зоны, а также выделены основные элементы пространственной структуры городской агломерации: ядро и спутниковая зона, условный «пояс роста» численности населения, территории-доноры и территории-реципиенты маятниковых трудовых мигрантов. Все исследования проводились только с использованием данных, размещенных в открытом доступе, поэтому подобное исследование возможно провести в отношении любой другой агломерации Российской Федерации.

Развитие Санкт-Петербургской агломерации на современном этапе происходит неравномерно. Перегруженный центр не может вместить новых жителей, что приводит к стремительному росту населения в контактной зоне ядра и спутниковой зоне агломерации. На этой территории ведется масштабное жилищное строительство, но она сохраняет исключительную селитебную функцию. Эти территории могут уже в ближайшем будущем стать полноценной частью «спальных районов» Санкт-Петербурга, но только при условии развития в них транспортной и социальной инфраструктуры. Здесь же расположены также преимущественно «спальные» опорные центры агломерации первого и второго типа. При этом наиболее развитые опорные центры агломерации третьего типа расположены на относительном удалении от ядра и сохраняют собственный путь развития (за исключением Всеволожска).

*Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности» в части анализа экономической безопасности Санкт-Петербургской городской агломерации и гранта РФФИ № 18-310-20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России» в части анализа саморазвития городских агломераций.*

## Список литературы

1. *Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России* / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2019.
2. Lachininskii S. S. Some aspects of economic security of Saint-Petersburg and the Leningrad region under conditions of geoeconomic uncertain // *Baltic Region*. 2018. Т. 10, № 3. Р. 136—149. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-8>.
3. Ворошилов Н. В. Возможности и перспективы саморазвития муниципальных образований // *Проблемы развития территории*. 2017. № 4 (90). С. 79—95.
4. Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф. Признаки и свойства саморазвивающихся социально-экономических систем // *Экономика региона*. 2010. № 4. С. 32—39.
5. *Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки* / под ред. А. И. Татаркина. М., 2011. Т. 2: Проблемы ресурсного обеспечения саморазвития территориальных социально-экономических систем.
6. Самохин Ю. А., Леонтьева А. Л. Стимулирование процессов саморазвития территориальных социально-экономических систем // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2015. 3 (48). С. 87—103.
7. Saiensus M. Analysis of innovative sustainability of socio-economic systems // *Socioeconomic Research Bulletin*. 2014. № 4 (55). Р. 109—114.
8. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Саморазвитие регионов в контексте федеративных отношений // *Пространственная экономика*. 2008. № 4. С. 60—70
9. Лаврикова Ю. Г., Акбердина В. В., Душин А. В. и др. Регионы России: классификация по признаку саморазвития // *Региональная экономика: теория и практика*. 2010. № 19. С. 2—15.

10. Дорошенко С. В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма // Журнал экономической теории. 2009. № 3. С. 21 — 30.
11. Яроцкая Е. В. К вопросу о критериях идентификации городской агломерации в условиях инновационного развития регионов // Вестник науки Сибири. 2012. № 5 (6). С. 185 — 190.
12. Колясников В. А. Развитие понятия «городская агломерация» // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 2. С. 10 — 15.
13. Лаппо Г. М. Города и пути в будущее. М., 1987.
14. Божье-Гарнье Ж. Очерки по географии городов. М., 1967.
15. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45 — 52.
16. Лосин Л. А., Солодилов В. В. Территориальная структура Санкт-Петербургской городской агломерации // Региональная экономика и развитие территорий : сб. науч. ст. СПб., 2019. С. 180 — 186.
17. Усанов Б. П. Пространственное развитие, структурное построение и особенности Санкт-Петербургской агломерации // Вестник гражданских инженеров. 2009. № 2 (19). С. 6 — 10.
18. Зюкова Н. Б. Эволюция концепций и моделей функционально-территориального развития городских агломераций // Градостроительство. 2012. № 1. С. 47 — 50.
19. Аксенов К. Э., Брадэ И. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство: развитие третичного сектора экономики в Санкт-Петербурге // Крупные города и вызовы глобализации. 2003. № 1. С. 166 — 174.
20. Лаппо Г. М. Тенденции развития расселения в Московском регионе // Вопросы географии. 1971. № 87.
21. Перцик Е. Н., Махрова А. Г. Агломерации второго порядка в Московском столичном регионе: развитие, границы, взаимосвязи // Вопросы географии. 1988. № 131. С. 56 — 63.
22. Fujita M., Ogawa H. Multiple equilibria and structural transition of non-monocentric urban configurations // Regional Science and Urban Economics. 1982. Vol. 12, № 2. P. 161 — 196. [https://doi.org/10.1016/0166-0462\(82\)90031-x](https://doi.org/10.1016/0166-0462(82)90031-x).
23. Heitz A., Dablanc L., Tavasszy L. A. Logistics sprawl in monocentric and polycentric metropolitan areas: the cases of Paris, France, and the Randstad, the Netherlands // Region. 2017. Vol. 4, № 1. P. 93 — 107. <https://doi.org/10.18335/region.v4i1.158>.
24. Резников И. Л. Выявление границ Санкт-Петербургской городской агломерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2017. № 1. С. 89 — 107. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.106>.
25. Захарова Ж. Ж. Современные форматы магазинов // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 2 (21). С. 17 — 21.
26. Махрова А. Г., Кириллов П. Л., Бочкарев А. Н. Методические подходы к изучению трудовой маятниковой миграции населения // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии : сб. ст. / отв. ред. В. Л. Бабурин, М. С. Савоскул. М., 2019. С. 96 — 114.
27. Махрова А. Г., Кириллов П. Л., Бочкарев А. Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценки потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71 — 82.
28. Махрова А. Г., Бабкин Р. А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 68 — 78.

## Об авторах

**Станислав Сергеевич Лачининский**, кандидат географических наук, и. о. заведующего кафедрой региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: [st004020@spbu.ru](mailto:st004020@spbu.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

**Иван Сергеевич Сорокин**, младший научный сотрудник Совета по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, аспирант кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

E-mail: IvannSPb@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9555-3294>

---

## SPATIAL STRUCTURE AND THE DEVELOPMENT OF SETTLEMENTS IN THE SAINT PETERSBURG AGGLOMERATION

---

**S. S. Lachininsky**<sup>1,2</sup>

**I. S. Sorokin**<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> St Petersburg State University  
7/9 Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

<sup>2</sup> Institute for Regional Economies, Russian Academy of Sciences  
38 Serpukhovskaya ul., St Petersburg, 190013, Russia

Received 03.09.2020

doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-3

© Lachininsky, S. S., Sorokin, I. S., 2021

*This article explores the spatial structure and development of settlements comprising the Saint Petersburg agglomeration. Previous studies and database sources, which were never used before (the Federal Tax Service [FTS] database and SPARK-Interfax), are analysed to reveal factors in the economic development of metropolitan areas as well as to understand how settlements develop in Russia's second-largest city agglomeration. The borders and composition of the Saint Petersburg agglomeration are brought up to date. Examining the population size of the settlements helps locate the 'growth belt' of the agglomeration. Lists of major enterprises of the city and the region make it possible to identify patterns in the economic development of the study area. The SPARK-Interfax database aids in clarifying relationships between spatial elements of the agglomeration (its core and satellites) in the distribution of revenues of economic agents. Data on the location of the largest retail stores — shopping malls and hypermarkets — are used to identify the main centres of commerce in the Saint Petersburg agglomeration. A map chart has been drawn using 2GIS and Yandex Maps geoinformation services. An important step in agglomeration analysis is the identification of residential development hotspots. FTS data on property tax base are the main source of relevant information. FTS reports contain data on the number of residential buildings and units covered by the database. Further, FTS statistics is employed to trace income and job distribution across the study area. The current functions of settlement in the Saint Petersburg agglomeration have been determined. According to the findings, the spatial structure of the agglomeration has three groups of 'backbone centres'. The agglomeration includes a core, a population growth area ('growth belt'), commuting sources and recipients, and 'backbone centres'.*

### Keywords:

Saint Petersburg agglomeration, city, spatial structure, backbone centres, economic security

## References

1. Fedorov, G.M. (ed.). 2019, *Problemy ekonomicheskoi bezopasnosti regionov zapadnogo porubezh'ya Rossii* [Problems of economic security of the regions of the western border of Russia], Kaliningrad, 267 p. (in Russ.).
2. Lachininskii, S.S. 2018, Some aspects of economic security of Saint- Petersburg and the Leningrad region under conditions of geoeconomic uncertainty, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 3, p. 136—149. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-8>.
3. Voroshilov, N.V. 2017, Opportunities and prospects for self-development of municipalities, *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], no. 4 (90), p. 79—95 (in Russ.).
4. Zakharchuk, E.A., Pasyukov, A.F. 2010, Signs and properties of self-developing socio-economic systems, *Ekonomika regiona* [Economy of the region], no. 4, p. 32—39 (in Russ.).
5. Tatarkin, A.I. (ed.) 2011, *Samorazvivayushchiesya sotsial'no-ekonomicheskie sistemy: teoriya, metodologiya, prognoзные otsenki* [Self-developing socio-economic systems: theory, methodology, forecast estimates], Moscow, Vol. 2: *Problemy resursnogo obespecheniya samorazvitiya territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem* [Problems of resource provision for self-development of territorial socio-economic systems], 387 p. (in Russ.).
6. Samokhin, Yu.A., Leontyeva, A.L. 2015, Stimulating the processes of self-development of territorial socio-economic systems, *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: problems and development prospects], no. 3 (48), p. 87—103 (in Russ.).
7. Saiensus, M. 2014, Analysis of innovative sustainability of socio-economic systems, *Socioeconomic Research Bulletin*, no. 4 (55), p. 109—114.
8. Tatarkin, A.I., Tatarkin, D. A. 2008, Self-development of regions in the context of federal relations, *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, p. 60—70 (in Russ.).
9. Lavrikova, Yu.G., Akberdina, V.V., Dushin, A.V., Sidorova, E.N., Tatarkin, D.A. 2010, Regions of Russia: classification based on self-development, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], no. 19, p. 2—15 (in Russ.).
10. Doroshenko, S.V. 2009, Self-development of the region in the context of economic evolutionism, *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of Economic Theory], no. 3, p. 21—30 (in Russ.).
11. Yarotskaya, E. V. 2012, To the question of the criteria for the identification of urban agglomeration in the context of innovative development of regions, *Vestnik nauki Sibiri* [Siberian Science Bulletin], no. 5 (6), p. 185—190 (in Russ.).
12. Kolyasnikov, V.A. 2015, Development of the concept of “urban agglomeration», *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN* [Academic Bulletin UralNIiproekt RAASN], no.2, p. 10—15 (in Russ.).
13. Lappo, G.M. 1987 *Goroda i puti v budushchee* [Cities and paths to the future], Moscow, 236 p. (in Russ.).
14. Beaujeu-Garnier, J. Chabot. G. 1966, *Traité de géographie urbaine*, Année.
15. Lappo, G.M., Polyanskiy, P.M., Selivanova, T.I. 2007, Agglomerations of Russia in the XXI century, *Vestnik Fonda regional'nogo razvitiya Irkutskoi oblasti* [Bulletin of the Regional Development Fund of the Irkutsk Region], no.1, p. 45—52 (in Russ.).
16. Losin, L.A., Solodilov, V.V. 2019, Territorial structure of the St. Petersburg urban agglomeration. In: *Regional'naya ekonomika i razvitie territorii* [Regional economy and territorial development], Collection of scientific articles, St. Petersburg, p. 180—186 (in Russ.).
17. Usanov, B.P. 2009, Spatial development, structural structure and features of the St. Petersburg agglomeration, *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers], no.2 (19), p. 6—10 (in Russ.).
18. Zyukova, N.B. 2012, Evolution of concepts and models of functional and territorial development of urban agglomerations, *Gradostroitel'stvo* [Urban planning], no. 1, p. 47—50 (in Russ.).
19. Aksenov, K.E., Brade, I. 2003, Transformational and post-transformational urban space: development of the tertiary sector of the economy in St. Petersburg, *Kрупные города i vyzovy globalizatsii* [Big cities and challenges of globalization], no. 1, p. 166—174 (in Russ.).
20. Lappo, G.M. 1971, Trends in the development of settlement in the Moscow region, *Voprosy geografii* [Geography issues], no. 87 (in Russ.).

21. Pertsik, E.N., Makhrova, A.G. 1988, Second-order agglomerations in the Moscow metropolitan region: development, boundaries, interconnections, *Voprosy geografii* [Geography issues], no. 131, p. 56—63 (in Russ.).

22. Fujita, M., Ogawa, H. 1982, Multiple equilibria and structural transition of non-monocentric urban configurations, *Regional Science and Urban Economics*, vol. 12, no. 2, p.161—196. doi: [https://doi.org/10.1016/0166-0462\(82\)90031-x](https://doi.org/10.1016/0166-0462(82)90031-x).

23. Heitz, A., Dablanc, L., Tavasszy, L. A. 2017, Logistics sprawl in monocentric and polycentric metropolitan areas: the cases of Paris, France, and the Randstad, the Netherlands, *Region*, vol. 4, no. 1, p. 93—107. doi: <https://doi.org/10.18335/region.v4i1.158>.

24. Reznikov, I.L. 2017, Identifying the boundaries of the St. Petersburg urban agglomeration, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, no. 1, p. 89—107. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.106> (in Russ.).

25. Zakharova, Zh.Zh. 2015, Modern store formats, *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Siberian trade and economic journal], no.2 (21), p. 17—21 (in Russ.).

26. Makhrova, A.G., Kirillov, P.L., Bochkarev, A.N. 2019, Methodological approaches to the study of labor pendulum migration of the population. In: Baburin, V.L., Savoskul, M.S. (eds.) *Teoreticheskie i metodicheskie podkhody v ekonomicheskoi i sotsial'noi geografii* [Theoretical and methodological approaches in economic and social geography], collection of articles, Moscow, p. 96—114 (in Russ.).

27. Makhrova, A.G., Kirillov, P.L., Bochkarev, A.N. 2016, Pendulum labor migrations of the population in the Moscow metropolitan area: experience in assessing flows using data from cellular operators, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. № 3 (53), p. 71—82 (in Russ.).

28. Makhrova, A.G., Babkin, R.A. 2018, Analysis of the pulsations of the settlement system of the Moscow agglomeration using data from cellular operators, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2 (60), p. 68—78 (in Russ.).

## The authors

**Dr Stanislav Lachininsky**, Acting Head of the Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia; Senior Research Fellow, the Institute for Regional Economies Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: [st004020@spbu.ru](mailto:st004020@spbu.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

**Ivan Sorokin**, Junior Research Fellow, the Council of the Study of Production Forces, the Russian Academy for International Trade, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Russia; a Doctoral Student, the Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: [IvannSPb@yandex.ru](mailto:IvannSPb@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-9555-3294>

---

# ОТВЕТ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ЛИТВЫ НА ПЕРВУЮ ВОЛНУ COVID-19

**Я. Дворак**

Клайпедский университет,  
92294, Литва, Клайпеда

Поступила в редакцию 12.11.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-4  
© Дворак Я., 2021

*Анализируется ответ местных органов власти Литвы на первую волну COVID-19 с точки зрения предоставления различных мер экономической поддержки. Информация о мерах, принимаемых в столицах других стран Балтии — Риге и Таллине, используется для сравнения. Основная цель углубленного исследования — сравнить меры экономической политики в борьбе с первой волной COVID-19, обозначенные в планах действий двух крупных литовских муниципальных администраций, и охарактеризовать концепцию борьбы, разрабатываемую в обоих городах. Методология настоящего исследования представляет собой анализ литературы и планов действий, а также заключается в проведении тематического исследования. Муниципалитеты Вильнюса и Клайпеды утвердили планы действий по поддержке жителей и бизнеса. Большинство принимаемых мер имеют общий характер, но различаются контекстом и объемами их оказания. Муниципалитеты готовы предоставить освобождение от различных сборов и налогов, при этом они также предлагают новаторские меры. Например, в Вильнюсе, как отмечают мировые СМИ, предоставляется возможность открытия уличных кафе, работа которых была приостановлена в период пандемии. Согласно результатам исследования, действия муниципальных администраций могут считаться более успешными, чем действия органов государственной власти, поскольку муниципалитеты более осведомлены о потребностях населения и смогли быстрее и гибче реагировать на них. Очевидно, что утверждение муниципалитетами планов действий по борьбе с пандемией COVID-19 создало что-то вроде спасительного нарратива, вселяя жителям надежду.*

## **Ключевые слова:**

органы местного самоуправления, план действий, пандемия COVID-19, меры экономической политики, карантин

## **Введение**

В целях сдерживания пандемии COVID-19 в Литве 16 марта 2020 года был введен карантин. В конце февраля 2020 года правительство объявило чрезвычайное положение в стране и руководителем операции был назначен министр здравоохранения. Во-первых, карантинные меры были реализованы с применением централизованного подхода, который подвергся критике со стороны мэров крупных муниципалитетов и исследователей [1; 2] по причине промедлений, отсутствия сотрудничества и создания ведомственной структуры, которая не удовлетворяет задачам борьбы с пандемией. Во-вторых, административные возможности центрального правительства подвергались критике со стороны нынешних и бывших глав

**Для цитирования:** Дворак Я. Ответ местных властей Литвы на первую волну COVID-19 // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 70–88. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-4.



государства и лидеров оппозиционных партий. В-третьих, учреждения здравоохранения в крупных муниципалитетах стали горячими точками COVID-19 из-за отсутствия средств индивидуальной защиты, что привело к распространению вируса среди персонала больниц и пациентов. Снабжение этих учреждений должно было обеспечить центральное правительство. Все эти факторы способствовали потере доверия к муниципальным властям, которые по своему положению лучше понимают нужды населения и несут ответственность за реализацию большинства мер борьбы с пандемией COVID-19, принятых центральным правительством; анализ, проведенный ОЭСР<sup>1</sup>, подтверждает эту тенденцию.

С 15 апреля 2020 года началось постепенное ослабление карантинных условий, и перед местными властями встала дилемма: как вернуть муниципалитетам привычный образ жизни, не подвергая их при этом опасности распространения COVID-19. Разработка плана действий должна была происходить в новых условиях — предыдущие планы перестали быть отправной точкой для этого процесса, а государственные деятели не являлись основными разработчиками, в отличие от специалистов и муниципальных чиновников. В результате были разработаны такие планы действий, которые учитывают основные потребности населения и при этом отличаются своей упрощенной формой [3, р. 8].

Десять лет назад Пойстер охарактеризовал будущее стратегического планирования следующим образом: «Стратегическое планирование должно будет играть более важную роль в 2020 году, чем в настоящее время, если государственные менеджеры смогут предвидеть и умело управлять изменениями и решать новые проблемы, которые, похоже, будут возникать все быстрее» [4, р. 248]. Похоже, что автор был прав, хотя он, конечно, не предвидел, что менеджерам государственного сектора придется решать проблемы, вызванные COVID-19. Кроме того, план действий всегда является посланием жителям и другим муниципалитетам, а именно представляет собой возможность управления городским нарративом, создания новой истории города, привлечения и удержания факторов развития [5, р. 1132; 6, р. 276—278]. С другой стороны, нужно учитывать реакцию бизнеса и жителей на меры, предложенные государством в кризисный период [7].

Основная цель настоящего исследования — сравнить меры экономического реагирования на первую волну COVID-19, обозначенные в планах действий двух крупных литовских муниципальных администраций — Вильнюса и Клайпеды, и охарактеризовать концепцию, разрабатываемую в обоих городах. Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи: определить, каково значение муниципалитета в системе государственного управления Литвы; проанализировать, чем различаются между собой меры экономической поддержки в отношении жителей и предприятий, принятые в муниципалитетах странах Балтии в ответ на первую волну COVID-19. Данная работа вносит вклад в разработку проблемы, поставленной исследователями из Оксфордского университета [8]: по мере внедрения правительствами государств мер реагирования на распространение COVID-19 представляется необходимым изучать степень их эффективности. Настоящая статья не решает поставленной проблемы, но рассматривает инструменты и контекст применения, которые могут быть полезны другим городам при поиске способов улучшения качества жизни и условий ведения бизнеса в эпоху после COVID-19. Проблема эффективности инструмента бенчмаркинга освещается другой группой исследователей государственного управления в более широкой перспективе [9, р. 696].

---

<sup>1</sup> *Cities Policy Responses* // OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/cities-policy-responses-fd1053ff/#p-d1e11740> (дата обращения: 14.09.2020).

В статье использованы следующие методы исследования: анализ и синтез, систематизация научной литературы, анализ планов действий, структурных интервью и правовых актов. Применение данных методов направлено на определение основополагающих концептов, описание модели литовского самоуправления, а также выявление принципов предпринимательства и государственного управления в соотношении с мерами экономической политики. Анализ литературы имеет целью не только концептуализацию исследуемого явления, но и обобщение эмпирического материала.

*Метод тематического исследования* связан с выявлением особенностей отношений в отдельных муниципалитетах. Следует отметить, что он довольно часто используется в сфере изучения государственного управления, поскольку позволяет лучше понять предмет рассмотрения. Преимущество применения этого метода заключается в возможности выделения причинных факторов исследуемого явления. В целях детализации и уточнения сведений были проведены несколько интервью с одним вопросом.

*Ограничения.* Результаты настоящего исследования не демонстрируют культурные, экономические, ментальные и иные отличия Литвы от других государств ЕС или соседних стран. Однако представляется возможным охарактеризовать Литву как небольшое государство с точки зрения количества населения, территориального размера и объемов экономики.

## **Описание муниципалитетов Литвы**

Что представляет собой муниципалитет в Литве? В этом разделе дается краткое объяснение основных правовых аспектов муниципального управления в Литве. Согласно Закону Литовской Республики о местном самоуправлении, муниципалитет — это «определенная законом административная единица территории государства, община которой имеет право на самоуправление, гарантированное Конституцией и реализуемое посредством муниципального совета, избираемого постоянными жителями этой административной единицы на территории государства, где такой совет создает исполнительные и другие учреждения и учреждения, подотчетные ему, с целью непосредственного исполнения законов и решений Правительства Литовской Республики (далее — Правительство) и муниципальный совет. Муниципалитет является государственным юридическим лицом»<sup>2</sup>. Концепция муниципалитета предусматривает, что Литва является высокоцентрализованной административной системой с относительно низкой фискальной автономией местного самоуправления, что ограничивает возможности финансовой автономии муниципалитетов [10, p. 528; 11, p. 409—410].

Муниципалитеты создаются для выполнения определенных функций, предусмотренных законом. В соответствии с вышеупомянутым Законом Литовской Республики о местном самоуправлении функции муниципалитетов — это «функции, связанные с местным самоуправлением, государственным управлением и предоставлением государственных услуг, определенные Конституцией и закрепленные за муниципалитетами этим и другими законами» (ст. 3, абз. 8)<sup>3</sup>.

В ст. 5 Закона говорится, что функции местного самоуправления, государственного управления и предоставления общественных услуг классифицируются в за-

<sup>2</sup> Lietuvos Respublikos vietos įstatymas. 1994 m. liepos 7d. Nr. I-533. Vilnius. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.5884/asr> (дата обращения: 14.09.2020).

<sup>3</sup> Ibid.

висимости от вида деятельности. Для выполнения каждой из этих функций соответствующие местные органы власти наделены соответствующей компетенцией. Компетенция по оказанию государственных услуг (согласно п. 2 ст. 5) возложена на поставщиков услуг, учрежденных муниципалитетами или другими публично избранными физическими и юридическими лицами (в соответствии с заключенными соглашениями). Также предусмотрено (согласно п. 3, 4 ст. 5), что договоры о совместной деятельности могут заключаться с другими государственными учреждениями или другими муниципалитетами для оказания государственных услуг, в то время как государственные услуги могут предоставляться другим муниципалитетом на основе соглашений.

Таким образом, муниципалитеты являются субъектом и элементом выражения не только представительной демократии, но и государственных услуг, предоставляемых населению. Последний аспект, несомненно, обусловлен введением принципа субсидиарности, продвигаемого Европейским союзом. Этот принцип, закрепленный в Законе Литовской Республики о государственном управлении, гласит: «Решения субъектов государственного управления должны приниматься и выполняться на том уровне системы государственного управления, на котором они наиболее эффективны» (согласно п. 7 ст. 3)<sup>4</sup>.

После введения первого карантина в Литве 16 марта 2020 года на следующий день были приняты поправки к Закону Литовской Республики о местном самоуправлении, касающиеся организации работы муниципального совета. Статьи 13—15 Закона были дополнены положениями об удаленных заседаниях муниципального совета, комитетов, комиссий в случае чрезвычайных ситуаций или карантина. Эти поправки обеспечили право муниципальных советников своевременно получать информацию и выражать свою позицию. Однако удаленная работа также создала побочные эффекты, так, например, член совета Клайпедского городского самоуправления, присутствовавший на заседании одного комитета, которое проводилось публично и дистанционно, назвал членов комитета «ослами».

С окончанием первой волны пандемии COVID-19 была принята важная поправка для установления межмуниципального сотрудничества. Пункт 4 ст. 5 Закона Литовской Республики о местном самоуправлении гласит: «Муниципалитет может передать выполнение административных и общественных функций другому муниципалитету по взаимному согласию муниципальных советов на основе соглашений. Муниципалитет также может по решению муниципального совета передать совету регионального развития особые полномочия по администрированию процесса предоставления государственных услуг, реализация которых подробно описана в соглашении между муниципалитетом и советом регионального развития. Передающий муниципалитет несет ответственность за выполнение функций муниципального совета, переданных другому муниципалитету или региональному совету развития»<sup>5</sup>. С одной стороны, такое изменение должно приводить к экономии затрат на оказание муниципальных услуг и улучшить координацию деятельности, с другой — может привести к возникновению дополнительного административного слоя, который увеличит стоимость услуг мониторинга [31, р. 48—49].

В свете различного опыта реагирования на пандемию COVID-19 два крупнейших литовских муниципалитета публично объявили о планах экономического раз-

<sup>4</sup> Lietuvos Respublikos viešojo administravimo įstatymas. 1999 m. birželio 17 d. Nr. VIII-1234. Vilnius. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.83679/asr> (дата обращения: 14.09.2020).

<sup>5</sup> Lietuvos Respublikos vietos įstatymas. 1994 m. liepos 7 d. Nr. I-533. Vilnius. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.5884/asr> (дата обращения: 14.09.2020).

вития и управления после COVID-19 в мае 2020 года. Пятого мая 2020 года появился план Вильнюсского городского самоуправления «Вильнюс 4 × 3», а 18 мая 2020 года Клайпедское городское самоуправление представило план экономического развития муниципалитета и управления кризисом COVID-19. Каунас, второй по численности населения город Литвы, публично не представил план по преодолению последствий COVID-19. В ходе интервью с одним вопросом сотрудник администрации Каунасского городского самоуправления отметил, что администрация не разработала специальный план экономического продвижения после COVID-19<sup>6</sup>. Этот факт во время интервью подтвердил и аналитик государственной политики. По словам аналитика, общественного доступа к такому плану нет и маловероятно, что план существует, поскольку в начале года муниципалитет Каунаса собирался взять крупные займы для реализации инфраструктурных проектов и не имел лишних финансовых ресурсов<sup>7</sup>. Потребность Каунаса в финансовых ресурсах может быть связана с реализацией проекта «Культурная столица Европы» в 2021 году [12, р. 71].

В целях дальнейшего анализа проводилось сравнение мер экономической политики, применяемых двумя основными городами Литвы, в отношении жителей и предприятий. Информация о мерах, принимаемых муниципалитетом Каунаса, в анализе не рассматривается. В качестве инструмента сравнения использовалась платформа *Google* для поиска информации о реакции местных властей на COVID-19 в других столицах стран Балтии. По словам В. Буркшене и соавт., «общие стратегии и действия позволяют городам учиться друг у друга, обмениваться информацией и инновациями, внедрять передовой опыт» [13, р. 322]. Частичная информация о мерах, принимаемых столицей Латвии Ригой и столицей Эстонии Таллином, была почерпнута на сайте *Eurocities*.

В плане действий Вильнюса выделены четыре области и три шага к конкурентоспособности города: люди, бизнес, культура и возможности. Три шага охватывают то, что Вильнюс уже сделал, что планирует сделать и что предлагает сделать правительству. План действий Клайпеды сфокусирован на пяти областях: остановка распространения вируса, сохранение рабочих мест для граждан, поддержка бизнеса, поддержание финансовой стабильности муниципалитета и взгляд в будущее. Для настоящего исследования выбраны две указанные в планах обоих муниципалитетов меры экономической политики, применяемые в отношении жителей и предприятий. Следует отметить, что необходимость таких планов подтверждается аудиторскими консультационными компаниями, которые отмечают, что планы «обеспечивают незамедлительную безопасность и долгосрочную устойчивость в качестве ответа на кризис, вызванный распространением COVID-19»<sup>8</sup>.

В 2020 году в муниципалитете Вильнюса проживало 580 тыс. человек. Город — центр привлечения инвестиций: в 2017 году две трети прямых иностранных инвестиций приходилось на Вильнюс<sup>9</sup>. В начале 2020 года в столице насчитывалось более 150 финтехкомпаний<sup>10</sup>. Вильнюс предлагает 121 электронную муниципальную услугу, которой можно пользоваться через мобильный телефон или не выходя из дома.

<sup>6</sup> Интервью с чиновником органов самоуправления города Каунаса. 14.09.2020.

<sup>7</sup> Интервью с аналитиком государственной политики. 14.09.2020.

<sup>8</sup> *COVID-19: Local Government Response Plan* // KPMG. URL: <https://home.kpmg/au/en/home/insights/2020/03/covid-19-coronavirus-local-government-response-plan.html> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>9</sup> *Lietuvos savivaldybių indeksas 2018*. URL: <http://www.lkti.lt/Files/LLRI/Lietuvos.savivaldybiu.indeksas.2018.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>10</sup> *Rodikliai* // Vilnius City Municipality. URL: <https://vilnius.lt/lt/savivaldybe/rodikliai/> (дата обращения: 22.05.2020).

С 2016 года Вильнюс последовательно сокращал свой долг с 383 млн евро до 236 млн евро<sup>11</sup>. По данным Литовского института свободного рынка, ставка налога на недвижимость и сборы за бизнес-лицензии в Вильнюсе были самыми высокими среди крупных литовских муниципалитетов<sup>12</sup>. Индекс муниципального благосостояния 2019 года, представленный Вильнюсским институтом анализа политики, показал, что Вильнюс находится на первом месте среди городских муниципалитетов<sup>13</sup>.

Клайпеда — третий по численности населения город Литвы и единственный портовый город. В начале 2020 года население Клайпедского городского самоуправления составляло 166 000 человек. В 2016 году Клайпеда привлекла 828 млн евро прямых иностранных инвестиций<sup>14</sup>. Коммунальные услуги в Клайпедке частично предоставляет частный сектор экономики. В 2016 году долг города был самым низким среди крупнейших муниципалитетов и составил 10,4% от утвержденного бюджета. В 2017 году средняя ставка земельного налога, базовая ставка налога на недвижимость и сборы за бизнес-лицензии были одними из самых низких в стране. Низкая средняя цена бизнес-лицензий способствовала тому, что в 2017 году количество их приобретений и продлений показало наибольший рост в Клайпедке — 5,8 на 1000 жителей<sup>15</sup>. Согласно индексу благосостояния муниципалитетов 2019 года, представленному Вильнюсским институтом анализа политики, Клайпеда заняла второе место среди городских муниципалитетов<sup>16</sup>.

На выборах муниципального совета и мэра 2019 года избирательные комитеты, возглавляемые нынешними мэрами, победили в обоих муниципалитетах, при этом избранные мэры являются представителями партии «Либеральное движение», популярность которой резко упала в результате возбуждения антикоррупционного дела против ее бывшего председателя. В современных исследованиях вопросов местного самоуправления отмечается, что муниципалитеты, управляемые влиятельными мэрами, могут функционировать эффективно. Жители, в частности, связывают свои ожидания от деятельности мэра с его ролью в качестве администратора и управленца [14, р. 282].

### **Меры муниципальной экономической поддержки, направленные на смягчение последствий первой волны пандемии COVID-19**

**Меры поддержки жителей.** Меры экономической политики охватывают широкий спектр действий. И нормативные акты, и принимаемые меры могут одновременно характеризоваться положительно и отрицательно. В частности, экономические инструменты представляют собой дихотомию оплаты наличными и натурой

<sup>11</sup> *Rodikliai* // Vilnius City Municipality. URL: <https://vilnius.lt/lt/savivaldybe/rodikliai/> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>12</sup> *Lietuvos savivaldybių indeksas* // Lithuanian Free Market Institute. URL: <http://www.lkti.lt/Files/LLRI/Lietuvos.savivaldybiu.indeksas.2018.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>13</sup> *Savivaldybių gerovės indeksas 2019*. URL: <https://vilniusinstitute.lt/wp-content/uploads/2019/12/SGI-2019.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>14</sup> *Klaipėda 2030: ekonominės plėtros strategija ir įgyvendinimo planas*. URL: [https://www.klaipeda.lt/data/public/uploads/2020/03/proverzis-veiksmu-planas\\_lt\\_2018.pdf](https://www.klaipeda.lt/data/public/uploads/2020/03/proverzis-veiksmu-planas_lt_2018.pdf) (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>15</sup> *Lietuvos savivaldybių indeksas* // Lithuanian Free Market Institute. URL: <http://www.lkti.lt/Files/LLRI/Lietuvos.savivaldybiu.indeksas.2018.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>16</sup> *Savivaldybių gerovės indeksas 2019*. URL: <https://vilniusinstitute.lt/wp-content/uploads/2019/12/SGI-2019.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).





Кризис вынудил муниципальные власти Клайпеды освободить жителей от платы муниципальным учреждениям неформального образования, группам продленного дня в муниципальных начальных школах, муниципальным спортивным школам и муниципальным детским садам. По данным администрации, городской бюджет потеряет 0,55 млн евро годового дохода<sup>17</sup>. Администрация Вильнюсского городского самоуправления объявила об освобождении от родительской платы за посещение детского сада, в Эстонии от родительской платы освобождены родители детей, посещающих детские сады, находящиеся в ведении Таллинской городской администрации<sup>18</sup>, в Риге применены меры, направленные на бедные и малообеспеченные семьи, которым предоставляются потребительские карточки<sup>19</sup>.

Планы обоих муниципалитетов включают меры по сохранению рабочих мест, что соответствует идее Р. Роуза о том, что города всегда могут предложить более высокооплачиваемую и разнообразную работу, чем сельские общины [20, р. 374]. На конец марта 2020 года уровень зарегистрированной безработицы в Литве составлял 9,8%, а на конец апреля безработными были 11,2% человек<sup>20</sup>. Администрация Клайпедского городского самоуправления уделяет особое внимание сохранению рабочих мест в частных детских садах, спортивных клубах и учреждениях неформального образования. План предусматривает, что частные дошкольные учреждения посещают 527 детей, а частные спортивные секции — 2 900 детей<sup>21</sup>. В 2020 году администрация обязалась выделить 2,9 млн евро на софинансирование проектов и мероприятий неправительственных организаций. Становится очевидным, что принимаемые только муниципальные меры могут лишь частично облегчить ситуацию с безработицей. Так, в июле 2020 года в Литве было зарегистрировано 209 тыс. безработных, это 12% от общей численности населения трудоспособного возраста, или примерно каждый восьмой [21]. Таллинская городская администрация постановила, что расходы общественным организациям в связи с невозможностью проведения конференций или спортивных мероприятий вследствие карантина должны быть возмещены<sup>22</sup>. Муниципалитет Вильнюса принял решение не сокращать рабочие места и зарплаты в тех сферах занятости, которые подлежат муниципальному контролю.

Характер проблем, вызванных потерей дохода, на решение которых направлены планы управления кризисом COVID-19, различается. Оба муниципалитета предоставляют жителям денежные пособия. Клайпедское городское самоуправление запланировало выделить выплаты в размере 100% минимальных потребительских потребностей: 257 евро на первого члена семьи, 206 евро — на второго

<sup>17</sup> *Klaipėdos miesto ekonomikos skatinimo ir COVID-19 krizės suvaldymo planas*. URL: <https://www.klaipeda.lt/data/public/uploads/2020/05/klaipeda-klaipeda-2020.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>18</sup> *Measures by City of Tallinn to Cope with COVID-19 crisis* // Eurocities. URL: [https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Overview-of-COVID-19-Measures-inTallinn\\_30April2020.pdf](https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Overview-of-COVID-19-Measures-inTallinn_30April2020.pdf) (дата обращения: 03.09.2020).

<sup>19</sup> *What kind of support can inhabitants of Riga receive during the emergency?* // Eurocities. URL: <https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Riga-measures-during-COVID-crisis.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

<sup>20</sup> *Statistiniai rodikliai // Užimtumo tarnyba*. URL: <https://uzt.lt/darbo-rinka/statistiniai-rodikliai/> (дата обращения: 10.09.2020).

<sup>21</sup> *Klaipėdos miesto ekonomikos skatinimo ir COVID-19 krizės suvaldymo planas*. URL: <https://www.klaipeda.lt/data/public/uploads/2020/05/klaipeda-klaipeda-2020.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

<sup>22</sup> *Measures by City of Tallinn to Cope with COVID-19 crisis* // Eurocities. URL: [https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Overview-of-COVID-19-Measures-inTallinn\\_30April2020.pdf](https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Overview-of-COVID-19-Measures-inTallinn_30April2020.pdf) (дата обращения: 03.09.2020).

и 180 евро — на остальных. Жители Вильнюса могут получить два вида финансовой помощи: целевые пособия до 975 евро, если среднемесячный доход одного гражданина не превышает 437,50 евро, 375 евро лицам, проживающим совместно с этими гражданами, и периодические пособия до 117 евро для жителей Вильнюса трудоспособного возраста, которые не имеют источника дохода или имеют средний ежемесячный доход менее 156,25 евро. Данные противоречат исследованию, в котором утверждается, что «местные органы власти будут еще больше полагаться на экономическую политику, не требующую денежных затрат сегодня» [22, р. 829]. Жителям Риги предоставляются различные денежные льготы: граждане, уровень дохода которых не покрывает основных потребностей, могли получить 128 евро на человека. Администрация города создала положительный имидж в глазах иностранных студентов, предоставляя им такую же возможность получить денежное пособие, в случае если они испытывают финансовые трудности.

Что касается коммунальных услуг, органы самоуправления Клайпеды рекомендовали отсрочить платежи своим предприятиям или организовать рассрочку платежей. Администрация Вильнюса доверила принятие решений самим муниципальными предприятиями. Администрация Риги снизила тарифы на услуги водоснабжения и теплоэнергии<sup>25</sup>.

Различное внимание уделяется администрациями двух городов вопросам финансового стимулирования социальных работников. Социальные работники первыми столкнулись с пандемией. Им не хватало информации, иногда ресурсов, работа часто велась по телефону, присутствовал постоянный страх заражения и передачи вируса подопечным. Более того, меры, принимаемые центральным правительством, не всегда соответствовали действительности, так зачастую нельзя предоставить социальные услуги людям с ограниченными возможностями без прямого контакта. План, принятый администрацией Клайпеды, предусматривает премирование социальных работников за выполнение чрезвычайно важной работы по борьбе с COVID-19. Однако финансирование реализации этой меры зависит от центрального правительства, поскольку средства выделяются из государственного бюджета и впоследствии распределяются муниципалитетом. По словам госслужащего, участвовавшего в разрабатываемом плане, предполагалось, что средства на реализацию этой меры выделит муниципалитет, однако позже стало известно, что нести ответственность будет государство. Подобные меры стимулирования не упоминаются в плане Вильнюсской администрации.

По мнению К. Шустера и соавт., пандемия изменила распорядок дня работников бюджетной сферы [23, р. 792]. У многих добавились новые функции, хотя в определенных сферах количество работы даже уменьшилось. Тем, у которых объем работы вырос, муниципалитеты старались выплачивать надбавки. В Клайпеде были введены надбавки сотрудникам Бюро общественного здравоохранения и Департамента общественного порядка, работающим в составе бригад на передвижном пункте тестирования и встречающих жителей, возвращающихся на пароме. После начала карантина единственной возможностью вернуться в страну была паромная переправа из Германии. Администрация Вильнюса, в свою очередь, планирует предложить освобождение от уплаты процентов за коммунальные платежи, пропущенные в период карантина, и предоставляет отдельный пакет мер помощи для врачей. Объем помощи, оказываемой врачам Вильнюсского муниципалитета, сравним с объемом помощи бизнесу, поскольку количество заболевших в Литве было одним из самых высоких, достигнув почти 20% всех зараженных коронавирусом за один год.

<sup>25</sup> *What kind of support can inhabitants of Riga receive during the emergency?* // Eurocities. URL: <https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Riga-measures-during-COVID-crisis.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

**Меры поддержки бизнеса.** Как уже упоминалось, карантин был введен 16 марта 2020 года. Новаторские меры борьбы с пандемией принимались с учетом опыта других стран, однако возможности перенятия опыта на уровне управления политическим, административным и управленческим аппаратом было ограничено [24, р. 336—337; 25, р. 772]. Решения о запрете различных видов деятельности и ограничении поездок принимались реактивным образом, то есть в зависимости от страны прибытия въезжающих инфицированных людей и т. д. Литва выбрала самую строгую модель ограничения бизнеса по сравнению с другими странами Балтии (табл. 2). Утверждается, что европейские страны, которые проявили более активную позицию реагирования на COVID-19, экономически пострадали больше [26]. С мая по август 2020 года ситуация с COVID-19 в Литве и Латвии снова начала ухудшаться, и этот процесс продолжается. По сравнению с другими странами-членами ЕС положение в этих странах не самое лучшее. Очевидно, что рост случаев COVID-19 зачастую вызван поведением общества. Ситуация в Эстонии остается одной из лучших (см. 14-дневное кумулятивное количество COVID-19 на 100 тыс. человек в таблице 2). По словам Р. Раудла, правительство Эстонии не только применяло централизованные меры, но и позволило органам местной власти самостоятельно решать, где требуется принятие более строгих мер [27, р. 8].

Таблица 2

**Ограничения для ведения бизнеса в странах Балтии  
в период карантина по пандемии COVID-19**

Страна	Торговые центры	Вокзалы, дороги	Аптеки	Рынки	Продовольственные магазины	Аэропорты	Общепит, бары, рестораны	14-дневное кумулятивное количество COVID-19 на 100 тыс. чел (12.11.2020) <sup>24</sup>
Литва	Закрыты	Открыты	Открыты	Открыты	Открыты	Открыты	Закрыты	577,1
Латвия	Открыты	Открыты	Открыты	Открыты	Открыты	Закрыты	Закрыты	192,9
Эстония	Открыты	Ограничена работа	Открыты	Открыты	Открыты	Открыты	Открыты	144,8

*Источник:* подготовлено на основе [28].

Несомненно, ограничительные меры оказали значительное влияние на предприятия общественного питания, сферы развлечений, спорта и отдыха, а также на граждан, задействованных в этих сферах. За новый пакет мер поддержки бизнеса отвечает Министерство экономики и инноваций. Это меры поддержки пострадавших от COVID-19 и меры по продвижению бизнеса. Они включают гарантии до 80% по инвестициям и кредитам, ссуды от 25 000 евро до 1 млн евро, 100%-ное возмещение уплаченных процентов. Гарантийную ответственность за реализацию этих мер несет учреждение АО «Investiciju ir verslo garantijos» (INVEGA). Функции учредителя и куратора этой компании возложены на Министерство экономики и инноваций. В апреле 2020 года, с началом смягчения карантинных условий и введением пакета мер по поддержке бизнеса в период COVID-19, появились жалобы общественности на медленные темпы оказания поддержки. Вероятно, медлительность институтов, ответственных за этот процесс, подтолкнула муниципальную

<sup>24</sup> COVID-19 situation update for the EU/EEA and the UK, as of 31 August 2020 // European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/cases-2019-ncov-eueea> (дата обращения: 13.11.2020).

администрацию к поиску альтернативных средств поддержки бизнеса на своей территории. По данным INVEGA, они отклонили около 18—19% заявок компаний на льготные кредиты и более 50 % заявок на компенсацию процентов [29]. Важно отметить, что один из основных критериев оказания поддержки основан на результатах деятельности компании по итогам 2019 года.

В этом разделе представлена характеристика мер муниципальной государственной поддержки, оказанной предпринимательству в ответ на первую волну пандемии COVID-19. Дается объяснение мер поддержки бизнеса, принимаемых муниципалитетами для смягчения последствий первой волны пандемии COVID-19. Рассматриваемые меры можно разделить на фискальные и меры по поддержке инициативы. По данным портала официальной статистики Литвы, в Вильнюсском муниципалитете пострадавшими оказались 14 169 коммерческих организаций, а в муниципалитете Клайпеды — 2826<sup>25</sup>.

Пакеты фискальной поддержки бизнеса в разных городах очень похожи, но различаются по своему содержанию и объему (табл. 3). Конечно, имеются и нестандартные решения. Муниципалитеты решили освободить владельцев принадлежащих муниципалитету помещений от оплаты аренды на период карантина, и муниципалитет Клайпеды намеревается сохранять эту меру в течение одного месяца после окончания карантина. Местная администрация столицы Эстонии Таллина сделала тот же шаг, устранив или снизив арендную плату для предпринимателей<sup>26</sup>.

Таблица 3

**Меры фискальной поддержки бизнеса  
муниципалитетами Вильнюса, Клайпеды, Риги и Таллина**

Город	Снижение арендной платы	Снижение налога на недвижимость	Выплаты за деятельность, пострадавшую от введения карантина	Выплаты за перекрытие улиц в процессе работ	Изменение коммунальных тарифов	Выплаты за содержание уличных кафе
Вильнюс	+	+	+	+	Индивидуальное решение коммунальных служб	+
Клайпеда	+	+	+	+	Предлагаются льготные условия	+
Рига	Нет данных	+	Нет данных	Нет данных	Сниженный тариф на водоснабжение и отопление	Нет данных
Таллин	+	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных

<sup>25</sup> *Companies affected by COVID-19* // Official Statistics Portal of Lithuania. URL: <https://osp.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=0d489e0bb68243728f646ed038338c59> (дата обращения: 11.11.2020).

<sup>26</sup> *Measures by City of Tallinn to Cope with COVID-19 crisis* // Eurocities. URL: [https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Overview-of-COVID-19-Measures-in-Tallinn\\_30April2020.pdf](https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Overview-of-COVID-19-Measures-in-Tallinn_30April2020.pdf) (дата обращения: 03.09.2020).

Муниципалитет Вильнюса полностью отменил налог на недвижимость на год карантина, а муниципалитет Клайпеды предлагает 10%-ное снижение налога на недвижимость. Предполагается, что это обойдется муниципальному бюджету в 300—400 тыс. евро<sup>27</sup>. Эффективность применения этой меры была признана сомнительной. В начале сентября 2020 года самоуправление Клайпеды объявило о потерях годового дохода в размере 3,7 млн евро. На сегодняшний день хуже всего проходят сборы подоходного налога и налога на недвижимость. При этом государству не удалось возместить все запланированные расходы, связанные с реагированием на COVID-19 в марте — мае 2020 года. Клайпедский муниципалитет подал заявку на получение около 1,3 млн, а правительство признало приемлемыми расходами только около 630 тыс. евро. Следует отметить, что меры по сохранению рабочих мест граждан не сработали, а освобождение от налога на недвижимость пока принесло пользу только владельцам этой собственности.

Администрация Риги перенесла срок уплаты налога на недвижимость с 31 марта на 15 мая<sup>28</sup>. Оба муниципалитета собираются освободить предприятия от различных сборов в период карантина. Клайпедский муниципалитет на момент написания настоящей статьи планировал введение освобождения от уплаты пошлин в определенных сферах в период с 16 марта по 31 декабря 2020 года. Примечательно, что в список предприятий, для которых будет сокращена пошлина, входят предприятия, на которые не распространяется действие карантина, так, например, планировалось освободить от уплаты налога предприятия, продающие рождественские елки. При этом муниципалитет не собирался освобождать от уплаты сбора предпринимателей, которые торговали на Морском фестивале в конце июля 2020 года.

Что касается коммунальных услуг, самоуправление Вильнюса оставило решение об освобождении от их оплаты на усмотрение предприятий, находящихся в ведении самоуправления, а самоуправление Клайпеды заявило, что оно предлагает льготные условия для ведения бизнеса. В Риге приняли решение снизить тариф на коммунальные услуги.

В начале ослабления карантинного режима мэрия Вильнюса применила исключительную инициативную меру поддержки — свободу деятельности уличных кафе (табл. 4). Информация о введении данной меры быстро распространилась по миру и была отмечена глобальными СМИ (*CNN*, *The Guardian*, *Euronews*, *LonelyPlanet*). Слова мэра Вильнюса: «Площади, скверы и улицы — близлежащие кафе в этом сезоне смогут бесплатно поставить столики на открытом воздухе и, таким образом, вести свою деятельность во время карантина. Просто открывайтесь, работайте, сохраняйте рабочие места и сохраняйте жизнь Вильнюсу»<sup>29</sup>. Эта мера оказалась не просто поддержкой, оказанной муниципалитетом местным предпринимателям, но очередной раз продемонстрировала, что города конкурируют друг с другом в стремлении привлечь потенциальный бизнес, туристов или будущих жителей [6, p. 277].

<sup>27</sup> *Klaipėdos miesto ekonomikos skatinimo ir COVID-19 krizės suvaldymo planas*. URL: <https://www.klaipeda.lt/data/public/uploads/2020/05/klaipeda-klaipeda-2020.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>28</sup> *What kind of support can inhabitants of Riga receive during the emergency?* // Eurocities. URL: <https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Riga-measures-during-COVID-crisis.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

<sup>29</sup> *Vilnius Set to Become One Giant Outdoor Café: Municipality Shares Public Spaces with Restaurants* // Vilnius City Municipality. URL: <https://vilnius.lt/en/2020/04/27/vilnius-set-to-become-one-giant-outdoor-cafe-municipality-shares-public-spaces-with-restaurants/> (дата обращения: 22.05.2020).

Таблица 4

**Меры поддержки инициативных предприятий  
муниципалитетами Вильнюса, Клайпеды, Риги и Таллина**

Город	Свобода уличных кафе	Либерализация размещения фуд-траков	Продоволь- ственные купоны	Поддержка медицинских работников	Символическая поддержка
Вильнюс	+	+	+	+	–
Клайпеда	–	+	–	–	+
Рига	Нет данных	Нет данных	+	Нет данных	Неприменимо
Таллин	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Неприменимо

Введение карантина также способствовало либерализации размещения фуд-траков. Оба муниципалитета позволили вести эту торговую деятельность без необходимости получения отдельного разрешения. Муниципалитет Вильнюса постановил, что такая деятельность может осуществляться где угодно, кроме Старого города, поскольку Старый город был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1994 году. Вильнюсский городской муниципалитет стал патроном проекта Talonai.lt, который осуществляется за счет муниципальных ресурсов, проект поощряет приобретение ресторанных услуг через выдачу специальных купонов<sup>30</sup>. Муниципалитет Риги предоставил возможность получать горячую пищу нуждающимся<sup>31</sup>. Муниципалитет Вильнюса также выделил медицинскому персоналу 400 тыс. евро, которые он может потратить только в культурных учреждениях или ресторанах города<sup>32</sup>. Городское самоуправление Клайпеды оказало символическую (этот термин использовался в плане развития и управления города Клайпеды) поддержку открытия уличных кафе для бизнеса. Каждое кафе должно быть обеспечено бесплатной дезинфицирующей жидкостью для обеспечения безопасной среды<sup>33</sup>.

Настоящий анализ показал, что муниципалитеты пытались оказать помощь бизнесу посредством различных стимулов. Однако фактически было невозможно выявить, каким предприятиям и насколько тяжело приходилось справляться с последствиями первой волны COVID-19. Некоторые данные свидетельствуют о том, что предприятия добились разных успехов в преодолении этих последствий, при этом если одни потратили средства, которые ранее заработали, на поддержку своей деятельности, то другие просто положили их на депозиты в банке. Так, в январе 2020 года депозиты юридических лиц составили 6,67 млрд евро, эта цифра резко возросла до 8,05 млрд евро в августе, а в сентябре — до 8,09 млрд евро [30].

## Выводы

Исследование показало, что несмотря на то, что строгие карантинные меры способствовали эффективному управлению эпидемией, экономические проблемы, вызванные пандемией, вероятно, значительно повлияют на благосостояние населения.

<sup>30</sup> *Vilnius planas 4 × 3* // Vilnius City Municipality. URL: <https://vilnius.lt/en/2020/05/05/its-official-vilnius-introduced-its-plan-for-combating-after-effects-of-the-pandemic/> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>31</sup> *What kind of support can inhabitants of Riga receive during the emergency?* // Eurocities. URL: <https://covidnews.eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/04/Riga-measures-during-COVID-crisis.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

<sup>32</sup> *Vilnius planas 4 × 3* // Vilnius City Municipality. URL: <https://vilnius.lt/en/2020/05/05/its-official-vilnius-introduced-its-plan-for-combating-after-effects-of-the-pandemic/> (дата обращения: 22.05.2020).

<sup>33</sup> *Klaipėdos miesto ekonomikos skatinimo ir COVID-19 krizės suvaldymo planas*. URL: <https://www.klaipeda.lt/data/public/uploads/2020/05/klaipeda-klaipeda-2020.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).



Децентрализованный подход к управлению экономическим кризисом в таком контексте, несомненно, является выгодным и эффективным. Предыдущие исследования показали, что центральное правительство способно нарушать работу городских администраций, но города могут извлечь выгоду из общественной поддержки и демократического руководства. Как отмечает Д. Чан, «национальное правительство говорит, города действуют», поскольку действия центральной власти не обязательно отражают интересы всех жителей и предпринимателей [31, р. 157]. В этом контексте действия муниципальных администраций могут быть более успешными, так как муниципалитеты осведомлены о потребностях своих жителей и предпринимателей и могут более быстро и гибко реагировать на них. Очевидно, что разработка планов действий по управлению последствиями пандемии COVID-19 в муниципалитетах создала что-то вроде спасительного нарратива, вселяя их жителям надежду на счастливый конец, при этом местные власти не имеют представления о том, чем должны закончиться некоторые принятые решения, какие меры должны быть прекращены, а какие продолжены. Муниципалитеты выбирали разные модели, режимы, подходы и инструменты управления первой волной COVID-19. Меры поддержки применялись не только в сфере общественного здравоохранения, но и в сфере личного здоровья граждан, экономического развития, образования и многих других.

Муниципалитеты Вильнюса и Клайпеды представили планы оказания мер экономической поддержки жителей и предприятий, направленных на повышение уровня занятости, производительности, экономического развития и обеспечение биологической безопасности. При этом значение имеют не только степень реализации мер, но и показатели их эффективности, которые будут контролироваться муниципалитетами для выявления конкретного воздействия оказанной поддержки на жителей и бизнес, поскольку, предприняв смелый шаг по преодолению последствий пандемии COVID-19 в одиночку, невозможно ожидать помощи от центрального правительства. В будущем также будет важно знать, были ли муниципальные средства после освобождения от налогов и сборов использованы рационально и соответствовали ли ожиданиям и потребностям жителей и предприятий. При этом меры поддержки должны быть гибкими и лишены бюрократических проволочек, поскольку малоимущие жители муниципалитетов нуждаются в индивидуальном подходе, учитывая тот факт, что социальная изоляция лишь усугубляет проблему неравенства среди населения.

Наконец очевидно, что оценивать результаты экономических мер, принимаемых муниципалитетами, на данном этапе слишком рано, но утвержденные планы демонстрируют проактивность стремлений муниципалитетов в оказании поддержки гражданам. С другой стороны, анализ мер реагирования отдельных муниципалитетов на кризис, вызванный COVID-19, может быть полезен для муниципальных служащих, борющихся с пандемией в других странах, и может послужить руководством к удовлетворению основных потребностей уязвимых слоев населения [32, р. 789–790].

## Список литературы

1. *Nakrošis V.* Klaidos valdant COVID-19 epidemija Lietuvoje // Nuomonės. 24.03.2020. URL: [https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1154138/vitalis-nakrosis-klaidos-valdant-covid-19-epidemija-ietuvoje?fbclid=IwAR1kfhLZCQ5JYOyjINbr\\_KtlfKC1JZ\\_RD16lJb843JSDShoBRwSJ\\_2NUEXM](https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1154138/vitalis-nakrosis-klaidos-valdant-covid-19-epidemija-ietuvoje?fbclid=IwAR1kfhLZCQ5JYOyjINbr_KtlfKC1JZ_RD16lJb843JSDShoBRwSJ_2NUEXM) (дата обращения: 13.05.2020).
2. *Šiugždiniėnė J.* Kiek dar krizių turėsime išgyventi, kad pagaliau suprastume valstybės tarnybos svarbą // Suprasti akimirksniu. 20.04.2020. URL: [https://www.15min.lt/naujiena/aktuali/nuomones/jurgita-siugzdiniene-kiek-dar-kriziu-turesime-isgyventi-kad-pagaliau-suprastume-valstybes-tarnybos-svarba-18-1306136?fbclid=IwAR3s8aAV1CSeekRgo69\\_vSIU2TimbVRTCXlrW\\_qXgkHEJwqkvUgENiFzEuA](https://www.15min.lt/naujiena/aktuali/nuomones/jurgita-siugzdiniene-kiek-dar-kriziu-turesime-isgyventi-kad-pagaliau-suprastume-valstybes-tarnybos-svarba-18-1306136?fbclid=IwAR3s8aAV1CSeekRgo69_vSIU2TimbVRTCXlrW_qXgkHEJwqkvUgENiFzEuA) (дата обращения: 13.05.2020).
3. *Johanson J. E., Pekkola E., Husman P.* Government programme as a strategy — The Finnish experience // *Administrative Sciences*. 2017. Vol. 7, № 2. P. 1–16. <https://doi.org/10.3390/admsci7020016>.

4. *Poister T.H.* The future of strategic planning in the public sector: Linking strategic management and performance // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 70, S1, P. s246-s254. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2010.02284.x>.
5. *Deslatte A., Stokan E.* Hierarchies of need in sustainable development: A resource dependence approach for local governance // *Urban Affairs Review*. 2019. Vol. 55, № 4. P. 1125—1152. <https://doi.org/10.1177/1078087417737181>.
6. *Thomas M.B., Fay D.L., Berry F.S.* Strategically Marketing Florida's Cities: An Exploratory Study Into How Cities Engage in Public Marketing // *The American Review of Public Administration*. 2020. Vol. 50, № 3. P. 275—285. <https://doi.org/10.1177/0275074019897599>.
7. *McKenzie G., Adams B.* A Country Comparison of Place-based Activity Response to COVID-19 policies // *Applied Geography*. 2020. Vol. 125. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102363>.
8. *Hale T., Petherick A., Phillips T., Webster S.* Variation in government responses to COVID-19 // *Blavatnik School of Government Working Paper*. 2020. 31. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2020-03/BSG-WP-2020-031-v2.0.pdf>.
9. *George B., Verschuere B., Wayenberg E., Zaki B.L.* A Guide to Benchmarking COVID-19 Performance Data // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 4. P. 696—700. <https://doi.org/10.1111/puar.13255>.
10. *Bučaitė-Vilkė J., Vilkas M.* Discussing municipal performance alternatives: Public Perceptions of Municipal Services Delivery in Lithuania // *International Journal of Public Sector Management*. 2018. Vol. 31, № 4. P. 525—542. <https://doi.org/10.1108/ijpsm-01-2017-0011>.
11. *Burbulytė-Tsiskarishvili G., Dvorak J., Žernytė A.* Changes of Local Functions and Local Powers in Lithuania 1994—2016 // *Public Policy And Administration*. 2018. Vol. 17, № 3. P. 399—420. <https://doi.org/10.5755/j01.ppa.17.3.21955>.
12. *Burksiene V., Dvorak J., Burbulyte-Tsiskarishvili G.* Sustainability and sustainability marketing in competing for the title of European Capital of Culture // *Organizacija*. 2018. Vol. 51, № 1. P. 66—78. <https://doi.org/10.2478/orga-2018-0005>.
13. *Burksiene V., Dvorak J., Burbulytė-Tsiskarishvili G.* City Diplomacy in Young Democracies: The Case of the Baltics // S. Amiri, E. Sevin (eds). *City Diplomacy*. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 305—330. [https://doi.org/10.1007/978-3-030-45615-3\\_14](https://doi.org/10.1007/978-3-030-45615-3_14).
14. *Lazauskienė A., Bučaitė-Vilkė J.* Vietos politinės lyderystės paieškos: kokio mero nori Lietuvos gyventojai // *Filosofija. Sociologija*. 2018. Vol. 29, № 4. P. 276—284.
15. *Vedung E.* Policy Instruments: Typologies and Theories // M. L. Bemelmans-Videc, R. C. Rist, E. Vedung (eds). *Carrots, Sticks & Sermons*. New Brunswick ; L., 2007. P. 1—277.
16. *Guogis A., Koht H.* Why not the Nordic model of welfare state in Lithuania? Trends in Lithuanian and Norwegian social policies // J. Aidukaite (ed.). *Poverty, urbanity and social policy. Central and Eastern Europe in a broader context*. N. Y., 2009. P. 1—19.
17. *Green R.K., White M.J.* Measuring the benefits of homeownership: Effects on children // *Journal of urban economics*. 1997. Vol. 41, № 3. P. 441—461.
18. *Gabris G.T., Nelson K.L.* Transforming Municipal Boards into Accountable, High-Performing Teams: Toward a Diagnostic Model of Governing Board Effectiveness. *Organizational Learning Mechanisms: A Structural-Cultural Approach to Organizational Learning* // *Public Performance & Management Review*. 2013. Vol. 36, № 3. P. 472—495. <https://doi.org/10.2753/pmr1530-9576360305>.
19. *Maher C.S., Hoang T., Hindery A.* Fiscal Responses to COVID-19: Evidence from Local Governments and Nonprofits // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 4. P. 644—650. <https://doi.org/10.1111/puar.13258>.
20. *Rose R.* Micro-economic responses to a macro-economic crisis: a pan-European perspective // *Journal of communist studies and transition politics*. 2011. Vol. 27, № 3—4. P. 364—384.
21. *Janauskaitė I., Tizenhauzienė V.* Karantino metu išaugo bedarbių skaičius — kritikuojama “patogi” pašalpu politika // LRT. 01.07.2020. URL: <https://www.lrt.lt/naujienos/verslas/4/1193921/karantino-metu-isaugo-bedarbiu-skaicius-kritikuojama-patogi-pasalpu-politika> (data обращения: 11.11.2020).
22. *Deslatte A., Hatch M.E., Stokan E.* How Can Local Governments Address Pandemic Inequities? // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 5. P. 827—831. <https://doi.org/10.1111/puar.13257>.
23. *Schuster C., Weitzman L., Sass Mikkelsen K. et al.* Responding to COVID-19 through Surveys of Public Servants // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 5. P. 792—796. <https://doi.org/10.1111/puar.13246>.

24. Dvorak J. Lithuanian COVID-19 lessons for public governance // P. Joyce, F. Maron, P. Sivanarain Reddy (eds). *Good Public Governance in a Global Pandemic*. Brussels, 2020. P. 329—338.

25. Bouckaert G., Van Hecke S., Galli D. et al. European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 5. P. 765—776. <https://doi.org/10.1111/puar.13242>.

26. He E. The Results of Europe's Lockdown Experiment Are In // *Bloomberg Opinion*. 20.05.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-opinion-coronavirus-europe-lockdown-excess-deaths-recession/> (дата обращения: 23.05.2020).

27. Raudla R. Estonian response to COVID-19 pandemic: advantages of smallness, learning and cooperation // *Revista de Administração Pública*. 28.08.2020. URL: <http://bibliotecadigital.fgv.br/ojs/index.php/rap/article/view/81779> (дата обращения: 28.08.2020).

28. Navakas N. Patvirtinti dar du koronaviruso atvejai // *Verslo Zinios*. 19.03.2020. URL: <https://www.vz.lt/verslo-aplinka/2020/03/19/patvirtinti-dar-du-koronaviruso-atvejai> (дата обращения: 13.05.2020).

29. Šimelevičienė, J. „Invegos“ vadovas K. Motiejūnas į aidinčią verslo kritiką: „Mes ir patys norėtume, kad viskas suktųsi greičiau“ // *Verslas*. 26.04.2020. URL: <https://www.15min.lt/verslas/naujiena/finansai/invega-vadovas-k-motiejunas-mes-ir-patys-noretume-kad-viskas-suktusi-greiciau-662-1308828> (дата обращения: 13.05.2020).

30. Rakauskė R. Pandemijos metu — rekordiniai Lietuvos įmonių indėliai bankuose // *Delfi*. 11.11.2020. URL: <https://www.delfi.lt/verslas/verslas/pandemijos-metu-rekordiniai-lietuvos-imoniu-indeliai-bankuose.d?id=85694598> (дата обращения: 11.11.2020).

31. Chan D.K.H. City diplomacy and “glocal” governance: revitalizing cosmopolitan democracy // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2016. Vol. 29, № 2. P. 134—160.

32. Ito N. C., Pongeluppe, L. S. The COVID-19 Outbreak and the Municipal Administration Responses: Resource Munificence, Social Vulnerability, and the Effectiveness of Public Actions // *Revista de Administração Pública*. 2020. Vol. 54, № 4. P. 782—838.

## Об авторе

**Ярослав Дворак**, заведующий кафедрой государственного управления и политических наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: Jaroslav.dvorak@ku.lt

<https://orcid.org/0000-0003-1052-8741>

## RESPONSE OF THE LITHUANIAN MUNICIPALITIES TO THE FIRST WAVE OF COVID-19

**J. Dvorak**

Klaipėda University  
84 Herkaus Manto, Klaipėda, 92294, Lithuania

Received 12 November 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-4  
© Dvorak, J., 2021

*This article analyses the response of Lithuanian local authorities to the first wave of COVID-19 with a special focus on the economic support measures they took. The main goal of this in-depth study is to compare the economic response measures included in the action plans of Riga and*

**To cite this article:** Dvorak, J. 2021, Response of the Lithuanian municipalities to the First Wave of COVID-19, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no. 1, p. 70–88. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-4.

Tallinn, two large Lithuanian municipal administrations, as well as to analyse the narrative developed in the two cities. The methodology of this research is based on the review of literature, the analysis of action plans, and a case study. The Vilnius and Klaipėda city municipalities adopted action plans to support residents and businesses. Although there are many measures the plans have in common, they differ in the context and scope of application. Municipalities are willing to grant exemptions from various fees and taxes. They have used innovative measures: Vilnius allowed the opening of outdoor cafes, the practice, which was observed by global media. According to the research findings, the actions of municipal authorities can be successful, as municipalities are closer to the residents and can respond to their needs and those of entrepreneurs more quickly and flexibly. The approval of COVID-19 management action plans by municipalities has contributed to the narrative of recovery and hope.

### Keywords:

local authorities, action plan, COVID-19, economic policy measures, quarantine

### References

1. Nakrošis, V. 2020, Klaidos valdant COVID-19 epidemija Lietuvoje, *Nuomonės*, 24.03.2020, available at: URL: [https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1154138/vitalis-nakrosis-klaidos-valdant-covid-19-epidemija-lietuvoje?fbclid=IwAR1kfhLZCQ5JYOyjINbr\\_KtlfKC1JZ\\_RDI6IjB-843JSDShoBRwSJ\\_2NUEXM](https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1154138/vitalis-nakrosis-klaidos-valdant-covid-19-epidemija-lietuvoje?fbclid=IwAR1kfhLZCQ5JYOyjINbr_KtlfKC1JZ_RDI6IjB-843JSDShoBRwSJ_2NUEXM) (accessed 13. 05.2020).
2. Šiugždinienė, J. 2020, Kiek dar krizių turėsime išgyventi, kad pagaliau suprastume valstybės tarnybos svarbą, *SUPRASTI AKIMIRKSNIU*, 20.04.2020, available at: [https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/nuomones/jurgita-siugzdiniene-kiek-dar-kriziu-turesime-isgyventi-kad-pagaliau-suprastume-valstybes-tarnybos-svarba-18-1306136?fbclid=IwAR3s8aAV1CSeekRgo69\\_vSIU2TimbVRTCXlrW\\_qXgkHEJwqkvUgENiFzEuA](https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/nuomones/jurgita-siugzdiniene-kiek-dar-kriziu-turesime-isgyventi-kad-pagaliau-suprastume-valstybes-tarnybos-svarba-18-1306136?fbclid=IwAR3s8aAV1CSeekRgo69_vSIU2TimbVRTCXlrW_qXgkHEJwqkvUgENiFzEuA) (accessed 13. 05.2020).
3. Johanson, J. E., Pekkola, E., Husman, P. 2017, Government programme as a strategy — The Finnish experience, *Administrative Sciences*, vol. 7, no. 2, p.1—16 doi: <https://doi.org/10.3390/admsci7020016>.
4. Poister, T. H. 2020, The future of strategic planning in the public sector: Linking strategic management and performance, *Public Administration Review*, vol. 70, s. 1, p. s246-s254. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2010.02284.x>.
5. Deslatte, A., Stokan, E. 2019, Hierarchies of need in sustainable development: A resource dependence approach for local governance, *Urban Affairs Review*, vol. 55, no. 4, p. 1125—1152. doi: <https://doi.org/10.1177/1078087417737181>.
6. Thomas, M. B., Fay, D. L., Berry, F. S. 2020, Strategically Marketing Florida's Cities: An Exploratory Study Into How Cities Engage in Public Marketing, *The American Review of Public Administration*, vol. 50, no. 3, p. 275—285. doi: <https://doi.org/10.1177/0275074019897599>.
7. McKenzie, G., Adams, B. 2020, A Country Comparison of Place-based Activity Response to COVID-19 policies, *Applied Geography*, vol. 125, 102363. doi: <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102363>.
8. Hale, T., Petherick, A., Phillips, T., Webster, S. 2020, Variation in government responses to COVID-19, *Blavatnik School of Government Working Paper*, no. 31, available at: <https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2020-03/BSG-WP-2020-031-v2.0.pdf> (accessed 13. 05.2020).
9. George, B., Verschuere, B., Wayenberg, E., Zaki, B. L. 2020, A Guide to Benchmarking COVID-19 Performance Data, *Public Administration Review*, vol.80, no. 4, p. 696—700. doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13255>.
10. Bučaitė-Vilkė, J., Vilkas, M. 2018, Discussing municipal performance alternatives: Public Perceptions of Municipal Services Delivery in Lithuania, *International Journal of Public Sector Management*, vol. 31, no. 4, p. 525—542. doi: <https://doi.org/10.1108/ijpsm-01-2017-0011>.
11. Burbulytė-Tsiskarishvili, G., Dvorak, J., Žernytė, A. 2018, Changes of Local Functions and Local Powers in Lithuania 1994—2016, *Public Policy And Administration*, vol. 17, no. 3, p. 399—420. doi: <https://doi.org/10.5755/j01.ppaa.17.3.21955>.
12. Burksiene, V., Dvorak, J., Burbulyte-Tsiskarishvili, G. 2018, Sustainability and sustainability marketing in competing for the title of European Capital of Culture, *Organizacija*, vol. 51, no. 1, p. 66—78. doi: <https://doi.org/10.2478/orga-2018-0005>.

13. Burksiene, V., Dvorak, J., Burbulytė-Tsiskarishvili, G. 2020, City Diplomacy in Young Democracies: The Case of the Baltics. In: Amiri, S., Sevin, E. (eds) *City Diplomacy. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy*, Palgrave Macmillan, Cham. p. 305–330. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-45615-3\\_14](https://doi.org/10.1007/978-3-030-45615-3_14).
14. Lazauskienė, A., Bučaitė-Vilkė, J. 2018, Vietos politinės lyderystės paieškos: kokio mero nori Lietuvos gyventojai, *Filosofija sociologija*, vol. 29, no. 4, p. 276–284.
15. Vedung, E. 2007, Policy Instruments: Typologies and Theories. In: Bemelmans-Videc, M. L., Rist, R. C., Vedung, E. C. *Carrots, Sticks & Sermons. New Brunswick*, London, Transaction Publishers, p. 1–277.
16. Gabris, G. T., Nelson, K. L. 2013, Transforming Municipal Boards into Accountable, High-Performing Teams: Toward a Diagnostic Model of Governing Board Effectiveness: Organizational Learning Mechanisms: A Structural-Cultural Approach to Organizational Learning, *Public Performance & Management Review*, vol. 36, no. 3, p. 472–495. doi: <https://doi.org/10.2753/pmr1530-9576360305>.
17. Guogis, A., Koht, H. 2009, Why not the Nordic model of welfare state in Lithuania? Trends in Lithuanian and Norwegian social policies. In J. Aidukaite (Ed.), *Poverty, urbanity and social policy. Central and Eastern Europe in a broader context*. New York: Nova Sciences, p. 1–19.
18. Green, R. K., White, M. J. 1997, Measuring the benefits of homeownership: Effects on children, *Journal of urban economics*, vol. 41, no 3. p. 441–461
19. Maher, C. S., Hoang, T., Hindery, A. 2020, Fiscal Responses to COVID-19: Evidence from Local Governments and Nonprofits, *Public Administration Review*, vol. 80, no. 4, p. 644–650. doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13238>.
20. Rose, R. 2011, Micro-economic responses to a macro-economic crisis: a pan-European perspective, *Journal of communist studies and transition politics*, vol. 27, no. 3–4, p. 364–384.
21. Janauskaitė, I., Tizenhauzienė, V. 2020, Karantino metu išaugo bedarbių skaičius – kritikuojama “patogi” pašalpu politika, *LRT*, 01.07.2020, available at: <https://www.lrt.lt/naujienos/verslas/4/1195921/karantino-metu-isaugo-bedarbiu-skaicius-kritikuojama-patogi-pasalpu-politika> (accessed 11.11.2020).
22. Deslatte, A., Hatch, M. E., Stokan, E. 2020, How Can Local Governments Address Pandemic Inequities? *Public Administration Review*, vol. 80, no. 5, p 827–831. doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13257>.
23. Schuster, C., Weitzman, L., Sass Mikkelsen, K., Meyer-Sahling, J., Bersch, K., Fukuyama, F., Paskov, P., Rogger, D., Mistree, D., Kay, K. 2020, Responding to COVID-19 Through Surveys of Public Servants, *Public Administration Review*. vol. 80, no. 5, p. 792–796. doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13246>.
24. Dvorak, J. 2020, Lithuanian COVID-19 lessons for public governance. In Joyce, P., Maron, F., Reddy, P. S. (eds) *Good Public Governance in a Global Pandemic*, Brussels: IIAS-IISA, p. 329–338.
25. Bouckaert, G., Van Hecke, S., Galli, D., Kuhlmann, S., Reiter, R. 2020, European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis, *Public Administration Review*, vol. 80, no. 5, p. 765–776. doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13242>.
26. He, E. 2020, The Results of Europe’s Lockdown Experiment Are, *Bloomberg Opinion*, 20.05.2020, available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-opinion-coronavirus-europe-lockdown-excess-deaths-recession/> (accessed 23.05. 2020).
27. Raudla, R. 2020, Estonian response to COVID-19 pandemic: advantages of smallness, learning and cooperation, *Revista de Administração Pública*, 28.08.2020, available at: <http://bibliotecadigital.fgv.br/ojs/index.php/rap/article/view/81779> (accessed 28.08. 2020).
28. Navakas, N. 2020, Patvirtinti dar du koronaviruso atvejai, *Verslo Zinios*, 19.03.2020, available at: <https://www.vz.lt/verslo-aplinka/2020/03/19/patvirtinti-dar-du-koronaviruso-atvejai> (accessed 13.05.2020).
29. Šimelevičienė, J. 2020, „Invegos“ vadovas K. Motiejūnas į aidinčią verslo kritiką: „Mes ir patys norėtume, kad viskas sukštų greičiau“, *Verslas*, 26.04.2020, available at: <https://www.15min.lt/verslas/naujiena/finansai/invega-vadovas-k-motiejunas-mes-ir-patys-noretume-kad-viskas-suktusi-greiciau-662-1308828> (accessed 13. 05.2020).
30. Rakauskė, R. 2020, Pandemijos metu – rekordiniai Lietuvos įmonių indėliai bankuose, *Delfi*, 11.11.2020, available at: <https://www.delfi.lt/verslas/verslas/pandemijos-metu-rekordiniai-lietuvos-imoniu-indeliai-bankuose.d?id=85694598> (accessed 11.11.2020).

31. Chan, D. K. H. 2016, City diplomacy and “glocal” governance: revitalizing cosmopolitan democracy, *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. vol. 29, no. 2, p. 134–160.

32. Ito, N. C., Pongeluppe, L. S. 2020, The COVID-19 Outbreak and the Municipal Administration Responses: Resource Munificence, Social Vulnerability, and the Effectiveness of Public Actions, *Revista de Administração Pública*, vol. 54, no. 4, p. 782–838.

33. Burkšienė, V., Dvorak, J., Burbulytė-Tsiskarishvili, G., Normantė, I., Dūda, M., Civiškas, R. 2017, Viešosios paslaugos: iššūkiai kuriant gerovės visuomenę: mokslo studija, Klaipėdos universiteto leidykla.

### **About author**

---

**Prof. Jaroslav Dvorak**, Head of Department of Public Administration and Political Sciences, Klaipėda University, Lithuania.

E-mail: Jaroslav.dvorak@ku.lt

<https://orcid.org/0000-0003-1052-8741>

---



# КУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ В ВОСПРИЯТИИ АКТУАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ЛОКАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

**Е. С. Фидря**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,  
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 02.05.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-5

© Фидря Е. С., 2021

*Данная работа представляет собой результат исследований взаимосвязи структурной организации локальных сообществ региона Балтийского моря (на примере отношения населения Калининградской области к проекту разработки месторождения калийно-магниевых солей) и их культурных установок с конструируемыми и воспринимаемыми ими образами рисков. Рассматривается, каким образом конструируемые и распространяемые через различные каналы коммуникации образы рисков воспринимаются «внутри» локального сообщества с учетом коммуникационного и структурного контекста, как на это влияет тип культурных установок членов локальных сообществ (согласно модели «группа — решетка» и теории культурно обусловленного познания). На основе построенного при помощи метода множественного анализа соответствий пространства категориальных переменных проведены кластеризация наблюдений (респондентов) и проверка соотношения наблюдаемых результатов и теоретических предположений. Для выделенных групп (классов наблюдений) осуществлено исследование их коммуникативных практик и стратегий, изучена взаимосвязь между их структурной организацией, культурными установками, восприятием экологических рисков и ключевых институтов, считающихся ответственными за регулирование рисков, проведена оценка сравнительной эффективности различных способов, средств и форм риск-коммуникации в отношении выявленных групп. Полученные результаты позволяют сделать вывод о методологических перспективах дальнейшего применения данной модели и выстраивании более эффективных дифференцированных стратегий риск-коммуникации.*

**Ключевые слова:**

культурный подход, локальное сообщество, экологический риск, модель «группа — решетка», Балтийский регион

## Исследования восприятия экологических рисков в странах региона Балтийского моря

В силу ряда географических и политических обстоятельств экологическая проблематика играет важную роль для стран региона Балтийского моря, что выражается и в мерах правового и институционального контроля, и в деятельности межгосу-

**Для цитирования:** Фидря Е. С. Культурные установки в восприятии актуальных экологических рисков локальными сообществами Балтийского региона // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 89–107. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-5.

дарственных общественных организаций, и в общественных настроениях, которые требуют не только регулярного мониторинга, но и исследований для углубленного изучения содержания общественных представлений об актуальных экологических рисках, а также тех факторах, которые влияют на формирование данных представлений. Так, блоки по экологической проблематике с 1990-х годов входят в опросники таких регулярных мониторингов, как *ISSP (International Social Survey Programme)*, *Eurobarometer* и *Gallup World Poll*. Можно отметить интересный опыт углубленного исследования локальных сообществ Арктического региона — проект *CAVIAR*, направленный на изучение влияния экологических вызовов на локальные сообщества для выработки ответных адаптивных стратегий и политик [1].

Согласно одному из последних замеров *Eurobarometer* (ноябрь 2017 года) для 57% участников опроса лично представляется «очень важным» вопрос защиты окружающей среды, еще 38% считают его «достаточно важным», в то время как «неважным» его называют только 5% респондентов. При этом между отдельными странами наблюдаются существенные различия: так, в Швеции вопрос защиты окружающей среды «очень важен» для 87% опрошенных, в то время как в Литве — для 42%, а в Польше — для 40%<sup>1</sup>.

Различается и структура экологических рисков, которым европейцы уделяют наибольшее внимание: так, на первом месте находится «изменение климата» (наиболее важной проблемой его назвали 51% респондентов), далее следуют «загрязнение воздуха» (46%) и «растущие объемы отходов» (40%).<sup>2</sup> Здесь также имеется страновая специфика: если североευропейские страны, входящие в регион Балтийского моря, больше озабочены проблемами климатических изменений (Дания — 70%, Швеция — 68%, Германия и Финляндия — по 63%), то население Польши больше беспокоит загрязнение воздуха (56%), а проблема растущего объема отходов в большей степени тревожит жителей Литвы (65%), Латвии (61%) и Эстонии (54%).<sup>3</sup>

Согласно данным другого исследования<sup>4</sup>, наиболее опасными рисками респонденты считают загрязнение воздуха промышленными предприятиями (3,97 по 5-балльной шкале), на втором месте — использование пестицидов (3,88), на третьем — загрязнение воды (3,85).

Собранную в ходе опросов информацию часто подвергают вторичному анализу, допуская и макрорегиональные комбинации, и учет определенного ряда социально-демографических факторов и других переменных, включенных в подобные опросники. Например, таким образом проведено исследование восприятия и оценки рисков, связанных с климатическими изменениями, в Северных странах региона Балтийского моря [4], где в качестве дополнительного измерения рассмотрено отношение населения стран к ответственности различных институтов за регулирование данного риска.

Понятно, что спектр возможных переменных и, соответственно, глубина анализа взаимосвязей восприятия рисков и различных социальных, культурных, политических условий весьма ограничены. При этом, во-первых, существуют внутристрановые отличия в зависимости от подверженности конкретных локаль-

<sup>1</sup> *Attitudes of European citizens towards the environment // Special Eurobarometer 468 Summary*. URL: [http://data.europa.eu/88u/dataset/S2156\\_88\\_1\\_468\\_ENG](http://data.europa.eu/88u/dataset/S2156_88_1_468_ENG) (дата обращения: 21.04.2020).

<sup>2</sup> *Ibid.*

<sup>3</sup> *Ibid.*

<sup>4</sup> *International Social Survey Programme: Environment III-ISSP 2010*. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5500 Data file Version 3.0.0. Gesis. URL: [https://search.gesis.org/research\\_data/ZA5500](https://search.gesis.org/research_data/ZA5500) (дата обращения: 21.04.2020).

ных сообществ определенным рискам, а во-вторых, необходимо учитывать влияние надстрановых социальных и экономических условий. Исследователи обнаруживают влияние на формирование отношения к риску как социоструктурных факторов (см., например, [3]), так и различных установок и убеждений.

Согласно одним работам, адаптивные ответы локальных сообществ на экологические вызовы нужно рассматривать в тесной связи с технологическими инновациями и институциональными аспектами (такими, как рациональный менеджмент), позволяющим извлекать общую пользу из используемых экономических ресурсов [4, p. 590; 5].

В сравнительном исследовании двух норвежских локальных сообществ показана важная роль еще двух компонентов местного контекста — социального капитала и экономических условий [6]. При этом социальный капитал (устойчивые связи с политиками и внешними лицами, ответственными за принятие решений, сети доверия) позволяет создать и поддерживать адаптивные ответы на природные риски в повседневном режиме, а экономическая ситуация детерминирует способность к долгосрочной адаптации и выживаемости сообществ.

Исследование финских коллег показывает, что социальная солидарность может снижать беспокойство локальных сообществ по поводу актуальных для них рисков (в данном случае — социальной природы), обеспечивать чувство защищенности и снижать уровень страха, однако повторение и распространение инцидентов подрывают эту защищенность и ограничивают «защитный эффект» солидарности [7].

Прагматическую точку зрения предлагает коллектив датских ученых под руководством Я. Торуп-Эсбенсена. В серии нескольких исследований они показали, как горнодобывающие предприятия не только создают риски для локальных сообществ, но, взаимодействуя с ними, могут значительно преобразовывать инфраструктурную и экономическую обстановку «на месте» [8, p. 229—233]. Предоставляя экономические блага сообществу, компании не только легитимируют свою деятельность, но и балансируют экологические риски экономическими, связанными с возможными потерями или недополучением экономических ресурсов, важных для сообществ, в связи с прекращением деятельности компаний.

Институционализация такого симбиоза компаний и локальных сообществ требует выработки конвенциональных регламентов и методик оценки потенциального ущерба и мониторинга состояния окружающей среды, а также мер по устранению возможного ущерба — как правило, при участии экспертных организаций и государственных органов (например, разработанная и апробированная на юге Швеции методика SCORE [9]). Незавершенные этические вопросы и отсутствие согласия сообщества приводят не только к недоверию и росту восприятия остроты возможных рисков, но и к формированию ощущения несправедливости, которое нарастает в сообществе с течением времени, как показывает пример двух финских поселений, ставших местами хранения отработанного ядерного топлива [10].

Анализ межстрановых данных о восприятии экологических и технологических рисков [3, p. 31—55] показывает, что динамизм социально-экономических систем играет ключевую роль среди специфических для разных стран факторов: уровень воспринимаемого риска оценивается ниже индивидами, обитающими в более стабильной социально-экономической среде и чей социальный статус лучше защищен. В другой работе авторы указывают на устойчивые различия в протестном поведении в ответ на угрозы окружающей среде: описывая различия в активности между странами Западной и Северной Европы (где она выше) и странами Центральной и Восточной Европы (где эта активность ниже), они также указывают на важность возрастных и гендерных факторов [11].

Как мы видим, многое зависит от того, как социальные субъекты и локальные сообщества в целом воспринимают природу рисков, вероятность угроз и их потенциальный охват, а также возможные причины наступления негативных событий и кого считают ответственными за их предотвращение, при этом большое значение имеют инфраструктурные и экономические условия и динамика развития сообществ.

Для проведения сравнительных исследований восприятия рисков — в том числе межстрановых и межкультурных — часто используются психометрический и культурный подходы [12, р. 236]. Существует множество текстов, детально разбирающих проблемы изучения восприятия рисков с применением этих подходов, их возможности и ограничения [13—21], поэтому для целей данной работы будет достаточно отметить, что психометрическая парадигма ставит в центр анализа индивидуальное восприятие рисков и пытается определить универсальные закономерности восприятия (в том числе с учетом ряда культурных факторов), а культурный подход делает акцент на социальные структуры, изменения и устойчивые культурные паттерны, влияющие на восприятие рисков большими группами, а не индивидами. Несмотря на особенности указанных подходов, их «общим местом» критики называют трудности применения на эмпирическом уровне (недостаточная объяснительная мощность, невозпроизводимость теоретически сконструированных классификаций, сложности прямых межстрановых сравнений) [16; 18; 22; 19, р. 4—13]. Тем не менее использование культурного подхода для изучения специфических особенностей восприятия рисков локальными сообществами с их общей культурой, системой коммуникации, сетями социальных связей и группового влияния представляется потенциально более релевантным для изучения локальной специфики, чем подход, позволяющий зафиксировать универсальные черты индивидуального восприятия, в том числе и статистически (см., например, успешный опыт применения в [23—27] или обширный обзор в [28]). При этом культурный подход оставляет достаточно возможностей для сравнительных сопоставлений, если попытаться классифицировать изучаемые сообщества по их культурному типу.

Однако зачастую, когда речь идет о восприятии образов экологических рисков, конструируемых в коммуникативной среде локальных сообществ региона Балтийского моря, основное внимание уделяется структуре и содержанию медиа-образов, а не культурным характеристикам самих сообществ [29—30], а методологические предпосылки авторов не обозначаются явно. По нашему мнению, исследование медиа-образов без учета локального социального, культурного и политического контекста, в котором укоренены представления и убеждения жителей, существенно обедняет понимание того, от чего зависит воспринимаемый и реконструируемый образ риска.

### **Постановка проблемы и подход к ее изучению**

---

Как мы увидели из предыдущего раздела, «восприятие рисков» представляет собой сложный предмет, связанный не только с самими угрозами и субъектами, их воспринимающими, но и с каналами коммуникации, конструируемыми образами рисков, локальным культурным, экономическим и политическим контекстом и, конечно же, социальными связями и отношениями, в которые вовлечен субъект восприятия рисков. В этом смысле локальные сообщества представляют собой оптимальный исследовательский объект, позволяющий на конкретном примере рассмотреть взаимосвязь всех этих элементов.

Наше исследование посвящено проблеме восприятия локальным сообществом Калининградской области рисков, связанных с разработкой месторождения калийно-магниевого солей в пос. Нивенском.

Данная тема возникла в общественном поле еще в 2014 году, когда началась подготовка месторождения к разработке, и практически сразу стала активно обсуждаться: были проведены публичные слушания с приглашением местных жителей, НКО экологического профиля, ученых и представителей власти, появились первые публикации в местных СМИ. Несмотря на то, что реализация проекта обещала значительные инвестиции в экономику не только региона, но и муниципального образования, серьезное обновление транспортной и социальной инфраструктуры, появление новых рабочих мест и другие блага, практически сразу стали подниматься и вопросы, связанные с потенциальными рисками разработки месторождения.

Основными причинами беспокойства населения стали угрозы загрязнения почвы, воды и воздуха, нанесения ущерба экосистеме района и здоровью населения, чрезмерная близость месторождения к поселку и связанные с этим сильный шум и вибрация, а также страх возникновения глубокого провала на месте извлекаемой руды. Потенциальные экономические выгоды от реализации проекта также подвергались сомнениям: жители боялись, что на предприятие будут нанимать только специально привезенные кадры, а экологические риски снизят стоимость их жилья и не позволят им продать его и переехать.

Компания-разработчик регулярно пыталась дезавуировать эти угрозы, приводя экспертные оценки, обеспечивая открытость и публичность проекта, однако напряжение продолжало нарастать, была образована группа активистов, которая создала сайт, сообщества в социальных сетях и развернула протестную кампанию. Группа проводила общественные акции, вела наглядную агитацию и привлекла к себе достаточное внимание, в том числе и региональных СМИ. Представители компании-разработчика, в свою очередь, подозревали некоторых лидеров группы в материальных и политических интересах.

Неоднозначность отношения к проекту и сложность риск-коммуникации по поводу возможных угроз, связанных с его реализацией, привлекли наше внимание. Нами были изучены образы рисков, связанных с разработкой месторождения, которые конструируют местные медиа, проведено исследование отношения населения к проекту, однако в данной работе мы хотим остановиться именно на изучении социально-структурной и культурной модели локальных сообществ, выделении в них устойчивых групп, обладающих определенными культурными предпочтениями, формирующими их коммуникативные практики и восприятие экологических рисков.

В нашей работе мы опираемся на культурный подход, используя предпосылки и культурные типы, описанные М. Дуглас [31 — 32] в ее теоретической модели «решетка — группа» (grid-group model) и раскрывающие взаимосвязь между восприятием риска и одним из четырех возможных способов социальной организации сообществ, и «теорию культурно обусловленного познания» (cultural cognition theory) [37], операционализирующую культурные типы в несколько ином виде.

«Группа» и «решетка» являются своеобразными осями в системе координат, отражая «идеальные типы» логики восприятия риска и социальной организации, где ось «группа» описывает силу группового этоса (высота барьера, который группа воздвигает между собой и окружающим миром), а ось «решетка» отражает вопросы власти и контроля поведения членов сообщества, связанные не только с членством в группе, но и с другими структурными факторами (класс, этничность, гендер).

На основании этих двух осей М. Дуглас и ее коллеги выделяют четыре идеальных типа культуры и, соответственно, четыре типа подходов к риску:

1) «иерархисты» (сильная «группа» и сильная «решетка»), для которых характерно уважение к власти, приверженность групповым нормам и ожиданиям относительно риска, доверие институтам;

2) «эгалитаристы» (сильная «группа» и слабая «решетка»), которым свойственно отождествлением с группой, склонность обвинять в рисках «чужаков», недоверие по отношению к нормам, устанавливаемым извне, одобрение социального равенства и коллективного разделения рисков;

3) «индивидуалисты» (слабая «группа» и слабая «решетка»), отличающиеся индивидуализмом и предприимчивостью, поддерживающие саморегуляцию риска, доверяющие больше индивидам, чем организациям, отвергающие внешние ограничения, верящие в рыночные силы, а риски рассматривающие как источник не только опасностей, но и возможностей;

4) «фаталисты» (слабая «группа» и сильная «решетка»), характеризующиеся слабой сплоченностью, сильно ограниченные в своем поведении и склонные полагаться на удачу и судьбу в отношении риска, считая, что мало его контролируют.

Как уже упоминалось, данную модель и измерительные инструменты, предложенные в оригинальном варианте [32—34], не всегда удобно применять на конкретном эмпирическом материале: довольно часто встречается эффект, когда при измерении выраженности предпочтений по каждой шкале в отдельности респонденты могут демонстрировать противоречивые предпочтения, например быть одновременно «иерархистом» и «индивидуалистом» или «индивидуалистом» и «эгалитаристом» [17; 35—36]. Поэтому при разработке опросного инструментария для нашего исследования мы обратились к альтернативному опыту теории культурно обусловленного познания (cultural cognition theory) [37]. Принципиальное отличие данного подхода от предыдущих методов измерения состоит в том, что здесь оси «grid» и «group» операционализированы в виде континуальных шкал с двумя полюсами, по отношению к которым респондент должен определить свою позицию, отвечая на вопросы о степени согласия с предлагаемыми утверждениями [38]. Таким образом, респондент вынужден последовательно обозначить свою позицию по отношению к переменным, связанным с двумя шкалами: «иерархизм — эгалитаризм» и «индивидуализм — коммунитаризм», не имея возможности выразить в рамках одного утверждения взаимоисключающие противоположные позиции. Данная методика была успешно протестирована на национальной выборке в США [39—41]. Для оценки степени согласия респондентов с данными утверждениями мы использовали пятизначные шкалы Лайкерта (как имеющие большую согласованность по сравнению с четырехзначными [42]). Кроме этого блока в опросник были также включены вопросы о социально-демографических характеристиках респондентов, их восприятии экологической ситуации, отношении к экологическим рискам в целом, отношении к управленческим институтам, бизнесу и общественным организациям, формам и каналам коммуникации, вопросы о различных аспектах восприятия проекта разработки месторождения.

Массовый опрос проводился поквартирно методом личного интервью среди жителей старше 18 лет, постоянно проживающих по месту жительства, из расчета «один респондент в домохозяйстве». Выборка квотная, репрезентативная по половозрастной структуре населения. Для обеспечения случайного отбора использована процедура рандомизации с применением маршрутного метода для отбора квартир для опроса. В Калининграде было опрошено 1000 респондентов, в пос. Нивенское (Багратионовский район, Калининградская область) — 300 респондентов (доверительная вероятность 95%, доверительный интервал  $\pm 5\%$ ).



## Анализ и интерпретация результатов

Построение пространства культурных установок и анализ их взаимосвязи с коммуникативными стратегиями и практиками осуществлялись при помощи многомерного статистического анализа методом множественного анализа соответствий (МСА), относящегося к классу методов геометрического анализа данных и предназначенного для статистического анализа категориальных переменных [43]. Данный метод подходит в тех случаях, когда исследователю необходимо изучить взаимосвязи одновременно между множеством номинативных переменных, что делает его полезным инструментом в исследованиях восприятия риска, где зачастую приходится анализировать отношение к рискам, различные их категории, доверие к общественным институтам наряду с качествами самих респондентов [44]. Несмотря на это, применение МСА в исследовании риска по-прежнему носит крайне ограниченный характер, в частности, нам не удалось найти ни одной работы с использованием этого метода в рамках культурного подхода.

Суть метода состоит в том, чтобы преобразовать элементы двусторонней таблицы в точки геометрического пространства, образовав два облака точек: облако индивидов (в нашем случае — респондентов) и облако категориальных переменных (установки по отношению к рискам, культурные установки, информационные практики).

Те категории и индивиды, которые участвуют в построении облаков, называются активными. Дополнительные категории не используются для определения дистанции между индивидами, однако если нам известно их отношение к респондентам, мы можем определить их положение на той же плоскости, поэтому они могут быть ценным интерпретативным инструментом. В качестве категоризирующих (активных) переменных выступили ответы на категориальные вопросы, характеризующие культурные установки и особенности структурной организации изучаемых сообществ (по шкале теории культурно обусловленного познания), а в качестве зависимых (вспомогательных) переменных — отношение к воспринимаемым экологическим рискам, характеристики коммуникативных практик и стратегий опрашиваемых.

Для проведения МСА были использованы 18 переменных в виде сформулированных утверждений с оценками степени согласия по шкале Лайкерта (из перечня были исключены те утверждения, которые на предварительном тестировании были оценены как культурно иррелевантные). «Нулевые» (нейтральные) категории и категории, частота выбора которых была ниже 5%, также исключались из анализа, что в итоге дало нам 70 категорий.

Модифицированные значения [45] первых двух осей  $\lambda_1 = 0,615$  и  $\lambda_2 = 0,188$ , а их кумулятивные модифицированные значения равны 0,803 (то есть объясняют около 80% дисперсии), третья ось добавляет к этому числу только 5%, поэтому для интерпретации мы будем использовать первые две оси.

В таблице приведен полный перечень самих переменных, категорий, которые внесли значимый вклад в формирование осей, а также координаты этих категорий в построенном пространстве. Первые две буквы в кодировке категорий означают шкалу, к которой относится утверждение (HE — иерархизм — эгалитаризм, IC — индивидуализм — коммунитаризм). Средний вклад одной категории в формирование оси составляет 1,4%, поэтому для анализа использовались только те переменные, чей вклад превышает среднее значение.

### Координаты и вклады активных категорий

Метка категории	Координаты		Вклад	
	Ось 1	Ось 2	Ось 1	Ось 2
HE1. Мы слишком далеко зашли в продвижении равноправия в нашей стране				
HE1.EQRights+	-0,486	0,786	—	1,431
HE1.EQRights-	-0,917	0,614	2,826	1,982
HE1.EQRights++	0,876	0,727	1,970	2,125
HE1.EQRights--	0,131	-0,430	—	3,426
HE2. Общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно				
HE2.EQGoods+	-0,822	-0,031	3,402	—
HE2.EQGoods++	0,364	0,164	1,561	—
HE2.EQGoods--	0,381	-0,996	—	2,297
HE3. Большинство проблем в обществе возникает из-за отхода от традиционной модели семьи, где мужчина работает, а женщина остается дома				
HE3.TradFam-	-1,167	0,916	3,365	3,238
HE3.TradFam++	0,665	0,651	1,483	2,225
HE3.TradFam--	0,031	-0,483	—	4,068
HE4. Кажется, что преступникам и мошенникам все сходит с рук, в то время как порядочные граждане платят по счетам				
HE4.Injustice+	-0,700	-0,044	2,369	—
HE4.Injustice++	0,468	0,287	2,231	—
HE4.Injustice--	-0,021	-1,196	—	6,405
HE5. Общество в целом стало слишком мягким и женоподобным				
HE5.FemSoc-	-0,491	0,699	—	2,639
HE5.FemSoc++	1,277	0,677	3,703	1,626
HE5.FemSoc--	0,017	-0,520	—	4,510
HE6. Мы живем в обществе, которое основано на дискриминации и угнетении женщин				
HE6.GendDisc+	-0,037	0,868	—	1,747
HE6.GendDisc-	-0,772	0,618	1,943	1,945
HE6.GendDisc++	1,404	0,872	2,919	1,762
HE6.GendDisc--	0,038	-0,352	—	2,529
HE7. Родители должны учить маленьких мальчиков быть более чуткими, менее грубыми и жесткими				
HE7.BoysSoft+	-0,595	0,278	1,711	—
HE7.BoysSoft-	-0,718	0,237	1,835	—
HE7.BoysSoft++	0,803	0,307	3,437	—
HE7.BoysSoft--	0,208	-0,691	—	4,133
HE8. Дискриминация в отношении различных меньшинств является очень серьезной проблемой в нашем обществе				
HE8.Minority-	-0,683	0,469	1,751	—
HE8.Minority++	1,130	0,695	3,782	2,238
HE8.Minority--	-0,015	-0,420	—	2,921
HE9. Нам необходимо резко сократить неравенство между богатыми и бедными, людьми разных наций и полов				
HE9.MakeEqual+	-0,763	-0,215	3,221	—
HE9.MakeEqual++	0,440	0,336	2,010	1,827
HE9.MakeEqual--	0,288	-0,874	—	2,597

Окончание табл.

Метка категории	Координаты		Вклад	
	Ось 1	Ось 2	Ось 1	Ось 2
IC1.RestrChoice++	0,979	0,297	2,933	—
IC1.RestrChoice--	0,063	-0,319	—	1,693
IC2. Индивидуальная прибыль – главная мотивация для усердной работы				
IC2.IndIncome+	-0,655	-0,061	2,286	—
IC2.IndIncome--	0,395	-0,775	—	1,576
IC3. Свободные рынки, а не государственные программы, являются лучшим способом обеспечения людей необходимыми им вещами				
IC3.FreeMark-	-0,808	0,093	2,645	—
IC3.FreeMark++	0,654	0,382	2,492	—
IC3.FreeMark--	0,184	-0,440	—	1,915
IC4. У людей должна быть возможность рассчитывать на помощь государства, когда это им необходимо				
IC4.StSupport+	-1,486	0,138	3,051	—
IC5. Наше государство пытается сделать слишком много для слишком многих людей				
IC5.TooMuch+	-0,514	0,883	—	3,130
IC5.TooMuch-	-0,975	0,193	3,003	—
IC5.TooMuch++	0,695	0,828	—	1,905
IC5.TooMuch--	0,269	-0,370	—	2,516
IC6. Мы должны позволить людям самим о себе позаботиться				
IC6.LetPeople-	-0,838	0,029	2,359	—
IC6.LetPeople++	0,690	0,023	2,911	—
IC6.LetPeople--	0,159	-0,563	—	2,004
IC7. Правительственные постановления почти всегда являются пустой тратой времени и денег				
IC7.GovWaste+	-0,847	0,413	2,123	—
IC7.GovWaste++	0,693	0,353	3,555	1,441
IC7.GovWaste--	-0,022	-0,615	—	2,457
IC8. Обязанность общества – обеспечить удовлетворение основных потребностей каждого				
IC8.SatisfAll+	-0,748	0,126	2,434	—
IC8.SatisfAll++	0,591	0,196	3,209	—
IC8.SatisfAll--	-0,010	-1,147	—	4,677
IC9. Государство должно перестать диктовать людям, как им жить				
IC9.StopDict+	-0,673	-0,014	2,103	—

Построенное двумя осями пространство взаимосвязи культурных установок образует две основные оппозиции — «умеренность — категоричность» по горизонтальной оси и «антирегуляционизм — этатизм» по вертикальной (рис. 1). В левой части пространства группируются переменные, связанные с умеренным согласием или несогласием с культурными установками, в правой — переменные, выражающие крайнее согласие или несогласие. В верхней части пространства в основном находятся переменные, связанные с сильной поддержкой эгалитаристских и индивидуалистских установок, в меньшей степени — коммунитаристских, в совсем слабой степени — иерархистских, что указывает на низкую степень поддержки вертикальной ориентированности и в целом антирегуляционистские установки. В нижней части пространства, наоборот, группируются переменные, связанные с отрицанием эгалитаристских и индивидуалистских установок, что в сочетании с рядом других дополнительных переменных позволяет охарактеризовать данный полюс как этатистский.

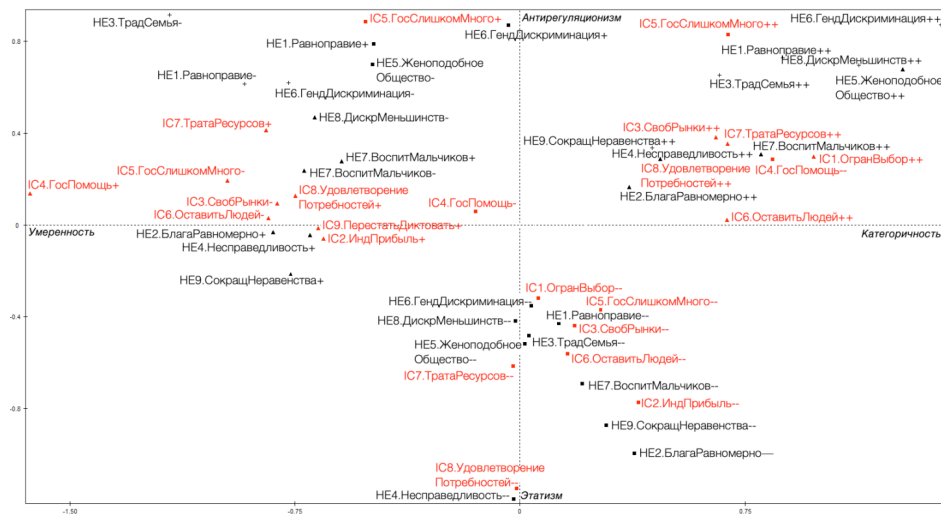


Рис. 1. Пространство распределения активных переменных (культурных установок)

Анализ вспомогательных переменных и их взаимосвязи с активными категориальными переменными дал следующие результаты.

1. Квадрант «антирегуляционизм» и «категоричность» (правый верхний) характеризуется недоверием официальным институтам, но доверием слабым горизонтальным связям (друзьям), категорическим недоверием информации, получаемой из СМИ (в том числе частных), доверием информации от друзей и частных предприятий. Среди наиболее эффективных мер информирования об экологических рисках называются привлечение экспертов в сфере экологии, распространение информационных материалов о производственном процессе и проведение круглых столов с участием представителей общественности. Уровень информированности о рисках разработки месторождения оценивается как высокий. Несмотря на недоверие к «системе», с этими установками коррелирует наличие реального опыта обращения к властям и гражданской активности. Именно в этом квадранте концентрируются наибольшие опасения в отношении рисков разработки месторождения, особенно в части роста общественных беспорядков, снижения туристического потока в регион, угрозы провала домов под землю. Для установок в данном квадранте характерна негативная оценка экологической обстановки в регионе и высокая оценка экологических рисков, однако именно в нем разделяется индивидуалистская установка на то, что ради экономического эффекта можно отчасти поступиться окружающей средой.

2. Квадрант «эгатизм» и «категоричность» (правый нижний) характеризуется недоверием протестной инициативной группе, частной компании-разработчику, но доверием членам семьи и членам своей организации. Заслуживает доверия информация, получаемая от правозащитных организаций или МЧС, но не заслуживает — от эоактивистов, друзей и знакомых. Наиболее эффективной мерой для предотвращения распространения слухов в этом квадранте считается усиление государственного контроля над предприятием. Информации о рисках, связанных с разработкой месторождения, в этом квадранте доверяют, если она получена от коллег, из прессы, иногда — из новостных порталов, но протестующие и телевидение доверия в этом отношении не заслуживают. С этим квадрантом связана наиболее высокая самооценка уровня информированности о месторождении, при этом ни один из рисков не оценивается как серьезный. Для данного квадранта также характерна негативная оценка экологической обстановки в регионе, но уровень оценки экологических рисков низкий. В целом квадрант связан с иерархистскими установками, в рамках

которых респонденты считают государство ответственным за регулирование вопросов, связанных с экологической обстановкой, в случае наступления неблагоприятных экологических последствий будет ожидать реакции именно от властей.

3. Квадрант «этатизм» и «умеренность» (левый нижний) характеризуется повышенным доверием по отношению к властям, экологическим НКО и компании-разработчику, социальным сетям, недоверием к прессе и родственникам. Заслуживающей доверия считается информация, полученная от государственных СМИ, в меньшей степени — властей или частных СМИ. Для этого квадранта совершенно нехарактерно участие в каких-либо общественно-политических акциях или готовность принять в них участие в будущем. Информации о разработке месторождения в Нивенском и связанных с ним рисках в данном квадранте доверяют, если получают ее от компании-разработчика, из социальных сетей, от экологических НКО или от властей и не доверяют — если от родственников. В целом данный квадрант связан с умеренно высокой оценкой экологических рисков вообще, но конкретно в разработке месторождения в Нивенском не видит угрозы.

4. Квадрант «умеренность» и «антирегуляционизм» (верхний левый) отличается повышенным доверием к родственникам, коллегам, к информации из соцсетей, от экологических НКО, неприятием усиления государственного контроля над предприятием для снижения напряженности и высокой оценкой эффективности таких инструментов, как проведение экскурсий и приобретение личного опыта. Для данного квадранта характерны низкая оценка экологических рисков, восприятие текущей ситуации скорее как благоприятной, отношение к гражданским акциям как к неэффективным. Свою информированность о рисках разработки респонденты оценивают как низкую, склонны винить в потенциальном наступлении рисков бизнес, не готовы жертвовать природой и в отличие от правого («категоричного») квадранта в целом выражают скорее коммуитаристские, чем индивидуалистские установки.

Для выделения в построенном пространстве групп респондентов с общими характеристиками мы провели кластерный анализ, определив положение каждого респондента относительно активных категорий. Всего было выделено пять кластеров (рис. 2), характеризующихся специфическим набором культурных установок и восприятием рисков.

*Кластер 1 (8,5%). «Несолидарные этатисты».* Данный кластер локализуется в нижней правой части пространства и отражает отрицательные установки по отношению к эгалитаризму. Представители этой группы выступают резко против утверждений о том, что государство должно обеспечивать потребности каждого и более равномерно распределять блага, что оно устроено несправедливо и необходимо устранять экономическое и гендерное неравенство. Утверждение о том, что главная мотивация для работы — это индивидуальная прибыль, находит здесь умеренную поддержку, однако «несолидарные этатисты» возражают против того, что именно рынки, а не государственные программы являются лучшим способом обеспечения людей. Таким образом, представители данного кластера выражают скорее не индивидуалистские и не иерархистские, а контрэгалитаристские и контркоммуитаристские установки, которые можно определить как индивидуализированный этатизм. Признавая ведущую роль государства в регулировании общественного поведения и считая легитимным сложившееся устройство, они все же слабо солидаризированы с группой. Примечательно, что среди источников информации об экологических угрозах в данном кластере наибольшим доверием пользуются государственные СМИ, а наиболее эффективным механизмом регулирования напряжения по поводу рисков эта группа считает создание условий для максимально возможного государственного контроля на производстве.

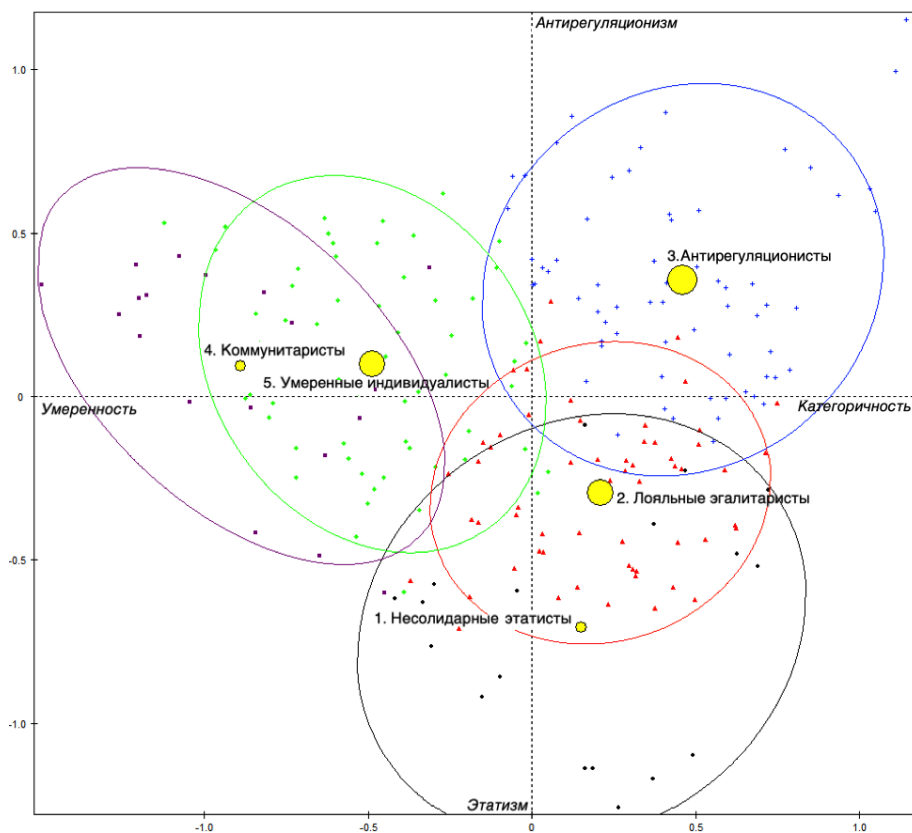


Рис. 2. Кластеризация респондентов по культурным установкам

*Кластер 2 (26,9%). «Лояльные эгалитаристы».* Данный кластер, хотя и находится в правом нижнем квадранте, располагается ближе к центру пространства, чем первый. Наиболее выражены в нем установки, связанные с проявлением групповой сплоченности при умеренной вертикальной ориентированности. Так, представители данной группы не согласны наделять государство правом ограничивать выбор людей для достижения общих целей, но вместе с тем не считают существующие меры поддержки разных социальных групп избыточными и не поддерживают «социал-дарвинистское» утверждение, согласно которому люди должны заботиться о себе сами. Абсолютно не близка этой группе дискриминационная проблематика — ее представители не считают, что общество стало слишком мягким и женоподобным, не приписывают все беды отходу от модели традиционной семьи, но одновременно не согласны с тем, что мальчиков надо растить более мягкими и чуткими, а в обществе присутствует серьезная дискриминация женщин.

Поддерживаются идеи о том, что каждый имеет право рассчитывать на помощь государства, когда это необходимо, и что общество стало бы лучше, если бы материальные блага распределялись более равномерно. Таким образом, в целом группу отличает слабая вертикальная ориентированность при выраженной групповой ориентации, характерная для умеренного патернализма. Отметим, что данная группа хорошо информирована о проблематике разработки месторождения, склонна доверять экологическим НКО и не доверять прессе, а наиболее важной ее чертой можно признать категорическое нежелание «поступиться окружающей средой» для роста уровня жизни, что характерно для эгалитаристской культуры.



*Кластер 3 (29,5%). «Антирегуляционисты».* В этой группе преобладают эгалитаристские и индивидуалистские установки, для которых характерно отрицание вертикальной ориентированности на общественные предписания, в том числе со стороны государства: члены данного кластера признают важность проблемы дискриминации меньшинств и необходимость сокращения неравенства — как экономического, так и гендерного, поддерживают идею о том, что мальчиков надо растить более чуткими; при этом считают рынки более эффективным экономическим механизмом, чем государственные программы, которые они считают «бесполезной тратой времени и денег». Таким образом, данную группу нельзя назвать ни «правыми», ни «левыми», однако очевидна ее антирегуляционистская направленность. Это отражается и в других качествах: более высокая гражданская активность, хорошая информированность о проблеме разработки месторождения, категорическое недоверие всем СМИ (и частным, и государственным), высокая оценка уровня экологических рисков в регионе, причем наибольшие опасения вызывает риск ухода жилых домов под землю.

*Кластер 4 (8,6%). «Коммунитаристы».* Данный кластер отличают выраженные коммунитаристские установки: одобрение усилий государства по поддержке разных групп людей, которые должны иметь возможность рассчитывать на его помощь в случае необходимости, неодобрение рынков как более эффективной модели обеспечения нужд людей по сравнению с государственными программами, несогласие с ведущей ролью индивидуального дохода в мотивации людей. В структуре установок этой группы можно также выделить эгалитаристские мотивы, отражающие запрос на социальную справедливость. Таким образом, для данной группы характерны как вертикальные патерналистские установки, так и высокая групповая солидарность. Из других характерных черт нужно отметить недоверие по отношению к протестной группе и относительно более высокую долю молодежи. Тематика рисков их практически не интересует.

*Кластер 5 (27%). «Умеренные индивидуалисты».* Представители данной группы не считают проблемой дискриминацию меньшинств, однако считают важной задачей для государства продолжать расширять равноправие (прежде всего в распределении материальных благ), при этом не оказывая давление на граждан, предоставляя им возможность самим позаботиться о себе. Выражая умеренное согласие с индивидуалистскими установками, данная группа подчеркивает, что не отказывается признавать роль государства в регуляции порядка и обеспечении социальной справедливости.

Гражданская активность этой группы низка, однако она не готова «поступиться окружающей средой» ради материальных выгод от реализации проекта. В наибольшей степени группа доверяет представителям властей, однако уровень доверия правозащитным организациям и представителям компании-разработчика также высок. Для получения информации эта группа скорее обратится к государственным СМИ, а друзьям как источнику информации доверять не склонна.

## **Некоторые выводы и заключения**

По итогам нашего исследования можно сделать несколько основных выводов как методологического, так и практического свойства.

С методологической точки зрения в первую очередь важно отметить, что построенное пространство категориальных переменных не совпадает в точности со структурой модели «группа — решетка» — причем ни в «классической» версии, ни в соответствии с теорией культурно обусловленного познания. Возможно, причины заключаются в переводе шкал на русский язык, в необходимости их дальнейшей адаптации и валидации либо в специфике конкретных локальных сообществ.

Тем не менее данный опыт вряд ли стоит оценивать как неудачный: применение шкал с использованием множественного анализа соответствий позволило построить на основе выделенных категорий хорошо структурированное пространство, выявить связи между множеством и активных, и вспомогательных категориальных переменных, кластеризовать локальное сообщество в соответствии с устойчивыми отличительными чертами культурных типов различных групп. Таким образом, наиболее корректно, пожалуй, было бы заключить, что апробированный методологический аппарат (в частности, те шкалы, которые мы использовали) позволяет обеспечить достоверную категоризацию культурных установок респондентов, однако их соответствие способам структурной организации данных локальных сообществ осталось за пределами нашего анализа.

С практической точки зрения довольно интересным представляется различие культурных типов по осям «категоричность — умеренность» и «антирегуляционизм — этатизм», где вторая ось, по сути, сочетает в себе компоненты «решетки» (вертикальной организации) и «группы» (горизонтальной организации) из оригинальной модели. Важно, что данные культурные установки не просто являются произвольными суждениями или базовыми убеждениями, а связаны с восприятием рисков и отношением к различным социальным институтам (государственным, общественным и частным), средствам коммуникации и непосредственному социальному окружению членов локальных сообществ. Как было показано в другой нашей работе, культурные установки сохраняют свою устойчивость даже в процессе групповой коммуникации [46], так что выявленные закономерности в восприятии рисков имеют большое значение для выработки дифференцированных стратегий риск-коммуникации по отношению к различным группам внутри локальных сообществ, с учетом всей специфики их экономического, институционального и социального контекста.

*Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31646 «Факторы эффективной риск-коммуникации в локальном сообществе: политический, цифровой и структурный контекст (на примере экологического протеста)».*

## **Список литературы**

1. Smit B., Hovelsrud G., Wandel J. CAVIAR: Community Adaptation and Vulnerability in Arctic Regions // University of Guelph, Department of Geography, Occasional Paper. 2008. № 28.
2. Budzyte A., Balzekiene A. Public perceptions of institutional responsibility in climate change risk in Baltic Nordic countries // Journal of Security and Sustainability Issues. 2018. Vol. 7, № 4. P. 675—684. doi: 10.9770/jssi.2018.7.4 (5).
3. Balzekiene A., Telesiene A. Vulnerable and insecure? Environmental and technological risk perception in Europe // Telesiene A., Gross M. (eds). Green European: environmental behaviour and attitudes in Europe in a historical and cross-cultural comparative perspective. Abingdon ; N. Y., 2016.
4. Keskitalo E., Dannevig H., Hovelsrud G. et al. Adaptive capacity determinants in developed states: examples from the Nordic countries and Russia // Regional Environmental Change. 2011. № 11. P. 579—592. doi: 10.1007/s10113-010-0182-9.
5. Jacobsen K. H. Regional energy consumption and income differences in Denmark // Journal of Environmental Policy and Planning. 2003. Vol. 5, № 3. P. 269—283. doi: 10.1080/1523908032000154197.
6. Hovelsrud G., Karlsson M., Olsen J. Prepared and flexible: Local adaptation strategies for avalanche risk // Cogent Social Sciences. 2018. № 4. 1460899. doi: 10.1080/23311886.2018.1460899.
7. Rasanen P., Hawdon J., Nasi M., Oksanen A. Social Solidarity and the Fear of Risk: Examining Worries about the Recurrence of a Mass Tragedy in a Small Community // Sociological Spectrum. 2014. № 34. P. 338—353. doi: 10.1080/02732173.2014.917248.

8. *Taarup-Esbensen J.* Managing communities — Mining MNEs' community risk management practices. Copenhagen, 2018.
9. *Norrman J., Soöderqvist T., Volchko Y.* Enriching social and economic aspects in sustainability assessments of remediation strategies — Methods and implementation // *Science of the Total Environment*. 2018. Vol. 707. doi: 10.1016/j.scitotenv.2019.136021.
10. *Vilhunen T., Kojo M., Litmanen T., Behnam T.* Perceptions of justice influencing community acceptance of spent nuclear fuel disposal. A case study in two Finnish nuclear communities // *Journal of Risk Research*. 2019. Vol. 24, iss. 2. doi: 10.1080/13669877.2019.1569094.
11. *Telesiene A., Balzekiene A.* The Influence of Biographical Situational Factors upon Environmental Activist Behaviour: Empirical Evidence from CEE Countries // *Sociální studia*. Department of Sociology FSS MU. 2015. № 3. P. 159—178.
12. *Balzekiene A.* International comparative surveys in risk perception research: Data sets, construction of questionnaires and analytical dimensions // *Olofsson A., Zinn J.* (eds). *Researching Risk and Uncertainty — Methodologies, Methods and Research Strategies*. L., 2018. P. 233—263.
13. *Boholm A.* Risk perception and Social Anthropology: Critique of Cultural Theory // *Ethos*. 1996. Vol. 61, № 1—2. P. 65—84. doi: 10.1080/00141844.1996.9981528.
14. *Boholm A.* Comparative studies of risk perception: a review of twenty years of research // *Journal of Risk Research*. 1998. Vol. 1, № 2. P. 135—163.
15. *Rippl S.* Cultural theory and risk perception: a proposal for a better measurement // *Journal of Risk Research*. 2002. Vol. 5, № 2. P. 147—165.
16. *Sjöoberg L.* Risk perception is not what it seems: The psychometric paradigm revisited // *Andersson K.* (ed.). *VALDOR Conference 2003*. Stockholm, 2003. P. 14—29.
17. *Sjöoberg L., Moen B. E., Rundmo T.* Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research // *Rotunde*. 2004. № 84. P. 55—76.
18. *Renn O., Benighaus C.* Perception of technological risk: insights from research and lessons for risk communication and management // *Journal of Risk Research*. 2013. Vol. 16, № 3—4. P. 293—313.
19. *Brown P.* Social Theories of Risk // *Elliott A.* (ed.). *The Routledge Handbook of Social and Cultural Theory*. L., 2013. P. 157—174.
20. *Burgess A.* The making of the risk-centered society and the limits of social risk research // *Health, Risk & Society*. 2006. Vol. 8, № 4. P. 329—342.
21. *Burgess A.* The Social Construction of Risk // *Cho H., Reimer T., McComas K.A.* (eds). *The SAGE Handbook of Risk Communication*. Thousand Oaks, 2015. P. 121—139.
22. *Oltedal S., Moen B.-E., Klempe H., Rundmo T.* Explaining risk perception. An evaluation of cultural theory // *Rotunde*. 2004. № 85. P. 1—33.
23. *Brenot J., Bonnefous S., Marris C.* Testing the Cultural Theory of Risk in France // *Risk Analysis*. 1998. Vol. 18, № 6. P. 729—739.
24. *Docter S., Street J., Braunack-Mayer A.* Public perceptions of pandemic influenza resource allocation: A deliberative forum using Grid/Group analysis // *Journal of Public Health Policy*. 2011. Vol. 32. P. 350—366. doi: 10.1057/jphp.2010.49.
25. *Pedde V., Figueiredo J., Tundisi J., Lenz C.* The environmental risk as a culture in the Sinos Valley, Brazil // *Anais da Academia Brasileira de Ciências*. 2014. Vol. 86, № 4. P. 2145—2156. doi: 10.1590/0001-3765201420130122.
26. *Rizzolo J., Gore M., Ratsimbazafy J., Rajaonson A.* Cultural influences on attitudes about the causes and consequences of wildlife poaching // *Crime Law and Social Change*. 2017. Vol. 67. № 4. P. 415—437. doi: 10.1007/s10611-016-9665-z.
27. *McEvoy J., Gilbertz S., Anderson M. et al.* Cultural Theory of Risk as a Heuristic for Understanding Perceptions of Oil and Gas Development in Eastern Montana, USA // *The Extractive Industries and Society*. 2017. Vol. 4, № 4. P. 852—859. doi: 10.1016/j.exis.2017.10.004.
28. *Xue W., Hine D., Loi N. et al.* Cultural Worldviews and Environmental Risk Perceptions: A Meta-Analysis // *Journal of Environmental Psychology*. 2014. Vol. 40. P. 249—258. doi: 10.1016/j.jenvp.2014.07.002.
29. *Lyytimäki J., Assmuth T.* Down with the flow: public debates shaping the risk framing of artificial groundwater recharge // *GeoJournal*. 2014. Vol. 80, № 1. doi: 10.1007/s10708-014-9540-3.
30. *Olsen M. S., Osmundsen T. C.* Media framing of aquaculture // *Marine Policy*. 2017. № 76. P. 19—27. doi: 10.1016/j.marpol.2016.11.013.

31. *Douglas M.* Natural symbols: explorations in cosmology. L., 1970.
32. *Douglas M., Wildavsky A. B.* Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley, 1982.
33. *Dake K.* Technology on trial: Orienting dispositions toward environmental and health hazards. Doctoral dissertation. Berkeley, 1990.
34. *Dake K.* Orienting dispositions in the perception of risk: an analysis of contemporary worldviews and cultural biases // *Journal of Cross-Cultural Psychology, Special Issue on Risk and Culture.* 1991. Vol. 22. P. 61—82.
35. *Gastil J., Jenkins-Smith H., Silva C.* Analysis of cultural bias survey items. New Mexico, 1995.
36. *Marris C., Langford I., O’Riordan T.* A quantitative test of the cultural theory of risk perceptions: comparisons with the psychometric paradigm // *Risk Analysis.* 1998. Vol. 18, № 5. P. 635—48.
37. *Johnson B. B., Swedlow B.* Cultural Theory’s Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research // *Risk Analysis.* 2019. doi: 10.1111/risa.13299.
38. *Kahan D. M.* Cultural cognition as a conception of the cultural theory of risk // *Roeser S., Hillerbrand R., Sandin P., Petersen M.* (eds). *Handbook of risk theory: Epistemology, decision theory, ethics, and social implications of risk.* Dordrecht, 2012. P. 725—759.
39. *Kahan D. M., Braman D., Gastil J. et al.* Culture and identity-protective cognition: explaining the white-male effect in risk perception // *Journal of Empirical Legal Studies.* 2007. Vol. 4, № 3. P. 465—505.
40. *Kahan D. M., Braman D., Slovic P. et al.* Cultural cognition of the risks and benefits of Nanotechnology // *Nature nanotechnology.* 2009. Vol. 4, № 2. P. 87—91.
41. *Kahan D. M., Braman D., Monahan J. et al.* Cultural cognition and public policy: the case of outpatient commitment laws // *Law and Human Behavior.* 2010. Vol. 34. P. 118—140.
42. *Croasmun J. T., Ostrom L.* Using Likert-Type Scales in the Social Sciences // *Journal of Adult Education.* 2011. Vol. 40, № 1. P. 19—22.
43. *Le Roux B., Rouanet H.* Multiple correspondence analysis, SAGE, Series: Quantitative Applications in the Social Sciences. P., 2010.
44. *Ohman S., Olofsson A.* Quantitative Analysis of Risk Positions: An Exploratory Approach // *Olofsson A., Zinn J.* (eds). *Researching Risk and Uncertainty — Methodologies, Methods and Research Strategies.* L., 2018. P. 265—286.
45. *Benzécri J.-P.* Correspondence analysis handbook. N. Y., 1992.
46. *Фидря Е. С., Фидря О. О.* Устойчивость культурных установок локальных сообществ в отношении рисков: опыт применения модели «группа/решетка» // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки.* 2020. № 2. С. 106—117.

---

## CULTURAL TYPES AND THE PERCEPTION OF CURRENT ENVIRONMENTAL RISKS BY LOCAL COMMUNITIES OF THE BALTIC SEA REGION

---

**E. S. Fidrya**

Immanuel Kant Baltic Federal University  
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 02 May 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-5  
© Fidrya, E. S., 2021

*This work presents findings from research into the relationship between the structural organisation and cultural attitudes of local communities in the Baltic Sea region and the way they perceive environmental risks. The response of the Kaliningrad community to the*

development of a local potassium and magnesium salt mine is used as an illustration. The article deals with how local communities perceive the image of risks formed and reproduced via various communication channels. The structural context and the context of communication are taken into account. Another focus is on how this perception is affected by the type of community members' cultural attitudes (according to Mary Douglas's grid/group model). The space of categorical variables obtained through multiple correspondence analysis (MCA) aids in clustering the cases (respondents) as well as in testing theoretical assumptions for compliance with the findings. The communicative practices characteristic of all the clusters (classes of cases) are examined; the relationship between the structural organisation of groups, their cultural attitudes, their perception of environmental risks, and the performance of environmental agencies are explored. An evaluation of the comparative efficiency of different ways and means of risk communication with the identified groups is made. It is concluded that the proposed model is methodologically promising and there is a need for differentiated risk-communication strategies.

**Keywords:**

cultural approach, local community, environmental risk, grid/group model, Baltic region

**References**

1. Smit, B., Hovelsrud, G., Wandel, J. 2008, CAVIAR: Community Adaptation and Vulnerability in Arctic Regions, *University of Guelph, Department of Geography, Occasional Paper*, no. 28.
2. Budzyte, A.; Balzekiene, A. 2018, Public perceptions of institutional responsibility in climate change risk in Baltic Nordic countries, *Journal of Security and Sustainability Issues*, vol. 7, no. 4, p. 675—684. doi: <https://doi.org/10.9770/jssi.2018.7.4> (5).
3. Balzekiene, A., Telesiene, A. 2016, Vulnerable and insecure? Environmental and technological risk perception in Europe. In: Telesiene, A., Gross, M. (eds) *Green European: environmental behaviour and attitudes in Europe in a historical and cross-cultural comparative perspective*, Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge.
4. Keskitalo, E., Dannevig, H., Hovelsrud, G., West, J., Swartling, A. G. 2011, Adaptive capacity determinants in developed states: examples from the Nordic countries and Russia, *Regional Environmental Change*, no. 11, p. 579—592. doi: <https://doi.org/10.1007/s10113-010-0182-9>.
5. Jacobsen, K.H. 2003, Regional energy consumption and income differences in Denmark, *Journal of Environmental Policy and Planning*, vol. 5, no. 3, p. 269—283. doi: <https://doi.org/10.1080/1523908032000154197>.
6. Hovelsrud, G., Karlsson, M., Olsen, J. 2018, Prepared and flexible: Local adaptation strategies for avalanche risk, *Cogent Social Sciences*, no. 4, 1460899. doi: <https://doi.org/10.1080/23311886.2018.1460899>.
7. Rasanen, P., Hawdon, J., Nasi, M., Oksanen, A. 2014, Social Solidarity and the Fear of Risk: Examining Worries about the Recurrence of a Mass Tragedy in a Small Community, *Sociological Spectrum*, no. 34, p. 338—353. doi: <https://doi.org/10.1080/02732173.2014.917248>.
8. Taarup-Esbensen, J. 2018, *Managing communities — Mining MNEs' community risk management practices*, Copenhagen, Doctoral School of Business and Management.
9. Norrman, J., Söderqvist, T., Volchko, Y. 2018, Enriching social and economic aspects in sustainability assessments of remediation strategies — Methods and implementation, *Science of the Total Environment*, doi: <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2019.136021>.
10. Vilhunen, T., Kojo, M., Litmanen, T., Behnam, T. 2019, Perceptions of justice influencing community acceptance of spent nuclear fuel disposal. A case study in two Finnish nuclear communities, *Journal of Risk Research*, doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2019.1569094>.
11. Telesiene, A., Balzekiene, A. 2015, The Influence of Biographical Situational Factors upon Environmental Activist Behaviour: Empirical Evidence from CEE Countries, *Sociální studia. Department of Sociology FSS MU*, no. 3, p. 159—178.
12. Balzekiene, A. 2018, International comparative surveys in risk perception research: Data sets, construction of questionnaires and analytical dimensions. In: Olofsson, A., Zinn J. (eds) *Researching Risk and Uncertainty — Methodologies, Methods and Research Strategies*, London, Palgrave Macmillan, p. 233—263.



13. Boholm, A. 1996, Risk perception and Social Anthropology: Critique of Cultural Theory, *Ethos*, vol. 61, no. 1–2, p. 65–84. doi: <https://doi.org/10.1080/00141844.1996.9981528>.
14. Boholm, A. 1998, Comparative studies of risk perception: a review of twenty years of research, *Journal of Risk Research*, vol. 1, no. 2, p. 135–163.
15. Rippl, S. 2002, Cultural theory and risk perception: a proposal for a better measurement, *Journal of Risk Research*, vol. 5, no. 2, p. 147–165.
16. Sjöberg, L. 2003, Risk perception is not what it seems: The psychometric paradigm revisited. In: Andersson, K. (ed), *VALDOR Conference 2003*, Stockholm, VALDOR, p. 14–29.
17. Sjöberg, L., Moen, B. E., Rundmo, T. 2004, Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research, *Rotunde*, no. 84.
18. Renn, O., Benighaus, C. 2013, Perception of technological risk: insights from research and lessons for risk communication and management, *Journal of Risk Research*, vol. 16, no. 3–4, p. 293–313.
19. Brown, P. 2013, Social Theories of Risk. In: Elliott, A. (ed) *The Routledge Handbook of Social and Cultural Theory*, London, Routledge, p. 157–174.
20. Burgess, A. 2006, The making of the risk-centred society and the limits of social risk research, *Health, Risk & Society*, vol. 8, no. 4, p. 329–342.
21. Burgess, A. 2015, The Social Construction of Risk. In: Cho, H., Reimer, T., McComas, K. A. (eds) *The SAGE Handbook of Risk Communication*, SAGE Publications, Inc, p. 121–139.
22. Oltedal, S., Moen, B.-E., Klempe, H., Rundmo, T. 2004, Explaining risk perception. An evaluation of cultural theory, *Rotunde*, no. 85.
23. Brenot, J., Bonnefous, S., Marris, C. 1998, Testing the Cultural Theory of Risk in France, *Risk Analysis*, vol. 18, no. 6, p. 729–739.
24. Docter, S., Street, J., Braunack-Mayer, A. 2011, Public perceptions of pandemic influenza resource allocation: A deliberative forum using Grid/Group analysis, *Journal of Public Health Policy*, no. 32, p. 350–366. doi: <https://doi.org/10.1057/jphp.2010.49>.
25. Pedde, V., Figueiredo, J., Tundisi, J., Lenz, C. 2014, The environmental risk as a culture in the Sinos Valley, Brazil, *Anais da Academia Brasileira de Ciências*, vol. 86, no. 4, p. 2145–2156. doi: <https://doi.org/10.1590/0001-3765201420130122>.
26. Rizzolo, J., Gore, M., Ratsimbazafy, J., Rajaonson, A. 2017, Cultural influences on attitudes about the causes and consequences of wildlife poaching, *Crime Law and Social Change*, vol. 67, no. 4, p. 415–437. doi: <https://doi.org/10.1007/s10611-016-9665-z>.
27. McEvoy, J., Gilbert, S., Anderson, M., Ormerod, K., Bergmann, N. 2017, Cultural Theory of Risk as a Heuristic for Understanding Perceptions of Oil and Gas Development in Eastern Montana, USA, *The Extractive Industries and Society*, vol. 4, no. 4, p. 852–859. doi: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2017.10.004>.
28. Xue, W., Hine, D., Loi, N., Thorsteinsson E., Phillips, W. 2014, Cultural Worldviews and Environmental Risk Perceptions: A Meta-Analysis, *Journal of Environmental Psychology*, no. 40, p. 249–258. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.07.002>.
29. Lyytimäki, J., Assmuth, T. 2014, Down with the flow: public debates shaping the risk framing of artificial groundwater recharge, *GeoJournal*, vol. 80, no. 1, p. doi: <https://doi.org/10.1007/s10708-014-9540-3>.
30. Olsen, M. S., Osmundsen, T. C. 2017, Media framing of aquaculture, *Marine Policy*, no. 76, p. 19–27. doi: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.11.013>.
31. Douglas, M. 1970, *Natural symbols: explorations in cosmology*, Barrie & Rockliff the Cresset Press, London.
32. Douglas, M., Wildavsky, A. B. 1982, *Risk and culture: an essay on the selection of technical and environmental dangers*, University of California Press, Berkeley.
33. Dake, K. 1990, *Technology on trial: Orienting dispositions toward environmental and health hazards*. Doctoral dissertation. University of California at Berkeley.
34. Dake, K. 1991, Orienting dispositions in the perception of risk: an analysis of contemporary worldviews and cultural biases, *Journal of Cross-Cultural Psychology, Special Issue on Risk and Culture*, no. 22, p. 61–82.
35. Gastil, J., Jenkins-Smith, H., Silva, C. 1995, *Analysis of cultural bias survey items*, Institute for Public Policy, University of New Mexico.
36. Marris, C., Langford, I., O’Riordan, T. 1998, A quantitative test of the cultural theory of risk perceptions: comparisons with the psychometric paradigm, *Risk Analysis*, vol. 18, no. 5, p. 635–48.



37. Johnson, B. B., Swedlow, B. 2019, Cultural Theory's Contributions to Risk Analysis: A Thematic Review with Directions and Resources for Further Research, *Risk Analysis*. doi: <https://doi.org/10.1111/risa.13299>.
38. Kahan, D. M. 2012, Cultural cognition as a conception of the cultural theory of risk. In: Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin, P., Petersen, M. (eds) *Handbook of risk theory: Epistemology, decision theory, ethics, and social implications of risk*, Dordrecht, The Netherlands, Springer, p. 725–759.
39. Kahan, D. M., Braman, D., Gastil, J., Slovic, P., Mertz, C. K. 2007, Culture and identity-protective cognition: explaining the white-male effect in risk perception, *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 4, no. 3, p. 465–505.
40. Kahan, D. M., Braman, D., Slovic, P., Gastil, J., Cohen, G. 2009, Cultural cognition of the risks and benefits of Nanotechnology, *Nature nanotechnology*, vol. 4, no. 2, p. 87–91.
41. Kahan, D. M., Braman, D., Monahan, J., Callahan, L., Peters, E. 2010, Cultural cognition and public policy: the case of outpatient commitment laws, *Law and Human Behavior*, no. 34, p. 118–140.
42. Croasmun, J. T., Ostrom, L. 2011, Using Likert-Type Scales in the Social Sciences, *Journal of Adult Education*, vol. 40, no. 1, p. 19–22.
43. Le Roux, B., Rouanet, H. 2010, *Multiple correspondence analysis*, SAGE, Series Quantitative Applications in the Social Sciences, CA, Thousand Oaks Paris.
44. Ohman, S., Olofsson, A. 2018, Quantitative Analysis of Risk Positions: An Exploratory Approach. In: Olofsson, A., Zinn, J. (eds) *Researching Risk and Uncertainty – Methodologies, Methods and Research Strategies*, London, Palgrave Macmillan, p. 265–286.
45. Benzécri, J.-P. 1992, *Correspondence analysis handbook*, New York, Dekker.
46. Fidrya, E., Fidrya O. 2020, Resilience of cultural attitudes of local communities to risks: the «group / grid» model, *Vestnik Baltijskogo Federal'nogo Universiteta imeni Immanuila Kanta. Seriya: gumanitarniye i obschestvenniye nauki* [Vestnik IKBFU. Humanities and social science], no. 2, p.106–117 (in Russ.).

## The author

---

**Dr Efim S. Fidrya**, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [EFidrya@kantiana.ru](mailto:EFidrya@kantiana.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-4330-8251>

---

---

---

# ТУРИЗМ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

---

---

## ГЕОГРАФИЯ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА И ТРАНСГРАНИЧНОЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЕ РЕГИОНООБРАЗОВАНИЕ В ШВЕЦИИ

---

**А. Г. Манаков**  
**И. Н. Красильникова**  
**И. А. Иванов**

---

Псковский государственный университет,  
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию 13.11.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-6

© Манаков А. Г., Красильникова И. Н.,  
Иванов И. А., 2021

*Индустрия туризма Швеции характеризуется большим вкладом в развитие экономики страны. К тому же Швеция располагает значительной площадью, позволяющей увидеть различия во въездных туристских потоках из соседних государств. С этим связана научная новизна исследования, которая определяется взглядом на географию туризма в стране с позиции теории трансграничного туристско-рекреационного регионообразования. Так, выявленные региональные различия в структуре въездного туристского потока стали основой для выделения и делимитации трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня. Исследование опирается на статистический и картографический методы. Въездной туристский поток в Швецию вплоть до 2020 года обладал устойчивым ростом. Но кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел к многократному снижению въездного туристского потока. Результаты исследования, опирающегося на статистику 2019 года, подтвердили наличие обладающего высоким уровнем сформированности и большим объемом межгосударственного туристского обмена немецко-датско-шведского трансграничного туристско-рекреационного мезорегиона. Кроме этого на границе Швеции с соседними странами выделено еще пять трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов: шведско-норвежско-датский, средний шведско-норвежский, шведско-норвежско-финский, средний шведско-финский и южный шведско-финский. На основании величины туристского потока в эти трансграничные мезорегионы из соседних стран дана оценка степени их сформированности.*

### **Ключевые слова:**

индустрия туризма, международный туризм, туристский поток, COVID-19, трансграничный регион

### **Введение**

---

Швеция занимает третье место в Балтийском регионе по вкладу индустрии туризма в экономику страны (8,2% ВВП в 2019 году), уступая по этому показателю Эстонии и Германии (11,7 и 9,1% соответственно)<sup>1</sup>. При этом в развитии турист-

---

<sup>1</sup> *Economic Impact Reports* // WTTC. URL: <https://wttc.org/Research/Economic-Impact> (дата обращения: 12.01.2021).

---

**Для цитирования:** Манаков А. Г., Красильникова И. Н., Иванов И. А. География въездного туризма и трансграничное туристско-рекреационное регионообразование в Швеции // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 108–123. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-6.

ской сферы страны большую роль играет международный туризм. Этому способствует и то обстоятельство, что Швеция располагает небольшим по европейским меркам числом жителей (10,2 млн чел. на начало 2021 года) на фоне в несколько раз превосходящих ее по суммарной численности населения стран — основных поставщиков зарубежных туристов.

Причем относительно большая площадь государства (четвертое место в зарубежной Европе — около 450 тыс. км<sup>2</sup>) создает предпосылки для формирования региональной специфики по приему иностранных туристов. Развитию туристско-рекреационной сферы в разных регионах страны способствует большое разнообразие культурно-исторического наследия и природных ландшафтов. Крупные центры туризма располагаются как в южной части Швеции, прилегающей к двум важнейшим поставщикам зарубежных туристов — Германии и Дании, так и в северной, не менее привлекательной для иностранных туристов благодаря своим живописным ландшафтам. Данные обстоятельства предопределяют интерес к изучению географии въездных туристских потоков в Швеции, в частности с позиции теории трансграничного туристско-рекреационного регионообразования.

*Целью исследования* является определение региональных различий в структуре въездного туристского потока в Швецию, служащих основанием для выделения и оценки степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня.

*Задачи исследования:*

— проследить динамику и структуру въездного туристского потока в Швецию с 2008 года по настоящее время;

— выявить особенности распределения въездного туристского потока в Швеции, на основании чего выделить на смежных с соседними странами территориях трансграничные туристско-рекреационные регионы мезоуровня;

— определить величину межнационального туристского обмена в пределах трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, являющихся основанием для оценки степени их сформированности.

В качестве *информационной базы исследования* выступают находящиеся в открытом доступе статистические данные Евростата по числу прибывших в Швецию туристов<sup>2</sup>, сведения Статистического бюро Швеции по ночевкам туристов как по Швеции в целом, так и по ленам (административно-территориальным единицам страны первого уровня)<sup>3</sup>, а также аналогичные данные, представленные статистическими службами Норвегии<sup>4</sup>, Финляндии<sup>5</sup>, Германии<sup>6</sup> и Дании<sup>7</sup>.

<sup>2</sup> *Arrivals at tourist accommodation establishments* // Eurostat. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TOUR\\_OCC\\_ARNAT\\_custom\\_159133/default/table?lang=en](https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TOUR_OCC_ARNAT_custom_159133/default/table?lang=en) (дата обращения: 20.10.2020).

<sup>3</sup> *Statistical database* // SCB. URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 20.10.2020).

<sup>4</sup> *Accommodation establishments total. Guest nights, by guests' country of residence* // Statistisk sentralbyrå. Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/08401/> (дата обращения: 15.08.2020).

<sup>5</sup> *116t — Yearly nights spent and arrivals by country of residence, 1995—2020* // Visit Finland. Statistics Service Rudolf. URL: <http://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinla> (дата обращения: 12.01.2021).

<sup>6</sup> *Die Datebank des Statistischen Bundesamtes* // Destatis. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 12.01.2021).

<sup>7</sup> *Turist: Overnight stay by type of overnight accommodations, region, nationality of the guest and period* // Statistics Denmark. URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectVarVal/Define.asp?Maintable=TURIST&PLanguage=1> (дата обращения: 12.01.2021).

## Степень изученности проблемы

В целом можно говорить о достаточно большом количестве отечественных и зарубежных публикаций, посвященных развитию туризма в Швеции. Первая большая группа работ иностранных исследователей по данной тематике дает возможность оценить современное состояние и перспективы развития в этой скандинавской стране отдельных видов туризма. Так, опыту развития сельского туризма в Швеции посвящены статьи таких авторов, как Д.А. и Д. Б. Карсон [1], Э. Альмштедт, Л. Лундмарк и Э. Петтерссон [2], П. Ритконен и Х. Тунон [3]. Возможности развития горнолыжного туризма в арктической Швеции обсуждаются в работе О. К. Демироглу, Л. Лундмарк, Дж. Сааринена и Д. К. Мюллера [4], горно-индустриального туризма в районе Бергслагена — в статье А. Пашкевич [5]. Многочисленные исследования шведских ученых посвящены проблемам развития экологического туризма и рекреации в тесной связи с вопросами охраны окружающей среды. Например, это работы Л. Лундмарк, П. Фредмана и К. Санделла [6], П. Фредмана, У. Ромилд, М. Юаня, Д. Вольф-Ватца [7], Л. Маргарян и П. Фредмана [8], Л. Петерсон-Форсберг [9] и др.

Большой популярностью в зарубежной науке пользуется такая тематика исследований, как изучение влияния туризма на локальные сообщества. Шведский опыт такого рода исследований представлен в публикациях, авторами которых являются К. Н. Линдстрем и М. Ларсон [10], И. Фарсари [11], Э. Лундберг [12], Дж. Халтман и С. Майкл Холл [13], Н. Ван Эс и С. Рейндерс [14] и др.

Российские исследователи, как и целый ряд зарубежных, обращают внимание на развитие в Швеции различных видов туризма, например образовательного [15], круизного [16], а также рассматривают общие вопросы и перспективы развития туризма в Швеции на фоне других стран Северной Европы [17—19]. Особо нужно отметить работы, где концентрируется внимание на развитии туризма в отдельных районах Швеции (например, [20; 21]), что дает представление собственно о географии туризма в стране. Тем не менее география туризма в Швеции, на наш взгляд, изучена недостаточно полно, особенно с помощью картографических методов, позволяющих увидеть региональные различия в пространственной структуре турпотоков.

Также нельзя считать полноценно изученными процессы трансграничного туристско-рекреационного регионообразования на территории Швеции. В этом плане можно отметить только публикации Э.-К. Прокколы, посвященные изучению трансграничной регионализации в Совете «Долина Торнио», то есть на шведско-финляндской границе [22; 23]. В этих работах, на примере создания Дестинации «Полярный круг», рассматривается влияние туризма на приграничные регионы с разных точек зрения, в первую очередь сквозь призму социального и культурного международного сотрудничества, а также с позиции преобразования приграничных ландшафтов.

Ранее проведенные нами и другими российскими авторами исследования по изучению географии туризма некоторых стран Балтийского региона (Эстонии [24], Финляндии [25] и Норвегии [26]) позволили оценить роль трансграничных туристско-рекреационных регионов ([27—31] и др.) в генерации и приеме туристских потоков. В данной статье представлены результаты аналогичного исследования, осуществленного на уровне административных единиц Швеции.

## Результаты исследования и их обсуждение

В Швеции публикуется только статистика ночевков туристов, и, к сожалению, нет возможности оценить число воспользовавшихся средствами размещения туристов в разрезе по странам и ленам. Однако по въездному турпотoku в страну име-

ются данные Евростата. На рисунке 1 представлена динамика въездного туристского потока в Швецию в 2008—2019 годах на основе данных Евростата о количестве прибывших в страну туристов и воспользовавшихся средствами размещения.

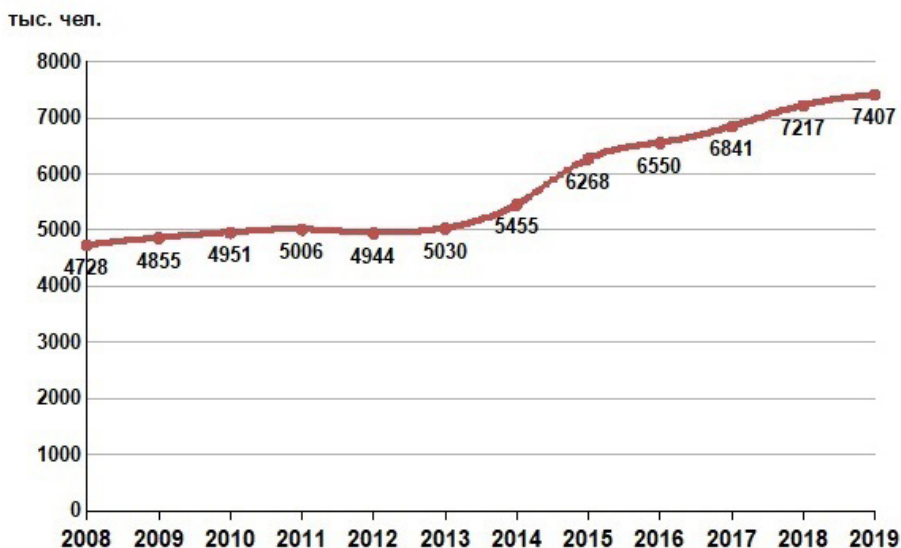


Рис. 1. Динамика въездного туристского потока в Швецию в 2008—2019 годах, тыс. чел.

За данный период въездной турпоток вырос более чем в 1,5 раза. Его незначительное сокращение наблюдалось только в 2012 году (–1,3% к прошлому году). На рисунке 2 показано распределение турпотокa по странам прибытия на основе статистики ночевok.



Рис. 2. Динамика количества ночевok иностранных туристов в Швеции

На протяжении всего исследуемого периода лидерство по количеству ночевков в Швеции держали туристы из Норвегии. Хотя в абсолютных значениях количество ночевков норвежских туристов несколько увеличилось по сравнению с 2008 годом (3,5 млн в 2019 году), удельный вес туристов из Норвегии в структуре иностранного турпотока с 2013 года сократился с 25,3 до 19,9%. Лидерство обусловлено тремя основными причинами: соседским положением, культурно-языковой близостью и безвизовым режимом (обе страны входят в Шенгенскую зону). Одним из стимулов норвежцев ездить в Швецию является разница цен — в Швеции цены на товары и услуги заметно ниже, развита приграничная торговля. Однако используемая методика подсчета туристов по числу ночевков позволяет исключить однодневные визиты.

Второе место по количеству ночевков в Швеции занимают туристы из Германии (3,4 млн в 2019 году), которая также входит в Шенгенскую зону. Турпоток из Германии, так же как и из Норвегии, вырос, но его удельный вес в общей структуре иностранного туристского потока сократился почти на 3%. В 2019 году доля туристов из Германии в общей величине въездного турпотока в Швецию составляла 19,3%. Большому количеству туристов из Германии способствует не только развитое воздушное и морское сообщение между странами, но и наличие мостов, соединяющих континентальную Европу со Скандинавским полуостровом через острова Датского архипелага, что позволяет попадать автомобилистам в Швецию без пересадки на паром.

Турпоток из Дании по количеству ночевков занимает третье место: в 2019 году датские туристы совершили 1,4 млн ночевков, и это число за исследуемый период существенно не менялось. В целом для данного турпотока верны закономерности, отмеченные для туристского потока из Германии.

Из других европейских стран по объему и приросту турпотока нужно отметить Великобританию (была на четвертом месте до 2018 года, рост в 1,5 раза, в 2019 году — 900 тыс. ночевков), Швейцарию (двукратный рост, 420 тыс. ночевков в 2019 году) и Польшу (рост в 1,8 раза, 323 тыс. ночевков в 2019 году).

Из неевропейских стран с быстрорастущим туристским потоком в Швецию следует отметить США (в 2019 году американские туристы совершили более чем в 2,5 раза больше ночевков, чем в 2008-м, что составило чуть больше 1 млн ночевков в 2019 году), Китай (четырёхкратный рост, в 2019 году — 400 тыс. ночевков) и Индию (пятикратный рост, почти 250 тыс. ночевков в 2019 году).

В целом во въездном туризме отмечается преобладание географически близких стран Европы, хотя в последние годы наблюдается заметный рост въездного турпотока из более дальних стран (особенно из отмеченных выше США, Китая и Индии). Также растет турпоток из других стран мира, по которым в Швеции не ведется отдельный статистический учет (около 730 тыс. ночевков в 2019 году, трехкратный рост), — в основном это развивающиеся страны.

В 2020 году Швеция, как и другие страны мира, не сумела избежать кризиса в туристской сфере, связанного с пандемией COVID-19. На рисунке 3 представлена динамика въездного турпотока в Швецию по месяцам 2020 года по сравнению с аналогичными временными интервалами в 2019 году.



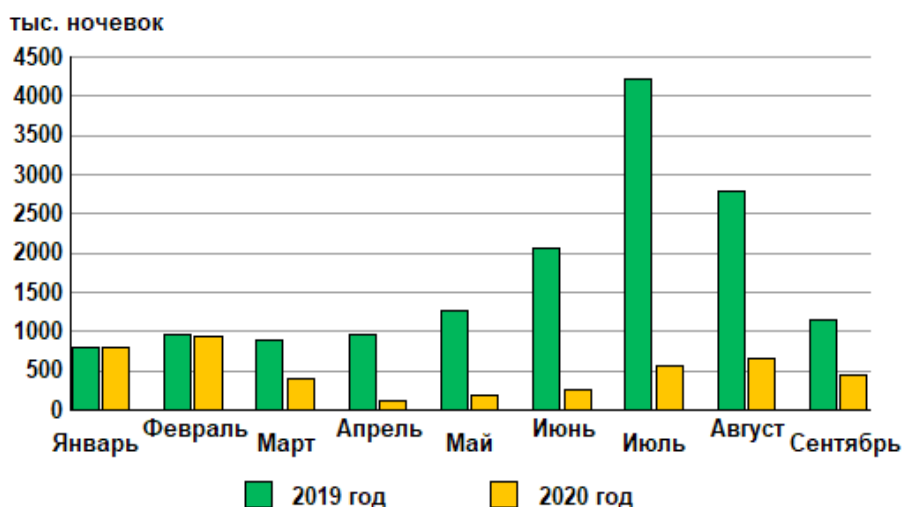


Рис. 3. Динамика количества ночевок иностранных туристов в Швеции по месяцам в 2020 году по сравнению с 2019 годом

В марте 2020 года в мире была объявлена пандемия и стали вводиться первые серьезные ограничения на перемещение (обязательный карантин, отмена или значительное сокращение международного сообщения), которые сразу же начали отражаться на туристском бизнесе. Швеция — одна из немногих стран мира, не вводившая весной 2020 года внутри страны жесткие ограничительные меры, однако произошло обвальное сокращение въездного турпотока, так как ограничения на выезд были введены в странах, являющихся основными поставщиками туристов в Швецию. Въездной турпоток в июле 2020 года был меньше прошлогоднего значения в этом месяце на 87%, августа 2020 года — на 77%, сентября 2020 года — на 61%. Таким образом, туристская сфера Швеции в 2020 году пережила глубокий кризис, даже несмотря на отсутствие в стране жестких ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19.

Для анализа региональных различий во въездном туризме в Швецию нами используется статистика за 2019 год, то есть год, предшествующий кризису и характеризующийся наибольшей величиной въездного турпотока за исследуемый период. На рисунке 4 показаны общие масштабы въездного туризма в 2019 году на уровне административных единиц (лен) Швеции, которые также распределены по доле иностранцев в общем количестве туристов.

Половина въездного потока туристов приходится на два лена: Стокгольм (куда входит и столица Швеции) и Вестра-Гёталанд, который расположен на юго-западе страны. В Вестра-Гёталанде находятся несколько замков, курортный поселок Смоген и другие достопримечательности. Наибольшее число туристов приходится на западные лены, расположенные вдоль границы с Норвегией, и южные лены, в то время как в центральных ленах, расположенных к северо-западу и юго-западу от Стокгольма, отмечается минимальный турпоток.

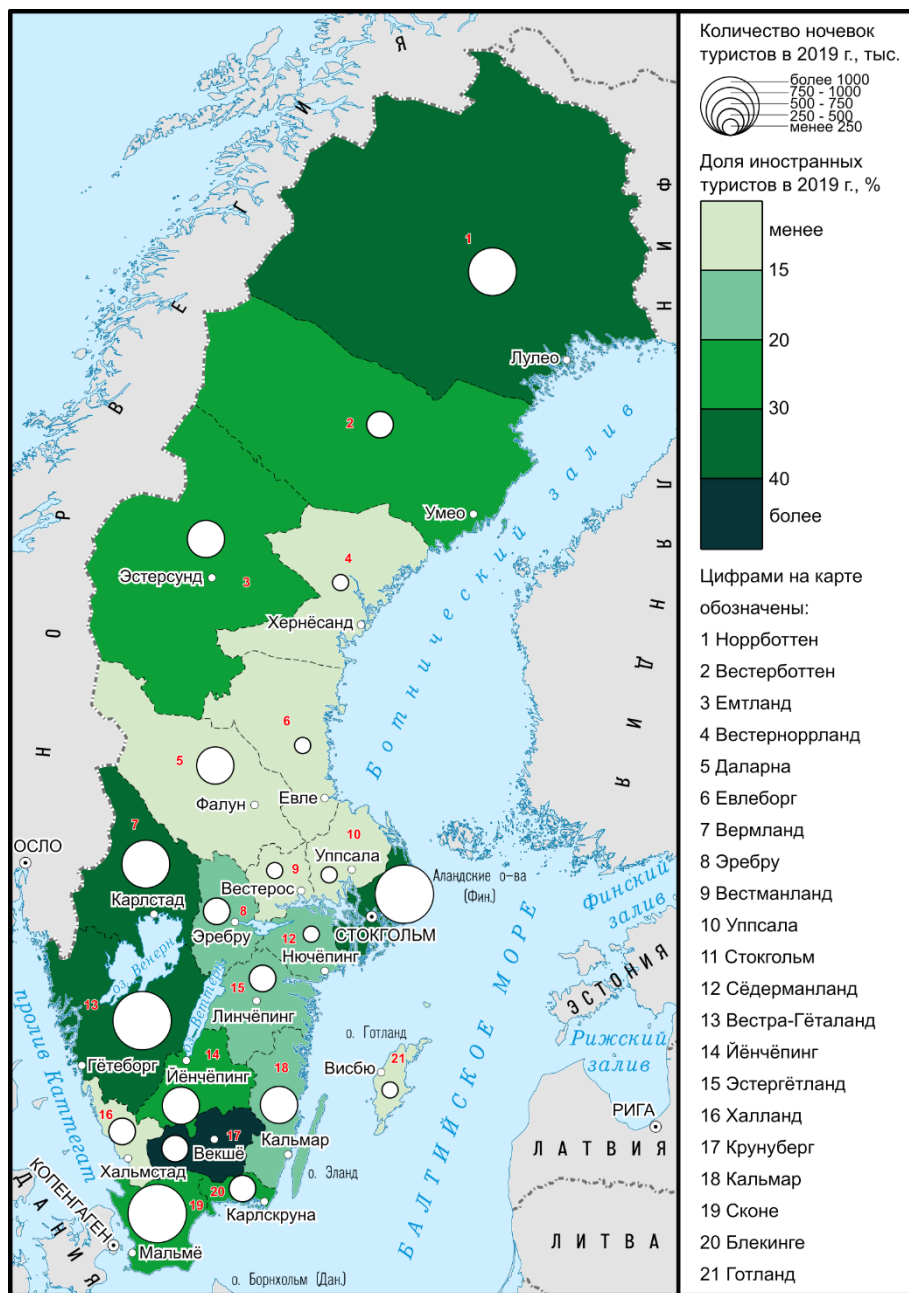


Рис. 4. Величина въездного туристского потока в 2019 году и доля иностранных туристов в общем количестве туристов по ленам Швеции

Доля иностранных туристов максимальна в южном лене Крунуберг (43%). Из посещаемых мест особо следует отметить город Векшё, в котором находятся Теллеборгский замок и руины замка Крунуберг, музей стекольной промышленности и кафедральный собор XIV века, а также поселок Альмхульт, в котором расположен музей и первый магазин известной международной компании «ИКЕА». Также доля иностранных туристов высока в ленах Стокгольм, Вестра-Гёталанд, Верmland и самом северном лене страны Норрботтен, где находится ледяной отель в Юккасыярви.

На рисунке 5 показаны основные поставщики иностранных туристов в 2019 году на уровне ленов Швеции. Пространственная структура въездных туристских потоков в шведских ленах вызывает интерес также с точки зрения трансграничного регионообразования.

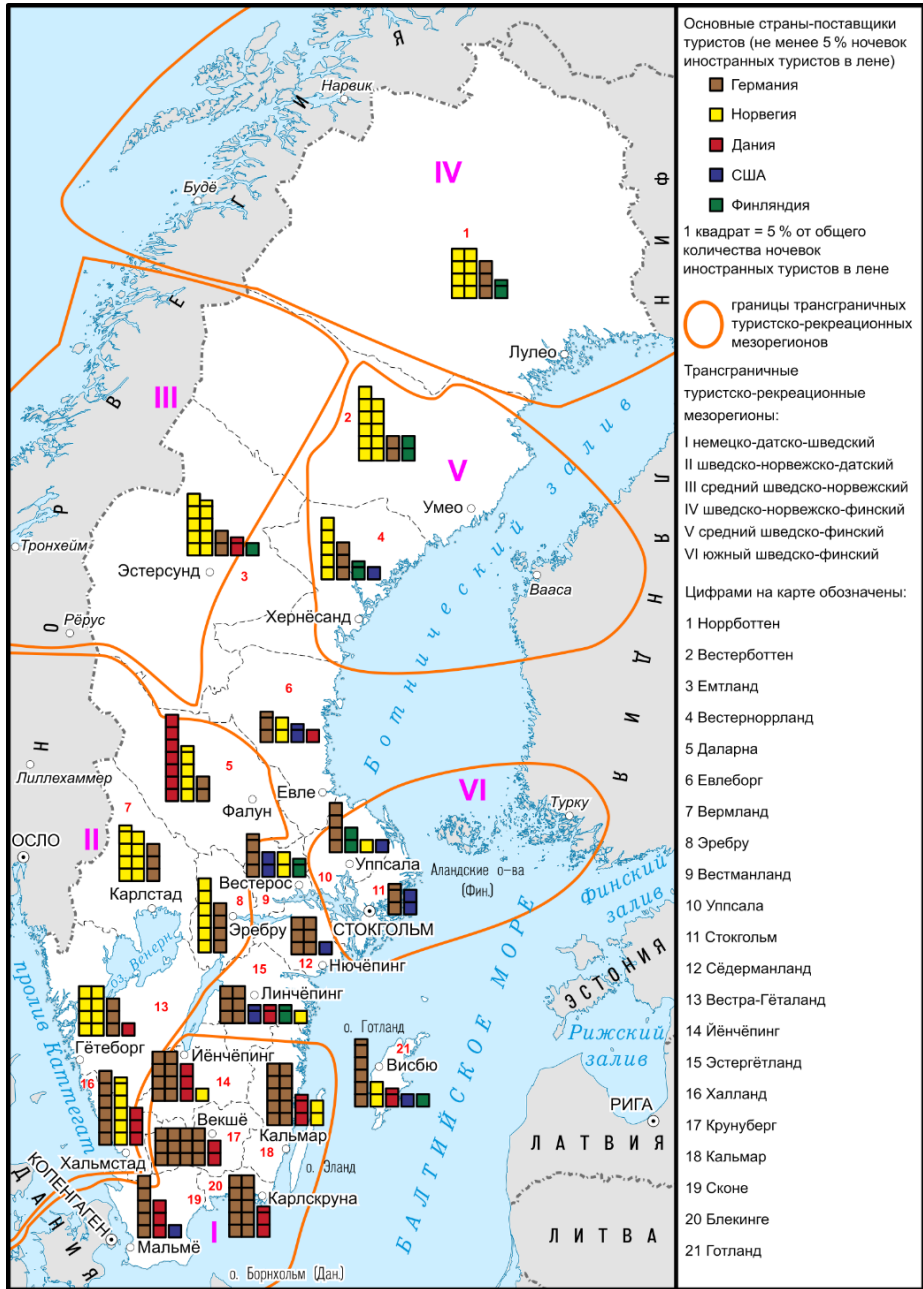


Рис. 5. Структура въездного турпотока в ленах Швеции в 2019 году (по странам — главным поставщикам иностранных туристов) и границы трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов

На карте показан удельный вес отмечается туристов из четырех стран (Норвегии, Германии, Дании и США), дающих большую часть иностранного турпотока. К четверке лидирующих по въездному туризму стран добавлена Финляндия, которая имеет заметный вес в нескольких ленах. При этом страны, доля которых во въездном турпотоке составляет менее 5%, на карте не отображены.

Туристы из Германии составляют большую часть иностранного потока в 13 ленах из 21. Больше всего их удельный вес отмечается в южных и восточных ленах Швеции.

В остальных ленах, расположенных преимущественно вдоль норвежской границы, большая часть туристов — из Норвегии. Исключение — лен Даларна, где выше доля датских туристов.

Доля туристов из США заметна в Стокгольме (на него приходится больше половины ночевок американских туристов — 575 тыс.) и в регионах, не являющихся популярными для туристов из других стран, что выступает скорее проявлением эффекта «низкой базы».

Особо нужно обратить внимание на повышенную долю немецких и датских туристов в южных ленах Швеции, что подтверждает правильность включения Е. Г. Кропиновой южной части Швеции в состав немецко-датско-шведско-польского трансграничного туристско-рекреационного региона (ТТРР), который к тому же имеет наиболее высокий уровень сформированности в пределах всего Балтийского региона [27, с. 119—120]. В шведской части данного ТТРР фактически не выражен только польский компонент, так как поток туристов из Польши крайне незначителен.

Е. Г. Кропинова в своей монографии [27] выделяет трансграничные туристско-рекреационные мезорегионы преимущественно в восточной части Балтийского макрорегиона. Причем очевидна привязка ТТРР мезоуровня к еврорегионам, созданным на границах России с соседними государствами. По аналогии можно выделить ТТРР мезоуровня в западной части Балтийского региона, в частности на границах Швеции с Финляндией и Норвегией. Здесь институционально оформлены трансграничные регионы, подобные еврорегионам и обозначаемые как новые пространственные формы международной экономической интеграции (НПФМЭИ) [32]. Они обычно удовлетворяют всем шести основным признакам трансграничного туристско-рекреационного регионообразования (непрерывность территории; взаимодополнение природных и культурных туристских ресурсов; наличие общей транспортной инфраструктуры, трансграничных туристских маршрутов, тесных связей между субъектами туризма и управленческих структур, организующих и координирующих турпотоки [27, с. 89]). Однако многие НПФМЭИ имеют небольшие размеры, и некоторые из них вписаны в более крупные НПФМЭИ. При этом последние могут вполне претендовать на статус трансграничных мезорегионов. Но при выделении ТТРР мезоуровня учитывалась также величина трансграничного туристского обмена, которая рассматривается нами как важнейший количественный индикатор степени сформированности ТТРР [24].

Ранее нами уже исследовалась география международных турпотоков в Финляндии и была отмечена высокая доля шведских туристов на Аландских островах и юго-западе страны. Данному ТТРР нами было предложено присвоить статус мезорегиона [25]. В Швеции доля туристов из Финляндии повышена на всем западном побережье Ботнического залива. Всего на шведско-финляндской границе действуют шесть НПФМЭИ [32]. Они частично накладываются или даже вписаны одни в другие, но при этом существуют явные разрывы между тремя их парами: к северу от Ботнического залива (Комитет «Нордкаллотен» и Совет «Долина Торнио»), в средней части Ботнического залива (Совет «Кваркен» и Комитет «Миттнорден») и на его южной границе (Кооперация «Архипелаг» и «Острова Балтийского моря Б7»). Именно эти три пары НПФМЭИ можно рассматривать в качестве мезорегионов в соответствии с теорией трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, обозначив их как северный, средний и южный шведско-финские ТТРР мезоуровня.

Также можно говорить о существовании нескольких шведско-норвежских ТТРР мезоуровня, которые охватывает значительную часть территории этих государств. Аналогичное предположение высказывалось нами и при изучении структуры и географии распределения въездного туристского потока в Норвегии [26]. Всего на шведско-норвежской границе действуют восемь трансграничных регионов (НПФМЭИ) [32]. В большинстве случаев они вписаны в более крупные по площади, и потому можно четко выделить три массива НПФМЭИ. Первые два НПФМЭИ (Комитет «Нордкаллоттен» и Совет «Долина Торнио») охватывают северный участок шведско-норвежской границы. Причем оба НПФМЭИ являются совместными с Финляндией, потому можно говорить о существовании здесь трехстороннего ТТРР мезоуровня — шведско-норвежско-финского. Второй ТТРР мезоуровня выделен на среднем участке шведско-норвежской границы, который соответствует двум НПФМЭИ (Комитет «Миттнорден» и Миттскандия). На южном участке шведско-норвежской границе действуют четыре НПФМЭИ (Кооперация «Арко», Комитет «Эстфолль — Бохус», «Каттегат — Скагеррак» и «Верmland — Хедмарк — Акерсхус — Этфолл»), образующие единый массив (в том числе включающий север Дании), который также можно рассматривать как один ТТРР мезоуровня.

Таким образом, на шведско-норвежской границе можно выделить три ТТРР мезоуровня, которые обозначены нами как шведско-норвежско-финский, средний шведско-норвежский и шведско-норвежско-датский. Следует отметить, что данные ТТРР отличаются и количественно, и по своему составу от трансграничных мезорегионов в Балтийском макрорегионе, которые выделил и представил в своей монографии В. С. Корнеев [32, с. 19].

Всего же на смежных территориях Швеции, Норвегии, Финляндии и Дании нами выделено шесть ТТРР мезоуровня (см. рис. 5). Причем границы этих ТТРР были определены как в Швеции, так и на территории соседних с ней государств. Далее, опираясь на национальную статистику Швеции и соседних с ней государств за 2019 год, было подсчитано количество ночевков туристов в пределах низовых административных единиц, входящих в состав ТТРР мезоуровня (табл.).

**Количество ночевков туристов (в том числе из соседних стран) в 2019 году в пределах ТТРР мезоуровня на смежных территориях Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии, тыс.**

Название ТТРР	Всего ночевков	Ночевков туристов из смежных стран	Доля смежных стран, %
Немецко-датско-шведский	82 938,3	6 373,7	7,7
Шведско-норвежско-датский	18 922,1	3 111,7	16,4
Средний шведско-норвежский	1 119,6	376,1	33,6
Шведско-норвежско-финский	4 118,4	786,5	19,1
Средний шведско-финский	748,7	93,5	12,5
Южный шведско-финский	6 126,2	454,8	7,4

Е. Г. Кропиновой была предложена достаточно простая шкала оценки степени сформированности ТТРР, включающая три ступени — «высокую», «среднюю» и «низкую» (на начальных стадиях формирования) [27, с. 119]. При этом эталонным ТТРР мезоуровня с высоким уровнем сформированности был обозначен немецко-датско-шведско-польский ТТРР. Примером ТТРР мезоуровня со средним уровнем сформированности может служить, например, российско-эстонско-латвийский ТТРР [28]. Ранее нами было предложено для определения степени сформированности ТТРР использовать количественный индикатор, а именно величину туристского обмена между национальными частями ТТРР [24], а также добавить

промежуточную ступень в шкале степеней сформированности — «выше средней». Изучение трансграничного обмена в ТТРО мезоуровня, находящихся на границе России с Эстонией и Финляндией [24; 25], позволило нам ввести количественные критерии, разграничивающие три эти ступени степени сформированности: свыше 500 тыс. пересечений границы внутри ТТРО в год — «высокая», от 100 до 500 тыс. — «выше средней», от 20 до 100 тыс. — «средняя» (менее 20 тыс. — это уже уровень ТТРО микроуровня).

Как отмечалось выше, в Швеции и окружающих ее странах статистика оперирует количеством ночевков туристов. Но зная, что в Швеции и соседних с ней государствах продолжительность поездок составляет в зависимости от страны в среднем от 3 до 5 дней (включающих от 2 до 4 ночевков), можно дать следующую оценку степени сформированности выделенных нами шести ТТРО мезоуровня (см. табл.). Высокой степенью сформированности кроме немецко-датско-шведского характеризуется также шведско-норвежско-датский мезорегион. Степень сформированности трех мезорегионов (среднего шведско-норвежского, шведско-норвежско-финского и южного шведско-финского) можно оценить как «выше средней». Этим мезорегионам заметно уступает по приему туристов из смежных стран средний шведско-финский ТТРО, степень сформированности которого оценена как «средняя».

## **Выводы**

Въездной туристский поток в Швецию вплоть до 2020 года обладал устойчивым ростом и в период с 2008 по 2019 год вырос более чем в 1,5 раза. Но кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел в 2020 году к резкому снижению въездного турпотока. Так, например, в июле 2020 года он составлял всего 13% от уровня того же месяца в предыдущем году, а в августе — 23% соответственно.

Изучение географии въездных туристских потоков в Швецию, позволившее оценить некоторые параметры трансграничных туристско-рекреационных регионов, опиралось на статистику 2019 года. Исследование подтвердило наличие обладающего высоким уровнем сформированности и большим объемом межгосударственного туристского обмена немецко-датско-шведского ТТРО мезоуровня, включающего, в частности, южную часть Швеции (преимущественно регион Гёталанд).

Кроме этого, на границе Швеции с соседними странами выделено пять ТТРО мезоуровня: шведско-норвежско-датский, средний шведско-норвежский, шведско-норвежско-финский, средний шведско-финский и южный шведско-финский. Из них шведско-норвежско-датский можно считать ТТРО с высокой степенью сформированности. Только один мезорегион (средний шведско-финский) отнесен к ТТРО со средней степенью сформированности, а остальные три мезорегиона — к ТТРО со степенью сформированности «выше средней».

## **Список литературы**

1. Carson D. A., Carson D. B. International lifestyle immigrants and their contributions to rural tourism innovation: Experiences from Sweden's far north // *Journal of Rural Studies*. 2018. Vol. 64. P. 230—240. doi: 10.1016/j.jrurstud.2017.08.004.
2. Almstedt Å., Lundmark L., Pettersson Ö. Public spending on rural tourism in Sweden // *Fennia*. 2016. Vol. 194, № 1. P. 18—31. doi: 10.11143/46265.
3. Rytkönen P., Tunón H. Summer Farmers, Diversification and Rural Tourism — Challenges and Opportunities in the Wake of the Entrepreneurial Turn in Swedish Policies (1991—2019) // *Sustainability*. 2020. № 12. P. 1—27. doi: 10.3390/su12125217.
4. Demiroglu O. C., Lundmark L., Saarinen J., Müller D. K. The last resort? Ski tourism and climate change in Arctic Sweden // *Journal of Tourism Futures*. 2019. Vol. 6, № 1. P. 91—101. doi: 10.1108/JTF-05-2019-0046.



5. *Pashkevich A.* Processes of Reinterpretation of Mining Heritage: the Case of Bergslagen, Sweden // *ALMATOUIRSM Journal of Tourism, Culture and Territorial Development*. 2017. № 7. P. 107—123. doi: 10.6092/issn.2036-5195/6758.
6. *Lundmark L. J.T., Fredman P., Sandell K.* National Parks and Protected Areas and the Role for Employment in Tourism and Forest Sectors: a Swedish Case // *Ecology and Society*. 2010. Vol. 15, № 1. P. 19. doi: 10.5751/ES-03175-150119.
7. *Fredman P., Romild U., Yuan M., Wolf-Watz D.* Latent Demand and Time Contextual Constraints to Outdoor Recreation in Sweden // *Forests*. 2012. № 3. P. 1—21. doi: 10.3390/f3010001.
8. *Margaryan L., Fredman P.* Bridging outdoor recreation and nature-based tourism in a commercial context: Insights from the Swedish service providers // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2017. Vol. 17. P. 84—92. doi: 10.1016/j.jort.2017.01.003.
9. *Petersson-Forsberg L.* Swedish spatial planning: A blunt instrument for the protection of outdoor recreation // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2014. Vol. 5—6. P. 37—47. doi: 10.1016/j.jort.2014.03.003.
10. *Lindström K.N., Larson M.* Community-based tourism in practice: evidence from three coastal communities in Bohuslän, Sweden // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2016. № 33. P. 71—78. doi: 10.1515/bog-2016-0025.
11. *Farsari I.* A structural approach to social representations of destination collaboration in Idre, Sweden // *Annals of Tourism Research*. 2018. Vol. 71. P. 1—12. doi: 10.1016/j.annals.2018.02.006.
12. *Lundberg E.* The importance of tourism impacts for different local resident groups: A case study of a Swedish seaside destination // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2017. Vol. 6, № 1. P. 46—55. doi: 10.1016/j.jdmm.2016.02.002.
13. *Hultman J., Michael Hall C.* Tourism place-making: Governance of Locality in Sweden // *Annals of Tourism Research*. 2012. Vol. 39, № 2. P. 547—570. doi: 10.1016/j.annals.2011.07.001.
14. *Van Es N., Reijnders S.* Chasing sleuths and unravelling the metropolis: Analyzing the tourist experience of Sherlock Holmes' London, Philip Marlowe's Los Angeles and Lisbeth Salander's Stockholm // *Annals of Tourism Research*. 2016. Vol. 57. P. 113—125.
15. *Козлова К. С.* Развитие образовательного туризма в Финляндии и Швеции // *Неделя науки СПбПУ : матер. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2020. С. 244—247.*
16. *Майоров Н. Н.* Развитие морских паромных перевозок в Балтийском море в контексте глобальных тенденций // *Системный анализ и логистика*. 2020. № 1 (23). С. 65—73.
17. *Saranca M. A.* Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism // *Baltic Region*. 2020. Vol. 12, № 3. P. 147—166. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9.
18. *Сафина С. С., Амосова Г. М.* Современные особенности развития международного туризма в странах Северной Европы // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. № 4 (112). С. 38—43.
19. *Кондратов Н. А.* Предпосылки и современное состояние туризма в странах Северной Европы: географический аспект // *География и туризм : сб. науч. тр. Пермь, 2010. С. 77—90.*
20. *Демидова Е. Е.* Метаморфозы заполярного города (на примере г. Кируна, Швеция) // *Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы : сб. матер. Всерос. науч. конф. М., 2016. С. 126—131.*
21. *Самборская В.* Перспективы развития туризма в регионе Балтийского моря на примере прибрежных регионов Швеции // *Polish Journal of Science*. 2020. № 31—2 (31). С. 40—45.
22. *Prokkola E.-K.* Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: "Destination Arctic Circle" // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2007. Vol. 7, № 2. P. 120—138. doi: 10.1080/15022250701226022.
23. *Prokkola E.-K.* Borders in tourism: the transformation of the Swedish-Finnish border landscape // *Current Issues in Tourism*. 2010. Vol. 13, № 3. P. 223—238. doi: 10.1080/13683500902990528.
24. *Манаков А. Г., Чученкова О. А., Иванов И. А.* География туризма Эстонии в контексте трансграничного туристско-рекреационного регионообразования // *Псковский регионологический журнал*. 2019. № 4 (40). С. 80—95. doi: 10.37490/S221979310010191-3.
25. *Манаков А. Г., Кондратьева С. В., Иванов И. А.* Структура и география распределения въездного туристского потока в Финляндии // *Географический вестник*. 2020. № 1 (52). С. 165—176. doi: 10/17072/2079-7877-2020-1-165-176.

26. *Иванов И. А., Михайлов Б. С.* Структура и география распределения въездного туристского потока в Норвегии // Псковский регионологический журнал. 2020. № 4 (44). С. 107—118. doi: 10.37490/S221979310011436-2.

27. *Кропинова Е. Г.* Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.

28. *Manakov A. G., Golomidova E. S.* Estimating the development of the Latvian-Estonian-Russian transboundary tourism and recreation region // Baltic region. 2018. Vol. 10, № 1. P. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.

29. *Голомидова Е. С.* Инфраструктура эстонской части трансграничного туристско-рекреационного региона «Сетомаа» // Псковский регионологический журнал. 2019. № 2 (38). С. 118—125. doi: 10.37490/S221979310012064-3.

30. *Красильникова И. Н., Теренина Н. К.* Псковско-Чудское побережье как территория трансграничного туризма // Туризм и индустрия гостеприимства: современное состояние и тенденции развития : матер. междунар. науч. конф. Псков, 2019. С. 103—108.

31. *Кондратьева (Степанова) С. В.* Факторы развития приграничного туризма на смежных территориях России и Финляндии // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 106—114. doi: 10.37490/S221979310011766-5.

32. *Корнеевец В. С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград, 2010.

## Об авторах

**Андрей Геннадьевич Манаков**, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

**Ирина Николаевна Красильникова**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

**Иван Андреевич Иванов**, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

## GEOGRAPHY OF INBOUND TOURISM AND TRANSBOUNDARY TOURISM-AND-RECREATION REGION BUILDING IN SWEDEN

**A. Manakov**  
**I. Krasilnikova**  
**I. Ivanov**

Pskov State University,  
2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia

Received 13 November 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-6

© Manakov, A., Krasilnikova, I.,  
Ivanov, I., 2021

Sweden's tourism industry stands out for its large contribution to the development of the national economy. The vast size of the country makes it possible to trace differences in incoming tourist flows from neighbouring countries. This circumstance accounts for the novelty of this study, which lies in viewing national tourism geography from the perspective of the theory of transboundary tourism-and-recreation region building. Interregional differences in the structure of incoming tourist flows help identify the country's cross-border tourism-and-recreation regions and delineate their borders. This research employs statistical and cartographic methods. The incoming tourist flow to Sweden grew steadily until 2020. However, the Covid-19 crisis has led to a drastic reduction in the number of incoming tourists. Based on the 2019 statistics, the findings confirm the existence of a developed transboundary tourism-and-recreation mesoregion that brings together Germany, Denmark, and Sweden. The formation boasts strong tourist links. There are another five cross-border tourism-and-recreation mesoregions: Sweden-Norway-Denmark, Middle Sweden-Norway, Sweden-Norway-Finland, Middle Sweden-Finland, and South Sweden-Finland. The number of tourists visiting cross-border mesoregions indicates the degree of development of the latter.

### Keywords:

tourism industry, international tourism, tourist flow, Covid-19, cross-border region

### References

1. Carson, D. A., Carson, D. B. 2018, International lifestyle immigrants and their contributions to rural tourism innovation: Experiences from Sweden's far north, *Journal of Rural Studies*, no. 64, p. 230—240. doi: 10.1016/j.jrurstud.2017.08.004.
2. Almstedt, Å., Lundmark, L., Pettersson, Ö. 2016, Public spending on rural tourism in Sweden, *Fennia*, vol. 194, no. 1, p. 18—31. doi: 10.11143/46265.
3. Rytönen, P., Tunón, H. 2020, Summer Farmers, Diversification and Rural Tourism — Challenges and Opportunities in the Wake of the Entrepreneurial Turn in Swedish Policies (1991—2019), *Sustainability*, no. 12, p. 1—27. doi: 10.3390/su12125217.
4. Demiroglu, O. C., Lundmark, L., Saarinen, J., Müller, D.K. 2019, The last resort? Ski tourism and climate change in Arctic Sweden, *Journal of Tourism Futures*, vol. 6, no. 1, pp. 91—101. doi: 10.1108/JTF-05-2019-0046.
5. Pashkevich, A. 2017, Processes of Reinterpretation of Mining Heritage: the Case of Bergslagen, Sweden, *ALMATOUIRSM Journal of Tourism, Culture and Territorial Development*, no. 7, p. 107—123. doi: 10.6092/issn.2036-5195/6758.
6. Lundmark, L. J. T., Fredman, P., Sandell, K. 2010, National Parks and Protected Areas and the Role for Employment in Tourism and Forest Sectors: a Swedish Case, *Ecology and Society*, vol. 15, no. 1, p. 19. doi: 10.5751/ES-03175-150119.
7. Fredman, P., Romild, U., Yuan, M., Wolf-Watz, D. 2012, Latent Demand and Time Contextual Constraints to Outdoor Recreation in Sweden, *Forests*, no. 3, p. 1—21. doi: 10.3390/f3010001.
8. Margaryan, L., Fredman, P. 2017, Bridging outdoor recreation and nature-based tourism in a commercial context: Insights from the Swedish service providers, *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, no. 17, p. 84—92. doi: 10.1016/j.jort.2017.01.003.
9. Pettersson-Forsberg, L. 2014, Swedish spatial planning: A blunt instrument for the protection of outdoor recreation, *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, no. 5—6, p. 37—47. doi: 10.1016/j.jort.2014.03.003.
10. Lindström, K. N., Larson, M. 2016, Community-based tourism in practice: evidence from three coastal communities in Bohuslän, Sweden, *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no. 33, p. 71—78. doi: 10.1515/bog-2016-0025.
11. Farsari, I. 2018, A structural approach to social representations of destination collaboration in Idre, Sweden, *Annals of Tourism Research*, no. 71, p. 1—12. doi: 10.1016/j.annals.2018.02.006.
12. Lundberg, E. 2017, The importance of tourism impacts for different local resident groups: A case study of a Swedish seaside destination, *Journal of Destination Marketing & Management*, vol. 6, no. 1, p. 46—55. doi: 10.1016/j.jdmm.2016.02.002.
13. Hultman, J., Michael, H. C. 2012, Tourism place-making: Governance of Locality in Sweden, *Annals of Tourism Research*, vol. 39, no. 2, pp. 547—570. doi: 10.1016/j.annals.2011.07.001.

14. Van, E. N., Reijnders, S. 2016, Chasing sleuths and unravelling the metropolis: Analyzing the tourist experience of Sherlock Holmes' London, Philip Marlowe's Los Angeles and Lisbeth Salander's Stockholm, *Annals of Tourism Research*, no. 57, p. 113—125.
15. Kozlova, K. S. 2020, Development of educational tourism in Finland and Sweden. In: *Nedelya nauki SPBPU. Materialy` nauchnoj konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem* [SPBPU Science Week. Materials of a scientific conference with international participation], p. 244—247 (In Russ.).
16. Majorov, N. N. 2020, Development of sea ferry transportation in the Baltic Sea in the context of global trends, *Sistemny`j analiz i logistika* [System analysis and logistics], no. 1 (23), p. 65—73 (In Russ.).
17. Sarancha, M. A. 2020, Assessing competitiveness of the Baltic states in tourism, *Bal. Reg.*, vol. 12, no. 3, p. 147—166. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-9.
18. Safina, S. S., Amosova, G. M. 2018, Modern features of the development of international tourism in the Nordic countries, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics], no. 4 (112), p. 38—43 (In Russ.).
19. Kondratov, N. A. 2010, Prerequisites and current state of tourism in the Nordic countries: the geographical aspect. In: *Geografiya i turizm. Sbornik nauchny`x trudov* [Geography and tourism. Collection of scientific papers], Perm, p. 77—90 (In Russ.).
20. Demidova, E. E. 2016, Metamorphoses of the polar city (on the example of Kiruna, Sweden). In: *Mozaika gorodskix prostranstv: e`konomicheskie, social`ny`e, kul`turny`e i e`kologicheskije processy`. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Mosaic of urban spaces: economic, social, cultural and ecological processes. Collection of materials of the All-Russian scientific conference], Moscow, p. 126—131 (In Russ.).
21. Samborskaya, V. 2020, Prospects for the development of tourism in the Baltic Sea region on the example of coastal regions of Sweden, *Polish Journal of Science*, no. 31—2 (31), p. 40—45 (In Russ.).
22. Prokkola, E. -K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: "Destination Arctic Circle", *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, no. 2, p. 120—138. doi: 10.1080/15022250701226022.
23. Prokkola, E. -K. 2010, Borders in tourism: the transformation of the Swedish-Finnish border landscape, *Current Issues in Tourism*, vol. 13, no. 3, p. 223—238. doi: 10.1080/13683500902990528.
24. Manakov, A. G., Chuchenkova, O. A., Ivanov, I. A. 2019, Geography of tourism in Estonia in the context of cross-border tourism and recreation region formation, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (40), p. 80—95. doi: 10.37490/S221979310010191-3 (In Russ.).
25. Manakov, A. G., Kondrateva, S. V., Ivanov, I. A. 2020, The structure and geography of the distribution of the incoming tourist flow in Finland, *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], no. 1(52), p. 165—176. doi: 10/17072/2079-7877-2020-1-165-176 (In Russ.).
26. Ivanov, I. A., Mikhaylov, B. S. 2020, Structure and geography of the inbound tourist flow distribution in Norway, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (44), p.107—118. doi: 10.37490/S221979310011436-2 (In Russ.).
27. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichny`e turistsko-rekreacionny`e regiony` na Baltike* [Transboundary tourist and recreational regions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 272 p (In Russ.).
28. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Estimating the development of the Latvian-Estonian-Russian transboundary tourism and recreation region, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 1, p. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.
29. Golomidova, E. S. 2019, Infrastructure of the Estonian part of transboundary touristic and recreational region "Setomaa", *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 2 (38), p. 118—125. doi: 10.37490/S221979310012064-3 (In Russ.).
30. Krasilnikova, I. N., Terenina, N. K. 2019, Pskov-Peipsi coast as a territory of cross-border tourism. In: *Turizm i industriya gostepriimstva: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Tourism and hospitality industry: current state and development trends. Materials of the International Scientific Conference], Pskov, p. 103—108 (In Russ.).

31. Kondrateva (Stepanova), S. V. 2019, Factors of development of border tourism in related territories of Russia and Finland, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (40), p. 106—114. doi: 10.37490/S221979310011766-5 (In Russ.).

32. Korneevets, V. S. 2010, *Formirovanie transgranichny`x mezoregionov na Baltike* [Formation of transboundary mesoregions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 80 p (In Russ.).

### **The authors**

---

**Prof. Andrei G. Manakov**, the Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: [region-psk@yandex.ru](mailto:region-psk@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

**Dr Irina N. Krasilnikova**, the Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: [mulia777@mail.ru](mailto:mulia777@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

**Ivan A. Ivanov**, PhD Student, Pskov State University, Russia.

E-mail: [ii60@bk.ru](mailto:ii60@bk.ru)

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

---

# ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ТРАНСГРАНИЧНОМ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОМ РЕГИОНООБРАЗОВАНИИ: КАРЕЛЬСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ

**С. В. Кондратьева**

Институт экономики Карельского научного центра РАН,  
185030, Россия, Петрозаводск, просп. А. Невского, 50

Поступила в редакцию 26.11.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-7  
© Кондратьева С.В., 2021

*Международные проекты рассмотрены как один из инструментов, способствующих формированию и развитию трансграничных туристско-рекреационных регионов. Модельной площадкой исследования выступило карельское приграничье, представленное карельским участком российско-финляндской государственной границы и прилегающими территориями сопредельных государств России (Республика Карелия) и Финляндии. Целью работы является выявление роли международных проектов в период 1990-2020 годов в трансграничном туристско-рекреационном регионообразовании карельского приграничья. Анализ 80 международных проектов в муниципальном разрезе выявил их высокую значимость в формировании и развитии данных регионов в карельском приграничье. Выявлены ряд общих тенденций и специфика реализации международных проектов в Республике Карелия в контексте трансграничного туристско-рекреационного регионообразования в муниципальном разрезе. Полученные результаты позволяют создавать комплексное представление о значимости международной проектной деятельности в сфере туризма в формировании и развитии трансграничных туристско-рекреационных регионов, а также могут быть применены при изучении вопросов развития международного сотрудничества и туризма. Практическое использование предложенного подхода позволит расширить возможные варианты принимаемых управленческих решений, выступая в качестве инструмента региональной экономической политики в сфере туризма.*

## **Ключевые слова:**

муниципалитет, Республика Карелия, проекты сферы туризма, карельское приграничье, Финляндия, трансграничный туристско-рекреационный регион

## **Введение**

С 1990-х годов возможности развития трансграничного сотрудничества и новый феномен вовлечения приграничных регионов СЗФО в интеграционные процессы послужил предпосылкой процесса трансграничного регионообразования, в том числе и туристско-рекреационного. К настоящему времени по периметру западных границ Российской Федерации уже сформировано и/или находится в стадии формирования несколько трансграничных туристско-рекреационных регионов (ТТРР) различного уровня и порядка. Реализация проектной деятельности в сфере туризма представ-

**Для цитирования:** Кондратьева С. В. Проектный подход в трансграничном туристско-рекреационном регионообразовании: карельское приграничье // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 124–137.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-7.



ляется одним из инструментов развития данных процессов в регионе Балтийского моря. Целью настоящей работы является выявление значимости международной проектной деятельности в сфере туризма в период 1990—2020 годов в трансграничном туристско-рекреационном регионообразовании карельского приграничья.

### **Проектная деятельность туристской направленности в фокусе ТТРП: теоретические аспекты**

К настоящему времени накоплен значительный научный задел, раскрывающий проблематику развития и формирования ТТРП в регионе Балтийского моря. Наиболее детально изучены ТТРП сопредельных территорий России, Польши и Литвы [1], России, Эстонии и Латвии [2; 3], ведутся исследования по российско-финляндскому приграничью [5; 6].

При наблюдаемом усилении внимания исследователей к значимости трансграничного сотрудничества и международной проектной деятельности для развития туризма [7—13] остаются недостаточно изученными влияния последней на ТТРП-образование. Имеющиеся наработки сфокусированы в основном на результатах реализации отдельных международных проектов. Так, наиболее подробное освещение в научной литературе получили международные проекты сферы туризма, направленные на формирование и развитие трансграничных туристских маршрутов как инструментов повышения конкурентоспособности территорий сопредельных государств и одной из ступеней формирования трансграничных туристско-рекреационных пространств [14—17]. Имеются исследования по развитию отдельных видов туризма [18], а также роли туризма в трансграничном регионообразовании [19]. Значимыми представляются работы по проблематике управления многоуровневым сотрудничеством, определению специфики, возможностей и ограничений проектной деятельности туристской направленности для развития дестинаций [27; 28].

В рамках настоящего исследования особого внимания заслуживают работы, направленные на международную проектную деятельность в сфере туризма как инструмента ТТРП-образования в регионе Балтийского моря [20—25]. Следует также указать работы, анализирующие реализованные в Балтийском регионе проекты (не туристской направленности) в фокусе теории конструктивизма (например, [26]).

Вместе с тем имеющиеся наработки не позволяют в полной мере оценить значимость международной проектной деятельности в сфере туризма в формировании и развитии ТТРП, во-первых, из-за достаточно высокой фрагментарности (раскрывают реализацию отдельных проектов), во-вторых, из-за географической разрозненности (рассматривают различные приграничные регионы СЗФО), в-третьих, в основном исследования затрагивают период действия программ приграничного сотрудничества (с 2007 года), упуская влияние предшествующих проектных мероприятий. И наконец, отсутствуют работы по изучению роли международных проектов в ТТРП-образовании в карельском пригранижье. Данная работа направлена на восполнение имеющегося пробела в научных исследованиях. Впервые рассмотрена практика международной проектной деятельности в сфере туризма за период 1990—2020 годов с позиции формирования ТТРП в карельском пригранижье в муниципальном разрезе.

### **Методика исследования**

Модельной площадкой исследования выступило карельское пригранижье со сформированными и формирующимися трансграничными туристско-рекреационными регионами различного иерархического уровня и порядка, представленное карельским участком российско-финляндской государственной границы и прилегающими территориями сопредельных государств России (Республика Карелия) и Финляндии.

В работе изложен подход к рассмотрению международной проектной деятельности в сфере туризма в карельском приграничье за период 1990—2020 годов в качестве инструмента, способствующего формированию ТТРР. С этой целью международные проекты туристской направленности (80), поддержанные различными программами (ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, другие программы, ППС ЕИСП «Карелия», ППС ЕИП «Карелия»), исследованы в разрезе:

- приграничного положения муниципалитетов Республики Карелия;
- содействия ТТРР-образованию в карельском приграничье.

Согласно административно-территориальному устройству из 18 муниципальных образований Республики Карелия 7 являются приграничными (рис. 1).



Рис. 1. Административно-территориальное устройство Республики Карелия [29]

В настоящее время в карельском приграничье сформированы и/или находятся в стадии формирования три ТТРР различного уровня и порядка (подробнее см.: [5]). Таким образом, в процессе ТТРР-образования на исследуемой территории с российской стороны участвуют 11 муниципальных образований (МО) Республики Карелия (*Сортавальский*, *Лахденпохский*, *Суоярвский*, *Питкярантский*, *Пряжинский*, *Калевальский*, *Петрозаводский* и *Костомукшский* городские округа и частично *Лоухский*, *Прионежский* и *Олонецкий* муниципалитеты), со стороны Финляндии — пять: *Северная Карелия*, частично Северное и Южное Саво, область *Кайнуу* и крайний северо-восток области *Северная Остроботния* (здесь и далее курсивом выделены приграничные муниципалитеты). В настоящей работе внимание сфокусировано на российской части приграничья.

Исследование базируется на данных открытых интернет-источников программ приграничного сотрудничества, материалах официального интернет-портала Республики Карелия, стратегических документах по развитию международного

и приграничного сотрудничества Республики Карелия, разработках российских и зарубежных ученых по исследуемой проблематике, официальных сайтах международных проектов в сфере туризма. В работе не рассмотрена активность муниципалитетов на этапе подачи проектных заявок, она охватывает уже прошедшие конкурсный отбор и поддержанные к реализации проекты. В исследовании не учтены международные проекты в сфере туризма Программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента партнерства, которые реализуются в настоящее время (2020—2022 годы).

В рамках исследования применялись анализ понятийно-терминологической системы, методы сравнения, аналогий, анализа рядов динамики данных. В работе рассчитаны медианные показатели.

### **Приграничное положение муниципалитетов Республики Карелия в реализации проектной деятельности в сфере туризма: преимущество или обыденность?**

Поскольку в формировании трансграничных туристско-рекреационных регионов непосредственное участие принимают приграничные муниципалитеты сопредельных государств, в данном разделе международная проектная деятельность Республики Карелия в сфере туризма будет рассмотрена в фокусе приграничного положения. В работе С. В. Степановой [29] приграничное положение муниципальных образований Республики Карелия было рассмотрено с позиции преимуществ или ограничений развития в них туристско-рекреационной деятельности, но был упущен проектный подход. Настоящий раздел нацелен на устранение имеющегося пробела в исследованиях и отвечает на вопрос: влияет ли локализация муниципалитета в приграничье на его участие в международной проектной деятельности в сравнении с глубинными территориями региона?

С этой целью проанализирован обширный массив информации по практике реализации международных проектов сферы туризма за период 1990—2020 годов в муниципальном разрезе. Анализ медианных значений количественных показателей показал лидирующие позиции 7 приграничных муниципалитетов региона в сравнении с 11 глубинными в реализации международной проектной деятельности в сфере туризма (табл. 1). Концентрируя основные туристские потоки Республики Карелия, отметим, что столичный Петрозаводский городской округ характеризуется значительным превышением показателя участия в проектной деятельности (участие в 60,5% проектов от общего числа реализованных в регионе) в сравнении с другими муниципалитетами региона, поэтому в расчетах не рассматривается.

Таблица 1

#### **Количественные показатели участия муниципалитетов Республики Карелия в проектной деятельности за период 1990-2020 годов**

Муниципалитет	Показатель, медиана		
	Общее число проектов	Бенефициары проектов*	Активность участия**
Все МО без Петрозаводска	10	1	4
Приграничные МО	10	2	5
Глубинные МО	8	0	4

*Примечание:* \* — участие муниципалитета (число раз) в проектах в качестве единственного представителя с российской стороны; \*\* — участие муниципалитета (число раз) в реализации программ (ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, других программ, ППС ЕИСП «Карелия» и ППС ЕИП «Карелия» — всего пять).

Ранжирование всех муниципальных образований региона по обозначенным в таблице 1 показателям позволило выявить семь наиболее активных муниципалитетов в реализации проектов в сфере туризма (Петрозаводский городской округ; *Сортавальский*, Олонецкий, *Лоухский*, Питкярантский, *Суоярвский* и *Муезерский* МО), а также четыре МО средней активности (Пряжинский; Медвежьегорский, Пудожский МО и *Костомукшский* городской округ). Следует указать, что больше половины (67%) наиболее активных муниципалитетов, исключая столицу региона, являются приграничными муниципальными образованиями (ПМО).

Рассмотрение реализации проектов по условно выделенным двум периодам: при финансировании ЕС (1990—2006) и при софинансировании РФ (программы приграничного сотрудничества «Карелия», 2007—2020 годы) позволяет более детально оценить позиции приграничных территорий (табл. 2). Высокая доля Петрозаводского городского округа в притяжении международных проектов в сфере туризма, повторимся, определяется столичным статусом муниципалитета с высокой концентрацией научно-образовательного потенциала и потенциальных грантозаявителей.

Таблица 2

**Реализация проектов в сфере туризма в Республике Карелия  
в муниципальном разрезе, %**

Муниципалитет	1990—2006	2007—2020
Только Петрозаводск	16,3	21,9
Без участия ПМО	20,4	21,9
С участием ПМО	63,3	56,3*
Из них:		
только ПМО	30,6	9,4
ПМО + Петрозаводск	18,4	12,5
ПМО + другие МО	14,3	34,4
С участием других МО**	34,7	56,3

*Примечание:* \* — расхождение в 0,1% обусловлено округлением данных; \*\* — совокупный показатель (без участия ПМО + ПМО и другие МО).

Хотя анализ данных выявляет высокие позиции приграничных муниципалитетов в реализации международных проектов в сфере туризма (более 56,3%) за исследуемый период 1990—2020 годов, наблюдается рост активности глубинных муниципальных образований региона. Так, в среднем (медиана) ПМО в период 1990—2006 годов принимали участие в семи международных проектах сферы туризма, глубинные лишь в трех, а в период 2007—2020 годов данный показатель сравнялся и составил пять проектов.

Рассмотрение по периодам в муниципальном разрезе выявляет тенденции во вовлеченности территорий в международную проектную деятельность в сфере туризма. Так, наблюдается резкий рост активности *Костомукшского* городского округа во второй период — 2007—2020 годов (с 3 до 11 проектов при медиане 5), *Калевальского* МО (с 3 до 6). Из глубинных муниципалитетов подобную тенденцию демонстрируют Беломорский, Кемский, Прионежский (с 1 до 5) и Пря-

жинский (с 4 до 7) МО. Высокую активность на протяжении всего периода сохраняет *Сортавальский* МО. Во второй период остальные четыре ПМО показывают снижение вовлеченности в международные проекты туристской направленности. Следует указать, что реализация ряда проектов Программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента партнерства (2014—2020) раскрывает возможности включения в проектную деятельность всех муниципалитетов региона (например, проекты КА1020 «Сервис бронирования коттеджей в Карелии и Финляндии Wildacha» или КА4007 «Калитка — развитие приграничного гастрономического туризма»). Необходимо также обозначить, что число реализованных проектов в выделенные периоды неравнозначно, поэтому данный показатель может применяться достаточно условно, но вместе с тем демонстрирует тенденции активности в муниципальном разрезе.

В целом за исследуемый период 1990—2020 годов приграничные муниципалитеты Республики Карелия были более вовлечены в реализацию международных проектов, чем глубинные территории Республики Карелия. При этом начиная с 2007 года наблюдается тенденция активизации участия глубинных МО в реализации международных проектов туристской направленности наряду со снижением вовлеченности приграничных муниципалитетов региона. Так, лидирующие позиции ПМО в период 1990—2006 годов сравнялись с позициями глубинных муниципалитетов в период 2007—2020 годов. Высокая степень вовлеченности ПМО в проектную деятельность в период 1990—2006 годов может обуславливаться новым феноменом вовлечения приграничных регионов СЗФО в интеграционные процессы (с 1990-х годов). Анализ в муниципальном разрезе позволил выявить семь, включая столицу региона, наиболее активных муниципалитетов в реализации международной проектной деятельности в сфере туризма, четыре из которых — ПМО. За исследуемый период 1990—2020 годов среди приграничных территорий *Сортавальский* муниципалитет сохраняет высокие позиции в реализации международных проектов в сфере туризма, *Костомукшский* городской округ и *Калевальский* муниципалитет резко усилили проектную активность, остальные МО, наоборот, сократили. Лидирующая позиция Сортавальского муниципалитета определяется преимущественно экономико-географическим положением (МАПП Вяртсиля — Ниирала, открытие которого состоялось в 1995 году, с 1992 года упрощенный порядок пропуска, в настоящее время обслуживает более 70% трафика через карельский участок государственной российско-финляндской границы; расстояние от центра МО — г. Сортавалы до центра области Северная Карелия — г. Йозенсуу составляет около 120 км), историческими аспектами развития территории Северного Приладожья [30], сформированными связями на уровне приграничных территорий сопредельных государств.

### **Международная проектная деятельность в образовании ТТТР карельского приграничья: муниципальный разрез**

В настоящее время в карельском приграничье сформированы и/или находятся в стадии формирования три ТТТР различного иерархического уровня и порядка, объединяющие следующие муниципалитеты по обе стороны государственной российско-финляндской границы (рис. 2).



Рис. 2. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях Финляндии и Республики Карелия (составлено А. Г. Манаковым) [5]; границы: 1 — государственные. 2 — субъектов Российской Федерации; многосторонние автомобильные пункты пропуска: 3 — крупные, 4 — средние, 5 — малые; 6 — пункты упрощенного пропуска; 14 — трансграничные туристско-рекреационные регионы

Трансграничные туристско-рекреационные регионы карельского приграничья [5]:

I — Южнокарельский (российско-финский средний) мезорегион: *Сортавальский*, *Лахденпохский*, *Суоярвский*, *Питкярантский*, *Пряжинский*, частично *Прионежский*, *Олонецкий* МО и *Петрозаводский* городской округ (РФ); *Северная Карелия*, Северное Саво и значительная часть Южного Саво (Финляндия);

II — Среднекарельский микрорегион второго порядка: *Костомукшский* городской округ и *Калевальский* МО (РФ); область *Кайнуу* (Финляндия);

III — Северокарельский микрорегион третьего порядка: приграничные территории *Лоухского* МО (РФ) и *Северная Остроботния* (Финляндия).

Таким образом, из 18 муниципалитетов Республики Карелия 11 участвуют в образовании ТТРР, доминирующая часть которых приграничные; на финской стороне данный процесс охватывает 5 (по большей части) приграничных областей. Из семи приграничных муниципалитетов Республики Карелия только *Муезерский* МО не включен в процесс образования ТТРР.

Высокие результаты, полученные при ранжировании муниципалитетов региона по степени активности в реализации международной проектной деятельности в сфере туризма, и вовлеченность в образование ТТРР объединяют следующие муниципалитеты: *Петрозаводский* городской округ; *Сортавальский*, *Суоярвский*, *Лоухский*, *Питкярантский*, *Олонецкий* МО. Также можно добавить *Костомукшский* и *Пряжинский* муниципалитеты в силу роста активности участия в международных проектах туристской направленности во второй период — 2007 — 2020 годов.



Исследование значимости международной проектной деятельности Республики Карелия в сфере туризма в образовании ТТТР базируется на принятии в качестве оказывающих существенное влияние на данный процесс в карельском приграничье следующих направлений проектов:

- формирование и развитие трансграничных туристских маршрутов;
- формирование единых зон и туристских пространств (например, природоохранных);
- формирование коридоров развития;
- развитие сети контактов;
- формирование единого интернет-пространства.

Принимая то, что практически все реализуемые международные проекты сферы туризма прямо или косвенно направлены на установление контактов и развитие сети сотрудничества, содействие развитию туристско-рекреационной сферы деятельности, в исследовании выделенные направления учитываются только при указании их в качестве основных или составных целей/задач реализации проектов.

Учитывая, что в ТТТР-образовании непосредственное участие принимают приграничные муниципалитеты, в данной части будут рассмотрены только те проекты, реализация которых осуществлялась с участием хотя бы одного ПМО (52 проекта, или 65% от их общего числа). Исследование показало, что за период 1990—2020 годов доминирующая часть выделенных проектов (75%) способствует развитию ТТТР-образования, при этом наблюдается усиление данной компоненты при переходе к финансированию в рамках Программ приграничного сотрудничества «Карелия» (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение проектов с участием ПМО Республики Карелия за период 1990—2020 годов в фокусе ТТТР-образования, %**

Направление проекта (основное или составное)	1990—2020	1990—2006	2007—2020
Формирование и развитие трансграничных туристских маршрутов	19,2	15,2	26,3
Формирование единых зон и туристских пространств	23,1	18,2	31,6
Коридоры развития	5,8	9,1	0
Развитие сети контактов	19,2	15,2	26,3
Формирование единого интернет-пространства	7,8	3,0	15,8
Иные цели/задачи проекта	24,9	45,4	0
<i>Всего</i>	100	100	100

Представляется, что наибольшую роль в ТТТР-образовании имеют первые два из обозначенных ранее направлений: трансграничные туристские маршруты (за исследуемый период в рамках проектов создано более 10 таких маршрутов) и единые зоны/пространства, доля которых совокупно возросла с 33,4% в период 1990—2006 годов до 57,9% в период 2007—2020 годов, условно обозначим их как ТТТР-образующая компонента. Данные факты указывают на тенденцию к усилению связности территорий сопредельных государств в карельском приграничье. Направление «коридоры развития» в большей степени подразумевает крупномасштабные инвестиционные проекты, нацеленные на развитие трансграничных транспортных коридоров, включая обустройство инфраструктуры пересечения государственной

границы. Именно в первый период особое внимание уделялось развитию трансграничной транспортно-логистической связности территорий сопредельных государств. С совершенствованием инфраструктуры во втором периоде данное направление становится менее заметным.

Анализ показателей в муниципальном разрезе выявляет связь между долей ТТТРП-образующей компоненты в проектах муниципалитета и включенностью последнего в ТТТРП (табл. 4). Так, более половины проектов, реализованных в сфере туризма ПМО Республики Карелия и муниципалитетами, входящими в ТТТРП, были направлены именно на развитие данных направлений (совокупно соответственно 51,4 и 54,5%). Абсолютные показатели доли ТТТРП-образующей компоненты приграничных муниципалитетов колеблются в пределах от 42,8 (*Лоухский* МО) до 60% (*Калевальский* МО).

Таблица 4

**Направления проектной деятельности туристской направленности в муниципальном разрезе за период 1990—2020 годов, %, медиана**

Муниципалитет	Направление проекта (основное и/или составное)				
	Трансграничные туристские маршруты	Единые зоны и туристские пространства	Развитие сети контактов	Единое интернет-пространство	Иные цели/задачи проекта
ПМО	21,4	30	18,2	18,2	12,0
Глубинные МО	24	0	17,4	28	26,15
МО, входящие в ТТТРП*(11)	26,5	28	18,2	18,2	21,4
МО, не входящие в ТТТРП	18,5	0	22,5	41,4	20,8

Примечание: \* — Петрозаводский городской округ не рассмотрен.

Высокие показатели ТТТРП-образующей компоненты Питкярантского и Пряжинского (45,4%), а также Олонецкого и Прионежского МО (32%) могут определяться территориальной близостью к *Сортавальскому* МО, историческими аспектами развития территорий и расположением на международном туристском маршруте «Голубая дорога», соединяющем страны Скандинавии через Республику Карелию с глубинными регионами России. Вместе с тем у данных муниципалитетов при реализации проектов фиксируется достаточно высокая доля иных целей (27—33%).

При этом средняя доля проектов ПМО с иными целями кроме способствующих ТТТРП-образованию в сравнении с другими группами муниципалитетов наименьшая. Например, для *Костомукшского* городского округа за период 1990—2020 годов данный показатель составляет лишь 7,1% от общего числа проектов муниципалитета, для *Суоярвского* и *Калевальского* — 9—10%, для *Сортавальского* — 12,5%, для *Лоухского* — 15,4%, лишь для *Лахденпохского* МО — 22,2%.

Самые низкие доли ТТТРП-образующей компоненты наблюдаются у глубинных и отдаленных от государственной границы муниципалитетов региона, что обусловлено в большей степени именно расположением территорий. Наименьшей долей ТТТРП-образующей компоненты в проектах характеризуется Пудожский МО (10%), именно здесь фиксируется максимальная доля проектов с иными целями (60%).

Показательно, что глубинные муниципалитеты региона, а также районы, не входящие в ТТТРП, при отсутствии пока возможности формирования реального трансграничного пространства демонстрируют наибольшую заинтересованность в развитии единого интернет-пространства: соответственно 28 и 41,4%.

Распределение по сформированным и формирующимся ТТРП в карельском приграничье показало, что доминирующая часть проектов охватывает территорию Южнокарельского (российско-финского среднего) мезорегиона (43,6 и 32,7% соответственно от числа проектов с фокусом на ТТРП-образование и от числа с участием ПМО). Следующую большую группу составляют проекты, реализация которых осуществлялась с участием муниципалитетов, относящихся к различным ТТРП (35,9 и 26,9%). Незначительные почти равные доли занимают проекты, охватывающие территории Среднекарельского микрорегиона второго порядка и *Муезерского* МО (7,7 и 5,8%). На долю Северокарельского микрорегиона третьего порядка приходится незначительная доля проектов (5,1 и 3,8%).

## **Заключение**

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о высокой значимости международной проектной деятельности в сфере туризма за исследуемый период 1990—2020 годов в формировании и развитии ТТРП в карельском приграничье. Проведенное исследование в муниципальном разрезе позволило выявить ряд общих тенденций и специфику реализации международных проектов туристской направленности в Республике Карелия в контексте ТТРП-образования (ранжировано по степени значимости для цели исследования):

- 1) связь между долей ТТРП-образующей компоненты в проектах муниципалитета и включенностью последнего в ТТРП за исследуемый период 1990—2020 годов;
- 2) тенденцию к усилению связности территорий сопредельных государств в карельском приграничье на основе проектной деятельности в сфере туризма;
- 3) наличие пяти направлений (основная или составная цель и/или задача проекта) в качестве критериев для отнесения международного проекта в сфере туризма как способствующего ТТРП-образованию в карельском приграничье;
- 4) лидирующие позиции Петрозаводского городского округа и Сортавальского муниципалитета в реализации международной проектной деятельности в сфере туризма на протяжении всего исследуемого периода;
- 5) существенное влияние приграничного положения на активность участия муниципальных образований в проектной деятельности.

Полученные результаты позволяют создать комплексное представление о значимости международной проектной деятельности в сфере туризма в формировании и развитии трансграничных туристско-рекреационных регионов в карельском приграничье. Практическое применение предложенного подхода дает возможность расширить возможные варианты принимаемых управленческих решений, выступая в качестве инструмента региональной экономической политики в сфере туризма.

## **Список литературы**

1. *Кропинова Е. Г.* Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.
2. *Манаков А. Г.* Предпосылки формирования трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона // Псковский региональный журнал. 2017. № 3 (31). С. 104—118.
3. *Манаков А. Г., Голомидова Е. С.* Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях России, Эстонии и Латвии // Географический вестник. 2018. № 2 (45). С. 156—166.
4. *Manakov A. G., Golomidova E. S.* Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region // Baltic region. 2018. No. 1 (10). P. 130—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.

5. Манаков А. Г., Теренина Н. К., Кондратьева С. В. Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 140—152. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9.
6. Манаков А. Г., Голомидова Е. С., Иванов И. А. Оценка величины туристского потока в пределах трансграничных туристско-рекреационных регионов на северо-западном побережье России // Известия Русского географического общества, 2019. № 5 (151). С. 18—31.
7. Дерендяева Т. М., Мухина Г. А. Проблемы двустороннего развития туризма и трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (40). С. 142—144.
8. Studzieniecki T. The development of cross-border cooperation in an EU macroregion — a case study of the Baltic Sea Region // Procedia Economics and Finance. 2016. № 39. P. 235—241.
9. Себенцов А. Б., Колосов В. А., Зотова М. В. Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2016. № 4. С. 64—72.
10. Pysz J. K., Cargnin A. P., Lemos B., Rückert A. The Assessment of the INTERREG VA Program: Support for the Polish-Slovak Cross-Border Projects // Cross-Border Cooperation (CBC) Strategies for Sustainable Development. 2020. P. 43—69. doi: 10.4018/978-1-7998-2513-5.ch003
11. Шорохов Е. А., Громов В. В., Червяков О. В., Шлямин В. А. Международный опыт развития туризма в российской части Баренцева Евро-Арктического региона. Петрозаводск, 2001.
12. Панкратова А. И. Исследование проектов трансграничного сотрудничества, направленных на развитие индустрии гостеприимства Балтийского региона // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. Т. 5, № 4. С. 83—92.
13. Makkonen T., Williams A., Weidenfeld A., Kaisto V. Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: tourism cooperation at the Finnish-Russian border // Tourism management. 2018. Vol. 68. P. 140—151.
14. Stoffelen A. Tourism trails as tools for cross-border integration: A best practice case study of the Vennbahn cycling route // Annals of Tourism Research. 2018. № 73. P. 91—102.
15. Шеков В. А. Геологическое и горно-индустриальное наследие Карелии Финляндии. Проект Программы приграничного сотрудничества ENPI CBC «Karelia» КА 334 «Mining road» // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 7. С. 205—210.
16. Степанова С. В. Трансграничные туристские маршруты: возможности Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 129—151. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-7.
17. Nenonen J. K., Stepanova S. V. Geological tourism development in the Finnish-Russian borderland: the case of the cross-border geological route «Mining Road» // Acta Geoturistica. 2018. Vol. 9, № 1. P. 23—29. doi: 10.1515/agta-2018-0003.
18. Амурова М., Зайцева Н. А. Направления развития лечебно-оздоровительного туризма курортных территорий на основе реализации проектов трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе // Экономика и социум. 2016. № 5—1 (24). С. 132—135.
19. Kropinova E. G. The Role of Tourism in Cross-Border Region Formation in the Baltic Region // Baltic Region — The Region of Cooperation. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences / G. Fedorov, A. Druzhinin, E. Golubeva [et al.]. Springer, 2020. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-14519-4\\_10](https://doi.org/10.1007/978-3-030-14519-4_10).
20. Nilsson J. H., Eskilsson L., Ek R. Creating Cross-Border Destinations: Interreg Programmes and Regionalisation in the Baltic Sea Area // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2010. № 2 (10). P. 153—172. doi: 10.1080/15022250903561978
21. Корнеевец В. С., Кропинова Е. Г. Программа приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» на 2007—2013 годы в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики и обеспечении устойчивого развития территории // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 7. С. 152—156.
22. Кропинова Е. Г. Проект «Перекрестки 2.0» в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 53—59.
23. Prokkola E.-K. Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: “Destination Arctic Circle” // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2007. 7:2. P. 120—138. doi: 10.1080/15022250701226022.
24. Palmowski T., Fedorov G. M. The potential for development of Russian-Polish cross-border region // Geography, Environment, Sustainability. 2020. № 13 (1). P. 21—28.

25. Więckowski M., Cerić D., Evolving tourism on the Baltic Sea coast: perspectives on change in the Polish maritime borderland // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2016. Vol. 16, iss. 1. P. 98—111. doi: 10.1080/15022250.2016.1244598.

26. Сологуб А. П. Межправительственное сотрудничество в регионе Балтийского моря: роль международной проектной деятельности в конструировании региона // В мире научных открытий. 2015. № 37. С. 3191—3211.

27. Björk P., Virtanen H. What Tourism Project Managers Need to Know about Co-operation Facilitators // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2005. 5:3. P. 212—230. doi: 10.1080/15022250510014354.

28. Shepherd J., Ioannides D. Useful funds, disappointing framework: tourism stakeholder experiences of INTERREG // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2020. 20:5. P. 485—502. doi: 10.1080/15022250.2020.1792339.

29. Степанова С. В. Развитие туризма в приграничье: преимущества или ограничения? (карельская практика) // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 2. С. 94—111. doi: 10.5922/2079-8555-2019-2-6.

30. Stepanova S. V. The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects // *Geographia Polonica*. 2019. Vol. 92, № 4. P. 409—428. doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0156>.

## Об авторе

**Светлана Викторовна Кондратьева**, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Россия.

E-mail: [svkorka@mail.ru](mailto:svkorka@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

---

# PROJECT APPROACH TO TRANSBOUNDARY TOURISM-AND-RECREATION REGION BUILDING: THE CASE OF KARELIA

---

**S. V. Kondrateva**

---

Institute of Economics, Karelian Research Centre,  
Russian Academy of Sciences  
50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk,  
Republic of Karelia, 185030, Russia

Received 26 November 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-7  
© Kondrateva, S. V., 2021

*This article considers international projects as a factor in building and developing transboundary tourism-and-recreation regions. The Karelian part of the Russian-Finnish border and the adjoining areas of Russia and Finland were the model site for the study. The research aims to measure the contribution of international projects run in 1990–2020 to transboundary region building in the Karelian borderlands. The analysis of 80 international municipal projects shows that they gave a boost to region building and development in the study area. Common trends and specific features of international projects carried out in Karelian municipalities have been identified in the context of transboundary tourism-and-recreation region building. The findings add to a comprehensive picture of how international tourism*

---

**To cite this article:** Kondrateva, S. V. 2021, Project approach in transboundary tourism-and-recreation region building: the case of Karelia, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no. 1, p. 124–137. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-7.

projects may forward the building and development of transboundary tourism-and-recreation regions. The results of the study can be used in research into international cooperation and tourism. The proposed approach may serve as a tool of a regional economic policy on tourism and thus broaden the scope of possible managerial decisions.

### Keywords:

municipality, Republic of Karelia, tourism projects, Karelian borderlands, Finland, transboundary tourism-and-recreation region

### References

1. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichnye turistsko-rekreatsionnye regiony na Baltike* [Cross-border tourist and recreational regions in the Baltic. Kaliningrad], Kaliningrad, 272 p. (in Russ.).
2. Manakov, A. G. 2017, Preconditions for the formation of the Latvian-Estonian-Russian cross-border tourism and recreation region, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), p. 104—118 (in Russ.).
3. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Cross-border tourist and recreational regions in the adjacent territories of Russia, Estonia and Latvia, *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], no. 2 (45). 156—166 (in Russ.).
4. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region, *Balt.Reg.*, no. 1 (10), p. 130-141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-8.
5. Manakov, S. V., Terenina, A. G., Kondrateva, N. K. 2020, Development of cross-border tourist and recreational regions on the Karelian section of the Russian-Finnish border, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 140-152. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-9.
6. Manakov, A. G., Golomidova, E. S., Ivanov, I. A. 2019, Assessment of the size of the tourist flow within the cross-border tourist and recreational regions in the north-western border of Russia, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society], no. 5 (151), p. 18—31 (in Russ.).
7. Derendyaeva, T. M., Mukhina, G. A. 2015, Problems of bilateral tourism development and cross-border cooperation in the Baltic region, *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 2 (40), p. 142—144 (in Russ.).
8. Studzieniecki, T. 2016, The development of cross-border cooperation in an EU macroregion — a case study of the Baltic Sea Region, *Procedia Economics and Finance*, no. 39, p. 235—241.
9. Sebentsov, A. B., Kolosov, V. A., Zotova, M. V. 2016, Tourism and cross-border cooperation in the Kaliningrad region, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Episode 5: Geography], no. 4, p. 64—72 (in Russ.).
10. Pysz, J. K., Cargnin, A. P., Lemos, B., Rückert, A. 2020, The Assessment of the INTERREG VA Program: Support for the Polish-Slovak Cross-Border Projects. In: *Cross-Border Cooperation (CBC) Strategies for Sustainable Development*. doi: 10.4018/978-1-7998-2513-5.ch003.
11. Shorokhov, E. A., Gromov, V. V., Chervyakov, O. V., Shlyamin, V. A. Shorokhov E. A., Gromov V. V., Chervyakov O. V., Shlyamin V. A. 2001, *Mezhdunarodnyi opyt razvitiya turizma v rossiiskoi chasti Barentseva Evro-Arkticheskogo regiona* [International experience in tourism development in the Russian part of the Barents Euro-Arctic region], Petrozavodsk, 23 p. (in Russ.).
12. Pankratova, A. I. 2018, Study of cross-border cooperation projects aimed at developing the hospitality industry in the Baltic region, *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: a look into the future], vol. 5, no. 4, p. 83—92 (in Russ.).
13. Makkonen, T., Williams, A., Weidenfeld, A., Kaisto, V. 2018, Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: tourism cooperation at the Finnish-Russian border, *Tourism management*, no. 68, p. 140—151.
14. Stoffelen, A. 2018, Tourism trails as tools for cross-border integration: A best practice case study of the Vennbahn cycling route, *Annals of Tourism Research*, no. 73, p. 91—102.
15. Shekov, V. A. 2015, Geological and mining-industrial heritage of Karelia, Finland. Draft Cross-Border Cooperation Program ENPI CBC “Karelia” KA 334 “Mining road”, *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], no. 7 ,p. 205—210 (in Russ.).



16. Stepanova, S. V. 2017, Cross-Border Tourist Routes: The Potential of Russia's North- West, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 4, p. 97—112. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-7.
17. Nenonen, J. K., Stepanova, S. V. 2018, Geological tourism development in the Finnish-Russian borderland: the case of the cross-border geological route «Mining Road», *Acta Geoturistica*, vol. 9, no. 1, p. 23-29. doi: 10.1515/agta-2018-0003.
18. Amurova, M., Zaitseva, N. A. 2016, Directions for the development of health-improving tourism in resort areas based on the implementation of cross-border cooperation projects in the Baltic region, *Ekonomika i sotsium* [Economy and society], no. 5-1 (24), p. 132—135 (in Russ.).
19. Kropinova, E. G. 2020, The Role of Tourism in Cross-Border Region Formation in the Baltic Region. In: Fedorov, G., Druzhinin, A., Golubeva, E., Subetto, D., Palmowski, T. (eds) *Baltic Region — The Region of Cooperation*, Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences, Springer, Cham. doi: [https://doi.org/10.1007/978-3-030-14519-4\\_10](https://doi.org/10.1007/978-3-030-14519-4_10).
20. Nilsson, J. H., Eskilsson, L., Ek, R. 2010, Creating Cross-Border Destinations: Interreg Programmes and Regionalisation in the Baltic Sea Area, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, no. 2 (10), p. 153-172. doi: 10.1080/15022250903561978.
21. Korneevets, V. S., Kropinova, E. G. 2010, The program of cross-border cooperation “Lithuania - Poland - Russia” for 2007-2013 in the formation of the cross-border tourism region of the South-Eastern Baltic and ensuring sustainable development of the territory, *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. Vyp. 7. [Bulletin of the. I. Kant Russian State University, Vol. 7.], p. 152—156 (in Russ.).
22. Kropinova, E. G. 2014, Project “Crossroads 2.0” in the formation of a cross-border tourism region of the South-Eastern Baltic, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 17, p. 53—59 (in Russ.).
23. Prokkola, E.-K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: “Destination Arctic Circle”, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, no. 2, p. 120-138. doi: 10.1080/15022250701226022.
24. Palmowski, T., Fedorov, G.M. 2020, The potential for development of Russian-Polish cross-border region, *Geography, Environment, Sustainability*, no. 13 (1), p. 21—28.
25. Więckowski, M., Cerić, D. 2016, Evolving tourism on the Baltic Sea coast: perspectives on change in the Polish maritime borderland, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 16, no. 1, p. 98-111. doi: 10.1080/15022250.2016.1244598.
26. Sologub, A. P. 2015, Intergovernmental cooperation in the Baltic Sea region: the role of international project activities in the design of the region, *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discovery], no. 37, p. 3191—3211 (in Russ.).
27. Björk, P., Virtanen, H. 2005, What Tourism Project Managers Need to Know about Co-operation Facilitators, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 5, no. 3, p. 212-230. doi: 10.1080/15022250510014354.
28. Shepherd, J., Ioannides, D. 2020, Useful funds, disappointing framework: tourism stakeholder experiences of INTERREG, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 20, no. 5, p. 485-502. doi: 10.1080/15022250.2020.1792339.
29. Stepanova, S. V. 2019, Tourism development in border areas: a benefit or a burden? The case of Karelia, *Balt. reg.*, no. 2, p. 94-111. doi: 10.5922/2079-8555-2019-2-6.
30. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, no. 4, p. 409—428. doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0156>.

## The author

**Dr Svetlana V. Kondrateva**, Researcher, the Department of Regional Economic Policy, the Institute of Economics Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: [svkorka@mail.ru](mailto:svkorka@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

---

---

# СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

---

---

## СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ДЛЯ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

---

---

**Т. Пальмовский**

---

Гданьский университет,  
80–309, Польша, Гданьск, ул. Яна Бажиньского, 8

Поступила в редакцию 18.10.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-8  
© Пальмовский Т., 2021

*Балтийское море и его побережье образуют уникальный европейский макрорегион. Прочные кооперационные связи и конкуренция — характерные черты Балтийского региона с самого начала его цивилизационного развития. В 2004 году Балтика практически стала внутренним морем ЕС, что укрепило сотрудничество между странами на его берегах. Во многих сферах сотрудничество приобретает сетевые формы. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря — важный стимул для дальнейшей интеграции. Цель статьи — выявить изменяющиеся тенденции и структурные преобразования в процессе интеграции в Балтии, вызванные реализацией Стратегии ЕС для региона Балтийского моря. В документе прописаны цели развития региона, укрепляющие сотрудничество и раскрывающие потенциал Балтийского моря. Три главные цели Стратегии — это охрана морской среды, транспортная связность и повышение благосостояния. Сотрудничество опирается на совместную разработку программ развития национального, регионального и местного уровня с привлечением научно-исследовательских центров, региональной инфраструктуры, оперативных программ и частных компаний. В долгосрочной перспективе политическая стабилизация и экономическое развитие могут превратить зарождающийся транснациональный регион в новый экономический и культурный центр Европы.*

### **Ключевые слова:**

европейская интеграция, макрорегион, Европейская стратегия для региона Балтийского моря (ЕСРБМ)

### **Введение**

---

Политические, экономические, социальные и территориальные изменения конца 1980-х — начала 1990-х годов возродили региональное мышление в Европе. Территории, ранее находившиеся на окраине европейской политической и экономической жизни, стали важными акторами европейского сотрудничества. В частности, эту периферийную роль играли страны Балтийского моря. Поиск партнеров в регионе был резко ограничен тем, что составляющие его государства принадлежали к конфликтующим интеграционным объединениям. Распад одного из них

---

**Для цитирования:** Пальмовский Т. Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря и ее реализация // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 138–152. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-8.

позволил выстроить в 1990-х годах новый порядок межнациональной кооперации стран Балтийского моря. В последующие годы государства Балтийского моря запустили множество государственных, институциональных и правительственных программ и создали несколько неправительственных организаций. Их деятельность способствует сближению обществ Балтийской Европы [1].

В статье анализируются механизмы реализации Стратегии ЕС для региона Балтийского моря (СЕСРБМ) и ее соответствие текущей фазе балтийской интеграции. Исследование состоит из пяти частей. В первой рассматриваются теоретические аспекты изучения региона, макрорегиона и макрорегиональных стратегий. Вторая часть посвящена становлению балтийской интеграции, а в третьей анализируются цели и эффективность СЕСРБМ. В четвертой части уделяется внимание некоторым проектам, реализуемым в Южной Балтике. В последней части представлены возможные сценарии для СЕСРБМ после 2020 года. Статья завершается выводами.

## **Регион, макрорегион и макрорегиональные стратегии**

Поскольку Балтийский регион соответствует критериям основных направлений географических исследований, ему посвящено множество исследовательских работ. Явления и процессы, имеющие место в регионе, описываются различными дисциплинами, тем не менее попытки объяснить феномен региона и интенсивность факторов, оказывающих влияние на его структуру, развитие и обусловленные ими функции, немногочисленны [2]. Регион изучают географы, экономисты, социологи, политологи, правоведы, демографы, биологи и представители других дисциплин. В географии региональная парадигма активно развивалась в 1950—1960-х годах. Были разработаны новые теоретические и методологические подходы. Возникло новое направление исследований — региональная наука, описанная, например, в работах У. Айзарда [3]. Попытки построить общую картину обычно предпринимались отдельными учеными, в то же время проводились и коллективные исследования региона специалистами в одной или смежных областях. В региональном контексте были выделены специфические проблемы, но каждая дисциплина решала исключительно профильные задачи.

Политические, социальные, экономические и культурные преобразования, имевшие место в конце 1980-х — начале 1990-х годов в Центральной Европе снова пробудили интерес к региональным исследованиям. Попытки понять природу и роль региона нашли отражение в таких философских течениях, как структурализм и реализм, оказавших значительное влияние на основы географии [4; 5]. Все чаще стала упоминаться тесная связь дисциплины с общественными науками и их практическими воплощениями. К. Дзевоньский [6] предложил три концепции региона: регион как инструмент исследования (анализа), как субъект познания и как площадка для действия.

В международных отношениях термин «регион» часто употребляется для обозначения природных объектов, таких как водосборные бассейны крупных рек или морей, и территорий, играющих важную роль в транспортных системах. Географический подход к определению региона используется в случаях Балтийского, Северного и Средиземного морей. Функции морского региона определяются соответствующими нормами морского права.

Сегодня далеко не все прибрежные регионы — периферия своих стран. Напротив, многие из них стали местами постоянных и прямых контактов государства и общества с партнерами из соседних приморских стран. Выход к морю всегда играл важную роль в жизни стран и народов. Прибрежные регионы традиционно отличаются повышенной экономической активностью и быстрым цивилизационным развитием [7].

Становление европейских регионов — двоякий процесс: инициативы центральных властей по созданию политических регионов сочетаются с инициативой снизу, возникающей в результате региональных действий тогда, когда взаимовыгодное экономическое сотрудничество не влечет за собой потерю автономии и культурной идентичности [8]. Бесспорным преимуществом регионов разных уровней является их стабилизирующая функция. Регионализация позволяет сформировать местную, региональную и национальную идентичности и налаживать взаимодействие между обществами [9].

Балтийская интеграция — предмет региональных исследований, как проводимых в рамках экономической географии, так и интердисциплинарных. Глубокие знания о регионе способствуют его дальнейшему развитию и функционированию.

Сама идея региона (макрорегиона) — это одновременно его концептуальный аспект и интерпретация его коллективной роли. Эта идея необязательно относится только к его реальным компонентам. Она может включать в себя и господствующие представления о регионе и его истории. При этом идея региона не дает полной картины и не отражает его территориальные характеристики [4].

Значение Балтийского региона как европейского макрорегиона было оценено по достоинству так же, как и его возможная роль моста между старым Западом и Востоком [10].

В основе концепции макрорегиональной стратегии лежит общая региональная идентичность, которая не только влияет на социальное, экономическое и культурное развитие, но и способствует разработке планов действий и стратегий, нацеленных на решение текущих проблем и раскрытие регионального потенциала. Концепция — часть политического плана по реструктуризации европейской территории и укреплению транснациональной региональной идентичности. Кроме того, она вписана в концепцию многоуровневого управления, представляющую Европейскую комиссию модератором и драйвером развития [11].

Взгляд на развитие ЕС сквозь призму транснациональных регионов позволяет переосмыслить основные термины «пространство», «территория», «управление». Региональный подход используется и в международных отношениях. В этом контексте он требует глубокого аналитического осмысления, так как динамика регионального сотрудничества выходит за рамки традиционного подхода к изучению международных отношений и функционирования таких игроков, как Европейский союз.

Макрорегиональные стратегии — часть инструментария для долгосрочного развития Евросоюза. В частности, они упоминаются в новом документе ЕС «Европа 2020: Стратегия разумного, устойчивого и инклюзивного роста»<sup>1</sup>. В нем говорится о роли регионов, ставших полноправными участниками политических процессов наравне с государствами — членами ЕС и его институтами.

Макрорегиональные стратегии, являющиеся элементом стратегического планирования, финансируются в рамках программ политики сплочения в регионах и странах — членах ЕС. В некоторых случаях члены ЕС могут направлять средства, выделенные на стратегическое развитие, на реализацию макрорегиональных стратегий и стратегий развития морских бассейнов.

Макрорегиональные стратегии — это комплексные программы, одобренные ЕС для определенного географического региона. Меры, принимаемые в рамках таких стратегий, могут финансироваться европейскими структурными и инвестиционными фондами. Макрорегиональные стратегии нацелены на решение проблем геогра-

<sup>1</sup> *Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth.* URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%2020007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

фических регионов, сформированных государствами ЕС и третьими странами. Достижение экономического, социального и территориального единства, как правило, идет на пользу обеим сторонам.

Сегодня ЕС реализует четыре макрорегиональные стратегии. Они охватывают 19 государств ЕС и 8 третьих стран. Первый документ такого рода, Стратегия ЕС для региона Балтийского моря, был принят в 2009 году. В дальнейшем стратегии были разработаны для Дунайского (2010), Адриатико-Ионического (2014) и Альпийского (2015) регионов.

### История Балтийской интеграции

В послевоенной истории Балтийского региона первые попытки интеграции касались защиты морской среды — сферы, наименее затронутой политическим противостоянием, тормозившим развитие многосторонних отношений.

Совместная защита вод и живых ресурсов Балтийского моря при участии всех стран региона (Дании, Финляндии, Швеции, ФРГ, ГДР, Польши и СССР) началась с подписания Конвенции о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и Бельтах (Гданьская конвенция) в 1973 году и конвенциями о защите природной морской среды Балтийского моря в 1974 и 1992 годах (Хельсинкские конвенции)<sup>2</sup>. Благодаря новаторскому подходу эти документы стали образцом для других европейских регионов. В 1991 году прежняя геополитическая система распалась, что привело к серьезным преобразованиям. Искусственная изоляция балтийских соседей ушла в прошлое. В новой геополитической ситуации возникли новые возможности для динамичного экономического и культурного сотрудничества. Важно было поддержать развитие новых отношений. Вокруг Балтийского моря рождались новые идеи и подходы, призванные определить будущее региона [12]. Началось развитие Балтийского региона и региональной сети экономических и социальных отношений.

В 1990-х годах произошел «взрывной» рост кооперационных инициатив, появились новые формы сотрудничества. Их точное количество неизвестно. Чтобы описать разнообразие возникших связей, был введен термин «феномен балтийского сотрудничества» [7]. Кооперация затрагивала четыре основные сферы: политику, экономику, экологию и культуру.

Политическое сотрудничество балтийских стран развивается при поддержке ряда институтов: Балтийской парламентской конференции, Совета государств Балтийского моря (СГБМ), Конференции премьер-министров СГБМ, Субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря (ССГБМ), Скандинавского совета.

Сотрудничество в области охраны окружающей среды обеспечивается общими правовыми нормами, соответствующими исполнительными структурами и различными организациями, в том числе неправительственными. Ключевую роль играет Хельсинкская комиссия (ХЕЛКОМ). Все страны региона принимают активное участие в многочисленных совместных интеграционных проектах.

Евросоюз вносит важный вклад в сотрудничество. После вступления в ЕС Швеции и Финляндии (1995), а также Польши, Эстонии, Латвии и Литвы (2004) и заключения соглашений с Россией о партнерстве и сотрудничестве Балтика практически стала внутренним морем Евросоюза.

Отношения между Балтийской Европой и ЕС приобрели особое значение после вступления в ЕС Швеции и Финляндии. Инициатива Евросоюза «Северное измере-

---

<sup>2</sup> Впервые в истории данные конвенции позволили странам, имеющим противоположную идеологическую, политическую и экономическую ориентации, сотрудничать в области защиты морской среды.

ние»<sup>3</sup>, предложенная Финляндией в 1997 году, была направлена на совершенствование политической координации ЕС в Северной Европе и сокращение диспропорций в экономическом развитии между странами ЕС и Россией, а также бывшими странами Восточного блока. После вступления Польши, Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС «Северное измерение» служит платформой для сотрудничества ЕС и Российской Федерации.

Принятие СЕСРБМ в 2009 году ознаменовало появление нового подхода ЕС к регионализации и управлению. Стратегия — это не только аналитический инструмент и нормативный документ, но и практическое руководство по многоуровневому управлению.

### **Задачи и реализация СЕСРБМ**

Главная цель СЕСРБМ — укрепление сотрудничества в регионе и развитие потенциала, возникшего в результате расширения ЕС. Европейский парламент выступил инициатором разработки Стратегии, а в 2006 году принял резолюцию по СЕСРБМ. В декабре 2007 года Европейский совет, рассмотрев предложение стран региона, в частности Швеции, поручил Европейской комиссии (ЕК) создание СЕСРБМ. В июне 2009 года Стратегию одобрила ЕК, а в октябре — Европейский совет.

Четыре главные цели документа были сформулированы следующим образом: экологически устойчивый регион, регион процветания, доступный и привлекательный регион, безопасный регион. Основа Стратегии — многоуровневое сотрудничество на национальном, региональном и местном уровнях с привлечением научно-исследовательских организаций, университетов, региональных структур, центров управления программами и частного сектора. Стратегия способствует развитию контактов, запуску новых и продвижению существующих международных проектов. СЕСРБМ стала первой макрорегиональной внутренней стратегией ЕС. Созданный ею задел лег в основу еще трех макрорегиональных стратегий ЕС, разработанных до 2016 года.

СЕСРБМ придала новое измерение концепции развития региона и побудила политически заинтересованные стороны действовать в определенных ею пространственных, институциональных и нормативных рамках [11]. Стратегия стала хорошим примером расширения сотрудничества в Балтийской Европе и в европейской политике. Это успешная попытка стабилизировать геополитическую ситуацию и обеспечить безопасность в регионе, примыкающем к Скандинавским странам. В региональном сотрудничестве партнерство идет рука об руку с развитием зон влияния. Кроме того, кооперация становится связующим звеном между сверхдержавами [13].

До конца 2016 года Стратегия стимулировала развитие новых сетей и повышала эффективность существующих. Среди них стоит упомянуть форум по рыболовству в Балтийском море (BALTFISH) и Сеть инициатив по рациональному и инновационному использованию ресурсов Балтийского моря (SUBMARINER). Консолидация многоуровневого управления в регионе задавала рамки для диалога организаций региона Балтийского моря (РБМ). Тесное сотрудничество и эффективная координация на национальном и международном уровнях, а также на уровне региональных организаций дали синергетический эффект.

<sup>3</sup> *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0248> (дата обращения: 06.10.2020).*



СЕСРБМ — это единый взгляд стран ЕС и ЕК на ситуацию в регионе, а также платформа для сотрудничества. Государства ЕС играют ключевую роль в осуществлении стратегии. СЕСРБМ — первая макрорегиональная внутренняя стратегия ЕС. Она реализуется за счет финансовых инструментов ЕС, национальных фондов и международных финансовых организаций. Стратегия опирается на План действий, включающий основные направления (ОН) и горизонтальные инициативы (ГИ). В Плане действий сформулированы три главные цели: защита морской среды, связность региона и повышение благосостояния.

С июня 2015 года Стратегия включает в себя 13 основных направлений и 4 горизонтальные инициативы. Для их реализации запущено 170 флагманских проектов. В документе ставятся следующие задачи.

### **1. Защита морской среды.**

- 1.1. Чистая вода.
- 1.2. Видовое разнообразие и благополучие живой природы.
- 1.3. Экологичный и безопасный морской транспорт.
- 1.4. Расширение сотрудничества.

### **2. Связность региона.**

- 2.1. Развитие транспорта.
- 2.2. Надежные энергетические рынки.
- 2.3. Контакты между жителями региона.
- 2.4. Совместная борьба с трансграничной преступностью.

### **3. Повышение благосостояния.**

- 3.1. РБМ как единый рынок.
- 3.2. СЕСРБМ как часть Стратегии ЕС — 2020.
- 3.3. Повышение конкурентоспособности РБМ.
- 3.4. Адаптация к изменению климата, предотвращение и управление рисками.

Стратегию дополняет План действий. Он содержит подробные сведения по всем основным направлениям, соответствующим трем главным целям. План постоянно дополняется. Поправки вносились в него уже более десяти раз. Последние — в 2017 году<sup>4</sup>. В План включены 13 ОН и четыре ГИ. В число ОН входят:

1. Биоэкономика: сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство.
2. Культура: сфера культуры и творчества.
3. Образование: образование, исследования, трудоустройство.
4. Энергетика: план действий по синхронизации электросетей стран Балтии для конкурентоспособной, безопасной и устойчивой энергетики.
5. Угрозы: ограничения на использование опасных веществ.
6. Здоровоохранение: укрепление здоровья и решение социальных проблем.
7. Инновации: развитие научного потенциала, участие малых и средних предприятий, единый цифровой рынок как источник человеческого капитала и инвестиций.
8. Биомасса: снижение объемов сброса питательных веществ в море.
9. Экология: регион — лидер в обеспечении безопасности и защите морской среды.
10. Безопасность: устойчивость к кризисам на суше, сокращение трансграничной преступности.
11. Судходство: создание условий для экологически чистого судходства в регионе.

<sup>4</sup> *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region.* URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0248> (дата обращения: 06.10.2020).

12. Туризм: повышение связности макрорегиона.

13. Транспорт: улучшение внутренних и внешних транспортных связей.

ГИ включают в себя:

1. Пространственное планирование в прибрежных районах всех странах РБМ и разработка единого подхода к трансграничному сотрудничеству.

2. Соседство — создание добавленной стоимости в РБМ путем расширения сотрудничества между регионами и соседними странами.

3. Потенциал — наращивание потенциала и бóльшая вовлеченность.

4. Климат<sup>5</sup>.

ОН и ГИ координируются одной или двумя странами или неправительственными организациями. На национальном уровне существуют контактные центры, привлекающие национальные организации к участию в реализации СЕСРБМ, в частности флагманских проектов в рамках ОН и ГИ. Большинство таких проектов — это инициативы снизу, хотя некоторые из них были запущены координаторами ОН и ГИ. В большинстве случаев проекты поддерживаются заинтересованными сторонами и согласовываются с координаторами соответствующих ОН и ГИ. Кроме того, ресурсы для их выполнения зачастую предоставляют международные и национальные финансовые организации [14].

Польша координирует три ОН СЕСРБМ:

1. Биомасса: снижение объемов сброса питательных веществ в море.

2. Инновации: развитие научного потенциала, участие малых и средних предприятий, единый цифровой рынок как источник человеческого капитала и инвестиций.

3. Культура: сфера культуры и творчества.

СЕСРБМ опирается на принцип «трех нет»: никаких новых расходов со стороны ЕС, никаких новых институтов ЕС, никаких новых нормативных актов ЕС. Для реализации СЕСРБМ используются средства, выделенные макрорегиону в рамках других инструментов.

В частности, СЕСРБМ финансируется за счет трех крупных программ ИНТЕРРЕГ. К 1990 году ЕК запустила первую программу ИНТЕРРЕГ, которая в то время была посвящена исключительно приграничному сотрудничеству. Со временем изменились ее масштаб, приоритеты и механизмы финансирования. Бюджет пятой программы ИНТЕРРЕГ (2014—2020) превысил бюджет 1990 года в десять раз. ИНТЕРРЕГ рассматривается как способ подготовить приграничные регионы к открытию рынков с целью ускорения роста и развития территорий, а также расширения сотрудничества за пределами национальных границ [15].

В 1994 году в рамках ИНТЕРРЕГ были выделены три компонента: трансграничное сотрудничество, международное сотрудничество и транснациональные электросети. ИНТЕРРЕГ III включает в себя три направления: трансграничное сотрудничество (А), транснациональное сотрудничество (В) и межрегиональное сотрудничество (С). В 2007 году ИНТЕРРЕГ был включен в политику сплочения ЕС, а упомянутые выше направления стали целью европейского территориального сотрудничества.

Направление В объединяет несколько стран, участвующих в пятнадцати программах транснационального сотрудничества. Оно охватывает макрорегионы, которые определяются как соседние территории нескольких стран или регионов,

<sup>5</sup> Commission Staff Working Document European Union Strategy for the Baltic Sea Region. Action plan {com (2009) 248}. URL: [https://ec.europa.eu/regional\\_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/action\\_20032017\\_en.pdf](https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/action_20032017_en.pdf) (дата обращения: 06.10.2020).

имеющие общие цели и проблемы [16]. Макрорегион Балтийского моря — это «территория, которая состоит из ряда административных регионов, имеющих достаточно общих проблем для применения единого стратегического подхода»<sup>6</sup>.

ИНТЕРРЕГ В направлена на стимулирование макрорегиональных инициатив. С точки зрения источников финансирования ИНТЕРРЕГ для РБМ занимает особую позицию среди программ направления В. В Балтийской программе принимают участие Дания, Эстония, Финляндия, Латвия, Польша, Швеция и северные земли Германии, а также страны-партнеры: Норвегия, Беларусь и северо-западные регионы России. Под разными названиями программа реализуется с 1997 года.

ИНТЕРРЕГ для БРМ оказывает институциональную поддержку СЕСРБМ. В особенности это касается транснационального сотрудничества в рамках ИНТЕРРЕГ для БРМ на 2014—2020 годы. Четвертый приоритет программы — «Институциональный потенциал для макрорегионального сотрудничества». Следует остановиться на двух задачах ИНТЕРРЕГ.

**Задача 4.1. «Стартовый капитал»** для повышения потенциала транснационального сотрудничества в рамках СЕСРБМ и развития совместных приоритетных инициатив со странами-партнерами. В рамках программы софинансируется разработка проектов, соответствующих ОН или ГИ СЕСРБМ. Проекты, подготовленные при поддержке «Стартового капитала», могут в дальнейшем финансироваться за счет любых имеющихся в регионе средств. Для получения финансирования необходимо письменное подтверждение соответствия задачам ОН или ГИ от координатора соответствующего направления или инициативы.

**Задача 4.2. «Координация макрорегионального сотрудничества»** — повышение потенциала государственных учреждений и балтийских организаций для транснациональной координации СЕСРБМ и содействия достижению общих целей. Программа поддерживает координаторов ОН и ГИ, также национальных координаторов транснациональной деятельности, способствуя таким образом осуществлению СЕСРБМ. Кроме того, в ней предусмотрены средства для общей и информационной поддержки Стратегии.

ЕК регулярно публикует отчеты о реализации СЕСРБМ. Соответствие Стратегии заявленным принципам обеспечивает Группа высокого уровня (ГВУ) — консультативный орган ЕК по СЕСРБМ. В частности, ГВУ рассматривает обновления и изменения в Стратегии и оперативных планах. На ежегодных форумах собираются все заинтересованные стороны, чтобы обсудить достигнутые результаты и планы на будущее. При необходимости разрабатываются соответствующие рекомендации [17]. Первый ежегодный форум СЕСРБМ состоялся в октябре 2010 года в Таллине. В последующие годы мероприятие проходило в Гданьске (2011), Копенгагене (2012), Вильнюсе (2013), Турку (2014), Юрмале (2015), Стокгольме (2016), Берлине (2017) и снова в Таллине (2018). Десятый форум проводился в Гданьске в июне 2019 года. Следующий был запланирован на октябрь 2020 года в Турку<sup>7</sup>.

Первая программа для РБМ (1997—1999), инициированная организацией «Видение и стратегии в регионе Балтийского моря» (VASAB), была посвящена пространственному планированию. В следующий период (2000—2006) в число приоритетов были включены экономическое и экологическое развитие. В текущей программе основное внимание уделяется инновациям, природным ресурсам, транспортной связности и содействию реализации СЕСРБМ. В программе на 2014—2020 годы участвуют как минимум три партнера из разных стран.

<sup>6</sup> *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region.* URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0248> (дата обращения: 06.10.2020).

<sup>7</sup> Из-за пандемии форум прошел в онлайн-формате.

Макрорегиональное сотрудничество не ограничивается проектами ИНТЕРРЕГ В. Как отмечает Я. Зауха [18], РБМ сформирован плотной сетью формальных и неформальных транснациональных инициатив. По данным С. Генцле [19], существует по меньшей мере 40 балтийских организаций, таких как VASAB, Союз балтийских городов (СБГ), Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Хельсинкская комиссия (ХЕЛКОМ). Кроме того, более 600 организаций по-прежнему занимают вопросы РБМ [20].

Практическая реализация концепции РБМ получила политическую поддержку в 1990-х годах. Специфика нового балтийского регионализма заключается в независимой разработке целей и задач, сопровождаемой публичным обсуждением. В этом движении снизу участвовали органы государственной власти, муниципалитеты и неправительственные организации. Прежде всего интеграция требовала сетевого взаимодействия, а формальные соглашения играли второстепенную роль. К концу 2000-х годов сотрудничество в РБМ осуществлялось за счет независимых сетей, финансируемых правительствами стран-участниц, фондами ЕС и различными программами (ИНТЕРРЕГ В, ТАСИС, PHARE) [21].

### **Флагманские проекты СЕСБРМ на юге Балтии**

Южнобалтийская программа играет важную роль в решении задач СЕСБРМ. Ее главная цель — развитие морского и экологического потенциала территории при помощи трансграничного сотрудничества. Проекты программы нацелены на морской сектор и устойчивое использование природных ресурсов. Они охватывают регионы, в которых наблюдаются значительные диспропорции в социальном и экономическом развитии.

Флагманские проекты Южнобалтийской программы сосредоточены на семи направлениях. Один из них — проект *InnoAquaTech*. Партнеры из Польши, Дании, Германии и Литвы разрабатывают технологии, позволяющие получать больше белка из водных организмов. Методы апробируются на четырех пилотных участках. Инвесторы, заинтересованные во внедрении технологии, могут поддержать проект.

Две инициативы способствуют сбалансированному туристическому потоку на охватываемой программой территории. В проекте «Центр туризма Балтийского моря» участвуют туристические компании, заинтересованные в развитии экологичного международного туризма в регионе. На сайте проекта можно найти полезную информацию о местных достопримечательностях. Цель проекта *Attractive Hardwoods* («Привлекательный лесной массив») — повысить популярность лесов в прибрежной зоне южной части Балтии и популяризовать туристические продукты шведских, польских и литовских партнеров.

В рамках флагманских проектов инвестируют в развитие зеленых технологий. Результатом проекта *Morpheus* стала технология, позволяющая исключить приток фармацевтических и микрозагрязнителей в Балтийское море при сбросе сточных вод. Участники проекта *BioBIGG* пытаются оптимизировать применение неиспользованной биомассы в сельскохозяйственном и промышленном секторах.

Улучшение транспортного сообщения является одной из ключевых целей СЕСБРМ. В рамках проекта *Interconnect* («Взаимосвязь») будет внедрена система сбора платежей за коллективные перевозки и создан информационный ресурс для пассажиров, охватывающий всех перевозчиков региона. Цель проекта — создание единой системы продажи билетов на различные транспортные средства.

Проект *BBVET* («Совместное профессиональное образование для развития бизнеса») осуществляется при софинансировании из фондов помощи рынку труда.

Были организованы стажировки для студентов специальностей «Онлайн-обучение», «Мехатроника» и «Современные технологии». Образовательная программа адаптирована к потребностям предприятий Южной Балтии.

### Сценарии для СЕСБРМ

Одиннадцать лет осуществления Стратегии показали, что она остается динамичной и развивается со временем. В июне 2020 года было решено, что План действий должен полностью сконцентрироваться на ОН. ГИ «Пространственное планирование» станет еще одной ОН, а функции ГИ «Климат» и «Соседство» поделит между собой другие ОН. Координацией процесса будет заниматься недавно созданный Центр стратегии Балтийского моря. ГИ «Потенциал» и проект *Let's Communicate* будут переданы Центру, который возьмет на себя роль импровизированного секретариата Стратегии.

Новая концепция многоуровневого управления ЕС — реакция на потребности РБМ с заделом на будущее. В соответствии с региональной политикой ЕС Стратегия привлекает институциональные и неинституциональные структуры. В будущем СЕСБРМ может выполнять роль платформы, объединяющей различные структуры, заинтересованные в сотрудничестве.

Будущая роль Стратегии и ее эффективность зависят, с одной стороны, от политической готовности стран-участниц к транснациональному сотрудничеству, а с другой — от действий, предпринимаемых институтами ЕС. Обсуждается широкий круг вопросов — от возможности определения целей через способы их достижения до особенностей управления и деталей финансирования. Изменения в стратегическом управлении способствуют дальнейшей централизации. Высказывания заинтересованных сторон и экспертов по РБМ подтверждают растущую готовность к укреплению структур, осуществляющих Стратегию, с целью повышения ее согласованности и упрощения механизмов управления.

Опыт сотрудничества, накопленный за одиннадцать лет, указывает на два возможных сценария. Первый сценарий предполагает сохранение существующей практики «зонтичной» роли политики ЕС в регионе и широкий спектр инициатив, соблюдение принципа «трех нет». В различные направления политики будут вноситься лишь минимальные изменения. На практике это может означать консолидацию существующих мер. Участники Стратегии могут способствовать повышению ее эффективности. Это относится не только к институтам ЕС, но и к региональным организациям, органам самоуправления и исследовательским центрам [22].

Второй сценарий подразумевает радикальное изменение Стратегии, в частности возникновение новых целей и сокращение ОН. Возможно возвращение к изначальным главным целям стратегии (окружающая среда, проблемы моря). СЕСБРМ может стать ключевым инструментом региональной политики ЕС, политики сплоченности и Европейского территориального сотрудничества (ЕТС) в рамках финансирования на 2021—2027 годы. Внимание, уделяемое региональному развитию, может открыть новые возможности перед макрорегионами, охватывающими большие территории и вовлеченными одновременно в несколько программ политики сплоченности.

Балтийское море формирует регион, располагающий единым экологический и экономическим ресурсом. В то же время в регионе Балтийского моря существуют транснациональные вызовы, например в области охраны окружающей среды, морского транспорта и устойчивого развития.

СЕСБРМ способствует интеграции этого уникального региона и совместному решению проблем, координирует сотрудничество между балтийскими странами ЕС и государствами-партнерами [23].

## Заключение

Балтийское море и его побережье образуют уникальный европейский макрорегион. Судьба общего водного бассейна определяет отношения между прибрежными странами. Балтийская интеграция, которой предшествовали соглашения об охране моря и живых ресурсов, динамично развивалась уже в 1990-х годах. Сегодня растущие сети взаимодействия охватывают политику, экономику, культуру и защиту окружающей среды. Интеграционные процессы распространяются на все большее количество сфер жизни. После расширения ЕС в 2004 году Балтийская Европа вступила в новую фазу развития. Балтика практически превратилась во внутреннее море ЕС. Следующим этапом укрепления сотрудничества в регионе Балтийского моря стала СЕСРБМ.

Стратегия создает единую структуру для координации политических действий ЕС и стран — членов Евросоюза, обеспечивая таким образом рациональное природопользование и социальное и экономическое развитие.

СЕСРБМ — первая макрорегиональная стратегия ЕС. Она охватывает 80 млн человек (16% всего населения ЕС). В 2009 году ЕС и восемь его членов (Германия, Дания, Латвия, Литва, Польша, Финляндия, Швеция и Эстония) выступили инициаторами создания Стратегии. Целью инициативы было укрепление регионального сотрудничества и интеграции с третьими странами (Беларусью, Исландией, Норвегией и Россией).

Было осуществлено более 170 флагманских проектов по 13 ОН и 4 ГИ в следующих областях: защита морской среды, транспортная связность, повышение благосостояния. В рамках Стратегии возникла новая форма регионального сотрудничества, являющаяся примером взаимодействия ЕС с третьими странами.

Через 11 лет после принятия СЕСРБМ очевидно, что Стратегия является наиболее продвинутым макрорегиональным проектом ЕС. Это объясняется тем, что задолго до ее реализации в РБМ существовали традиции эффективного субрегионального сотрудничества в рамках платформ, которые объединяют экономически развитые государства, располагающие современными управленческими структурами<sup>8</sup>.

СЕСРБМ координирует транснациональное и международное региональное сотрудничество и представляет собой пример новой инновационной структуры управления в ЕС. Как правило, сотрудничество в РБМ носит межправительственный характер, поскольку национальные правительства возлагают ответственность за достижение общих целей на СЕСРБМ. Успех Стратегии зависит во многом от стран ЕС. Текущие балтийские инициативы помогают смягчить существующие диспропорции в развитии [21].

Балтийская Европа — это уже не просто идея. Регион все чаще мыслится как единое целое, растет количество региональных институтов, усиливается стремление к региональной стабильности. Сотрудничество в области защиты морской среды Балтики, краеугольный камень соглашения, стало одним из ключевых направлений кооперации наряду с правительственными и муниципальными инициативами. Окружающая среда и культурное наследие останутся важными предпосылками взаимодействия в регионе.

Балтийская Европа внесла вклад в становление стратегического мышления ЕС, в социальную, экономическую и территориальную сплоченность Евросоюза. Тер-

<sup>8</sup> EUSBSR flagship status — what does mean for the project? URL: <https://www.balticsea-region-strategy.eu/news-room/highlights-blog/item/73-eusbsr-flagship-status-what-does-it-mean-for-a-project> (дата обращения: 22.05.2020).



риториальное планирование, охватывающие одновременно сушу и акваторию, может послужить моделью адаптации к климатическим изменениям. В то же время ЕС углубляет интеграцию стран Балтийской Европы.

Если в Европе будут существовать стабильные условия для политического и экономического развития, а напряженность в отношениях с Россией и внутренние проблемы ЕС окажутся лишь временными сбоями, Балтийская Европа будет эволюционировать в сторону создания функционального комплекса, который в долгосрочной перспективе превратит Балтику в новый экономический и культурный транснациональный центр Европы.

## Список литературы

1. *Europa Bałtycka. Od idei do rzeczywistości* // Regiony Nadmorskie 10 / T. Palmowski (ed.). Gdańsk, 2006.
2. *Łoboda J.* Region jako system: próba określenia funkcji odległości i czasu // *Przegląd Geograficzny*. 1978. Vol. 50, № 2. P. 223—234.
3. *Isard W.* General theory: social, political, economic and regional. Cambridge, 1959.
4. *Chojnicki Z.* Region w ujęciu geograficzno-systemowym // *Podstawy regionalizacji geograficznej / Czyż T* (ed.). Poznań, 1996.
5. *Cloke P., Philo C., Sadler D.* Approaching human geography: an introduction to contemporary theoretical debates. L., 1991.
6. *Dziewoński K.* Teoria regionu ekonomicznego // *Przegląd Geograficzny*. 1967. T. 39, № 1. P. 33—50.
7. *Palmowski T.* Rola regionów transgranicznych w procesie integracji Europy Bałtyckiej. Gdańsk, 2000.
8. *Veggeland N.* Building the Baltic Sea Region in a New Europe. Freiburg, 1994.
9. *Baltic Region — The Region of Cooperation.* Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences / ed. G. Fedorov, A. Druzhinin, E. Golubeva et al. Springer Nature Switzerland AG, 2000.
10. *Törnquist-Plewa B.* Czy region bałtycki ma własną tożsamość? // *Herito*. 2015. № 20. P. 104—113.
11. *Słomczyńska I.* Strategie makroregionalne Unii Europejskiej jako instrument zarządzania wielopoziomowego // *Zeszyty Natolińskie* 60. Centrum Europejskie Natolin. Warszawa, 2014.
12. *Zaleski J.* Razem czy osobno? Przyczynek do koncepcji bałtyckiej wspólnoty regionalnej. Sopot, 1993.
13. *Grosse T. G.* Strategia UE dla Regionu Morza Bałtyckiego: Nowy typ regionalizacji, europeizacji i geopolityki // *Wymiar europejski Regionu Morza Bałtyckiego / T. Parteka* (ed.). Warszawa, 2010. T. 129. P. 39—58.
14. *Toptsidou M., Böhme K.* EUSBSR after 2020: Governance remastered? Final report. URL: [https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591006/EUSBSR-after2020\\_Governance-Remastered\\_FinalReport.pdf](https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591006/EUSBSR-after2020_Governance-Remastered_FinalReport.pdf) (дата обращения 12.10.2020).
15. *Medeiros E.* Theoretical and Empirical Approaches to the Process and Impacts of Cross-Border and Transnational Cooperation in Europe. Springer, Cham, 2018. P. 269. doi: 10.1007/978-3-319-74887-0.
16. *Mirwaldt K., McMaster I., Bachtler J.* The Concept of Macro-Regions: Practice and Prospects // *European Policy Research Paper*. 2011. № 76. URL: <https://www.eprc-strath.eu/public/dam/jcr:7280b9ef-9974-4012-bdba-75ecb0bcf3d8/EPRP%2076.pdf> (дата обращения 12.10.2020).
17. *Zaucha J.* Od strategii VASAB do strategii Unii Europejskiej dla Regionu Bałtyckiego // *Ekonomiczne Problemy Usług*. 2010. № 49. P. 115—137.
18. *Zaucha J.* Wyzwania i szanse dla pomorskich beneficjentów w ramach Europejskiej Współpracy Terytorialnej 2007—2013 // *Od Inicjatywy INTERREG do Europejskiej Współpracy Terytorialnej. Doświadczenia Pomorskie / T. Pactwa* (red.). Gdańsk, 2007. P. 122—133.
19. *Gänzle S.* Experimental Union and the Baltic Sea cooperation: the case of the European Union's Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) // *Regional Studies, Regional Science*. 2018. Vol. 5, № 1. P. 339—352. <https://doi.org/10.1080/21681376.2018.1532315>.

20. *Zaucha J.* Programming development of the Baltic Sea Region // *Studia Regionalia*. 2013. Vol. 35. P. 178—190.
21. *Zaucha J., Pyć D., Böhme K. et al.* EU macro-regional strategies for the Baltic Sea Region after 2020. A nutshell of beauty and possibilities // *EUROPA XXI*. 2020. Vol. 38. P. 5—30. <https://doi.org/10.7163/Eu21.2020.38.1>.
22. *Józwiak V., Raś K.* Have we delivered? 10 Years of the EU Strategy for the Baltic Sea region: Impact and Outcomes. Warsaw, 2019. P. 14—23.
23. *Palmowski T., Pacuk M., Tarkowski M.* The emergence of Baltic Europe: an of Polish research on regional integration // *Quaestiones Geographicae*. 2018. Vol. 37, № 2. P. 47—60. doi: 10.2478/quageo-2018-0013.

## Об авторах

**Тадеуш Пальмовски**, доктор географических наук, профессор, Гданьский университет, Польша.

E-mail: [tadeusz.palmowski@ug.edu.pl](mailto:tadeusz.palmowski@ug.edu.pl)

<https://orcid.org/0000-0002-1644-7945>

# THE EUROPEAN UNION STRATEGY FOR THE BALTIC SEA REGION AND ACCOMPLISHMENTS

**T. Palmowski**

Gdańsk University  
4 Bazyńskiego st., Gdańsk, 80—952, Poland

Received 18 October 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-8  
© Palmowski, T., 2021

*The sea and inland hinterland of Baltic Europe form a unique macro-regional unit. Strong collaboration links, and competition in the Baltic Sea region, are an inherent feature of the region from the beginning of its civilization development. Since 2004, the Baltic Sea has become an internal sea of the European Union. This fact no doubt strengthened the cooperation of the countries in the region. In many spheres, these ties take the form of networking. The EU Strategy for the Baltic Sea Region is an important stimulus for further integrations. The objective of the article is to identify changing trends and the structural transformation in the Baltic integration process instigated by the implementation of this strategy. The document contains common goals, which strengthen cooperation and draw on the Baltic Sea potential. Three main pillars are outlined in the Strategy: marine protection, better interconnection of the region and growing prosperity. The essence of cooperation involves joint development plans on various levels: governmental, regional and local with the participation of research institutions, regional cooperation infrastructure, operational programmes, as well as the private sector. Political stabilisation and economic development may transform, in a longer time span, the emerging transnational Baltic Europe into a new economic and cultural European centre. The choice of research methodology applied in the study derives from the nature of collected data, i.e. literature regarding scientific accomplishments in the Baltic cooperation, analysis of working documents and reports drawn up by public institutions, the European Commission, and EU national and regional strategic documents.*

### Keywords:

European integrations, macro-region, European Union Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR)

## References

1. Palmowski, T. (ed.) 2006, Europa Bałtycka. Od idei do rzeczywistości, *Regiony Nadmorskie*, no. 10, Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
2. Łoboda, J. 1978, Region jako system: próba określenia funkcji odległości i czasu, *Przegląd Geograficzny*, no. L2, p. 223–234.
3. Isard, W. 1959, *General theory: social, political, economic and regional*, Mass.M.I.T. Press, Cambridge.
4. Chojnicki, Z. 1996, Region w ujęciu geograficzno-systemowym. In: Czyż, T (ed.) *Podstawy regionalizacji geograficznej*, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań.
5. Cloke, P., Philo, C., S adler, D. 1991, *Approaching human geography: an introduction to contemporary theoretical debates*, Paul Chapman, London.
6. Dziewoński, K. 1967, Teoria regionu ekonomicznego, *Przegląd Geograficzny*, T. XXXIX, zeszyt 1, p. 33–50.
7. Palmowski, T. 2000, *Rola regionów transgranicznych w procesie integracji Europy Bałtyckiej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk.
8. Veggeland, N. 1994, *Building the Baltic Sea Region in a New Europe*, The Baltic Sea Region, Freiburg.
9. Fedorov, G., Druzhinin, A., Golubeva, E., Subetto, D., Palmowski, T. (eds.) 2020, *Baltic Region — The Region of Cooperation*, Springer, Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences, Springer Nature Switzerland AG.
10. Törnquist-Plewa, B. 2015, Czy region bałtycki ma własną tożsamość? *Herito*, no. 20, p. 104–113.
11. Słomczyńska, I. 2014, Strategie makroregionalne Unii Europejskiej jako instrument zarządzania wielopoziomowego, *Zeszyty Natolińskie*, no. 60, Centrum Europejskie Natolin, Warszawa.
12. Zaleski, J. 1993, *Razem czy osobno? Przyczynek do koncepcji bałtyckiej wspólnoty regionalnej*, CUP, Biuro Planowania Regionalnego z siedzibą w Gdańsku, Sopot.
13. Grosse T.G. 2010, Strategia UE dla Regionu Morza Bałtyckiego: Nowy typ regionalizacji, europeizacji i geopolityki. In: Parteka, T. (ed.), *Wymiar europejski Regionu Morza Bałtyckiego*, Studia KPZK PAN, Tom CXXIX, Warszawa, p. 39–58.
14. Toptsidou, M., Böhme, K. 2018, EUSBSR after 2020: Governance remastered? Final report, Ministry of Foreign Affairs of Estonia and Interreg Baltic Sea Region, Publication for the preparation of the EU Strategy for the Baltic Sea Region 9th Annual Forum, *The European Union Strategy for the Baltic Sea Region*, available at [https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591006/EUSBSR-after2020\\_Governance-Remastered\\_FinalReport.pdf](https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591006/EUSBSR-after2020_Governance-Remastered_FinalReport.pdf) (accessed 12.10.2020)
15. Medeiros, E. 2018, *Theoretical and Empirical Approaches to the Process and Impacts of Cross-Border and Transnational Cooperation in Europe*, The Urban Book Series, Springer, Cham, p. 269.
16. Mirwaldt, K., McMaster, I., Bachtler, J. 2011, The Concept of Macro-Regions: Practice and Prospects, *European Policy Research Paper*, no. 76, Glasgow, GB, EPRC University of Strathclyde.
17. Zaucha, J. 2010, Od strategii VASAB do strategii Unii Europejskiej dla Regionu Bałtyckiego, *Ekonomiczne Problemy Usług*, no. 49, p. 115–137.
18. Zaucha, J. 2007, Wyzwania i szanse dla pomorskich beneficjentów w ramach Europejskiej Współpracy Terytorialnej 2007–2013. In: Pactwa, T. (ed.) *Od Inicjatywy INTERREG do Europejskiej Współpracy Terytorialnej. Doświadczenia Pomorskie*, seria „Pomorskie Studia Regionalne UMWP”, Gdańsk, p. 122–133.
19. Gänzle, S. 2018, Experimental Union and the Baltic Sea cooperation: the case of the European Union's Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Regional Studies*, Regional Science, vol. 5, no. 1, p. 340. <https://doi.org/10.1080/21681376.2018.1532315>.
20. Zaucha, J. 2013, Programming development of the Baltic Sea Region, *Studia Regionalia*, no. 35, p.178–190.
21. Zaucha, J., Pyć, D., Böhme, K., Neumann, L., Aziewicz, D. 2020, EU macro-regional strategies for the Baltic Sea Region after 2020. A nutshell of beauty and possibilities, *EUROPA XXI*, no. 38, p. 5–30. <https://doi.org/10.7163/Eu21.2020.38.1>.

22. Józwiak, V., Raś, K. 2019, Have we delivered? In: *10 Years of the EU Strategy for the Baltic Sea region: Impact and Outcomes*, The Polish Institute of International Affairs (PISM), Ministry of Foreign Affairs Republic of Poland, p.14—23.

23. Palmowski, T., Pacuk, M., Tarkowski, M. 2018, The emergence of Baltic Europe: an of Polish research on regional integration, *Quaestiones Geographicae*, vol. 37, no. 2, p. 47—60. doi: 10.2478/quageo-2018-0013.

### **The author**

---

**Prof Tadeusz Palmowski**, Gdansk University, Poland.

E-mail: [tadeusz.palmowski@ug.edu.pl](mailto:tadeusz.palmowski@ug.edu.pl)

<https://orcid.org/0000-0002-1644-7945>

---

# ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС И ИНСТИТУТЫ: К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ЖИЗНИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ — ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

**И.В. Пилипенко**

Институт конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ),  
115035, Россия, Москва, ул. Серпуховский Вал, 24, корп. 1

Поступила в редакцию 07.10.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-9

© Пилипенко В. И., 2021

*Цель работы — уточнить методику сравнения уровня жизни в 11 странах Центрально-Восточной Европы, вступивших в Европейский союз в 2004—2013 годах (ЕС-11), по итогам 30 лет переходного процесса от плановой к рыночной экономике и в 15 государствах Западной, Северной и Южной Европы — членах Евросоюза к 1995 году (ЕС-15). Показано, что в ЕС-11 в среднем более трех четвертей домохозяйств владеют собственным жильем, тогда как в ЕС-15 почти две трети домохозяйств либо покупают жилье в ипотеку, либо его арендуют, направляя на эти цели в среднем почти до четверти своего дохода. Высокий процент собственников жилья в странах ЕС-11 объясняется влиянием институтов плановой экономики: наличием к концу 1980-х годов значительного жилищного фонда в личной и кооперативной собственности, а также предоставленным государством жильем, которое было приватизировано в начале 1990-х годов в пользу занимавших его жильцов. Автором предложена методика расчета показателя уровня жизни, учитывающего как уровень доходов, так и особенности расходов домохозяйств, исходя из текущей структуры владения жильем в стране. Представленные автором расчеты данного показателя с учетом паритета покупательной способности (ППС) свидетельствуют о наличии между странами ЕС-11 и ЕС-15 меньших различий в уровне жизни, чем при стандартных межстрановых сравнениях по номиналу или одному ППС. Кроме того, эти диспаритеты между двумя группами стран оказываются меньше межрегиональных различий внутри семи стран — членов Евросоюза.*

## **Ключевые слова:**

Центрально-Восточная Европа, Европейский союз, переходный процесс, институты, уровень жизни, жилье, аренда, ипотека

## **Введение**

С момента начала перехода в 1989—1991 годах стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) к рыночной экономике и смены политической системы прошло три десятилетия. И если переход к демократической форме правления за счет адаптации западноевропейских институтов стран — членов Европейского союза был успешен, с точки зрения большинства западных исследователей [1; 2], то мнения о результатах социально-экономического развития стран ЦВЕ в процессе перехода к рыночной экономике не такие однозначные<sup>1</sup> [3—5].

<sup>1</sup> *Stuck in Transition*. Transition Report 2013. London: European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2013-english.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).

**Для цитирования:** Пилипенко И. В. Переходный процесс и институты: к вопросу об уровне жизни в странах Центрально-Восточной Европы — членах Европейского союза // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 153—179. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-9.

Особую обеспокоенность у специалистов, занимающихся Евросоюзом, вызывает сохраняющееся отставание по уровню жизни стран ЦВЕ от государств Западной и Северной Европы. Чтобы его сократить во многом и были инициированы реформы три десятилетия назад [6; 7]. Однако приоритет в переходном процессе фактически пока отдавался достижению макроэкономической стабильности.

Вместе с тем в исследованиях об уровне жизни в странах ЦВЕ обычно не учитывается влияние такого фактора, как наличие у большей части населения ЕС-11 собственного жилья, что обусловлено наличием в прошлом институтов плановой экономики, когда обеспечение граждан жильем было обязанностью государства. Так, в начале проведения рыночных преобразований в странах ЦВЕ в дополнение к значительной доле жилищного фонда, уже находившейся к тому времени в личной и общественной / кооперативной собственности, жильцам было передано в собственность также и занимаемое ими государственное жилье<sup>2</sup> [8; 9]. В сравнении с этим в странах Западной и Северной Европы большая часть населения до сих пор либо снимает жилье, либо покупает его в ипотеку.

Далее в статье после обзора литературы по данной тематике мы рассчитаем с помощью авторской методики реальные располагаемые доходы домохозяйств с учетом затрат на аренду жилья и ипотеку, что позволит точнее определить уровень жизни в странах ЦВЕ — членах Евросоюза (ЕС-11 на конец 2013 года<sup>3</sup>) в сравнении с 15 государствами — членами ЕС Западной, Северной и Южной Европы (ЕС-15<sup>4</sup>). После этого на основе проведенных расчетов также скорректируем данные по чистым располагаемым доходам домохозяйств на душу населения по регионам внутри стран Евросоюза согласно Номенклатуре территориальных единиц для целей статистики Евростата (NUTS) на уровне NUTS-2<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> В соцстранах ЦВЕ в соответствии с принципами плановой экономики существовало три основных формы собственности на жилье: государственная, кооперативная (в СССР — колхозно-кооперативная) и личная. В 1975—1985 годах за счет государственных капложений в эксплуатацию было введено по площади 88% жилья в Румынии и 66% в СССР, 45% в Болгарии, 30% в Чехословакии, 22% в Венгрии и 16% в Польше — в последних четырех странах превалировало кооперативное строительство и возведение домов за счет личных средств граждан (расчеты авторы по данным: *Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи*. М. : Финансы и статистика, 1987). В СССР в 1980-е годы за счет средств населения и с помощью госкредитов в эксплуатацию было введено по площади 16% нового жилья, 71% был введен госпредприятиями / организациями, по 6% — жилищно-строительными кооперативами и колхозами. К 1990 году в СССР 38% всего жилищного фонда находилось в личной собственности граждан, при этом в городах это был 21% жилья, а в сельской местности — 70%. В Латвийской ССР (Латвийской Республике) в личной собственности граждан находилось 15% городского жилого фонда, в Эстонской ССР (Эстонской Республике) — 17,5%, в Литовской ССР (1989) — 21% (рассчитано автором по данным: *Народное хозяйство СССР в 1990 г.* Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1991).

<sup>3</sup> В анализ включены 11 государств Центрально-Восточной Европы, вступивших в Евросоюз в 2004—2013 годах: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония.

<sup>4</sup> Сравнение показателей ЕС-11 проводится с 15 странами Западной, Северной и Южной Европы — членами Евросоюза на 1995 год: Австрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Грецией, Данией, Ирландией, Испанией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Португалией, Финляндией, Францией и Швецией.

<sup>5</sup> По классификации NUTS-2, в предоставляемой Евростатом статистике Польша подразделяется на 17 регионов; Венгрия, Румыния и Чехия — на 8 регионов каждая страна; Болгария — на 6 регионов; Словакия — на 4 региона; Литва, Словения и Хорватия — на 2 региона каждая страна; Эстония и Латвия не подразделяются.



## Краткий обзор литературы

В российской научной литературе социально-экономическое развитие стран ЦВЕ рассматривалось с точки зрения результатов действия используемой ими интеграционной модели экономического роста [10] и оценки полученного опыта в переходном процессе [11]. Проводился политико-исторический анализ трансформации стран ЦВЕ [12; 13], изучалось сотрудничество между странами ЦВЕ и Западной Европы в исторической перспективе [14] и особенности их взаимодействия в сфере торговли [15]. Также изучалась проблема задолженности стран ЦВЕ на фоне финансово-экономического кризиса 2008 года [16], развитие после перехода ряда государств ЦВЕ на евро [17] и влияние долгового кризиса в еврозоне на социально-экономическое положение в странах ЕС-11 [18].

В страновом разрезе проводилось сравнение темпов экономического роста в последние полтора десятилетия в странах Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия — В4) и Евросоюза в целом [19], рассматривались инвестиционные связи государств В4 и России [20], социально-структурные изменения, проблемы экономической оценки результатов трансформационного развития и формирование особой социально-экономической модели в странах В4 [21 — 23]. Также анализировались эффективность развития стран Балтийского региона [24], итоги евроатлантической интеграции, отличительные черты экономической модели и коалиция стран Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) в ЕС [25 — 27], а также проблема «ловушки среднего дохода» в этих трех странах [28]. Кроме того, внимание исследователей привлекало сравнение результатов переходного процесса в ЦВЕ и Российской Федерации [29] и потенциал сотрудничества Российской Федерации и Прибалтийских стран в инновационной сфере [30]. Основным показателем для сравнения уровня жизни стран ЦВЕ между собой и с государствами ЕС-15 в исследованиях российских авторов был душевный валовой внутренний продукт (ВВП) по номиналу и паритету покупательной способности (ППС) [10; 15; 18; 19; 22; 23; 25; 27 — 30].

В англоязычной литературе проводился подробный анализ особенностей переходного периода в странах ЦВЕ [1; 2; 4; 5; 31], влияния кризиса 2008 года на экономику рассматриваемых государств [32] и на их население / домохозяйства<sup>6</sup> [33]. Рассматривались особенности догоняющего развития стран ЦВЕ в рамках Евросоюза [6], проблемы в социально-экономическом развитии этих государств с точки зрения попадания ими в «ловушку среднего дохода»<sup>7</sup>.

Межстрановые сравнения в регионе ЦВЕ и обобщения результатов экономического развития представлены в ежегодном Докладе о переходном процессе (*Transition Report*) Европейского банка реконструкции и развития. При этом доклад 2000 года был посвящен занятости и навыкам рабочей силы в странах ЦВЕ<sup>8</sup>, доклад 2007 года — изменениям в жизни населения стран региона<sup>9</sup>; взаимосвязь между

<sup>6</sup> *The Crisis Hits Homes: Stress-Testing Households in Europe and Central Asia*. Washington, DC: World Bank, 2009. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/347521468038144075/pdf/522770PUB0REPL101Official0Use0Only1.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

<sup>7</sup> *Eight Things You Should Know about Middle-Income Transitions*. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2019. URL: <https://www.ebrd.com/publications/ebd-middle-income-transitions.pdf> (дата обращения: 30.07.2020).

<sup>8</sup> *Employment, Skills and Transition*. Transition Report 2000. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2000. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2000-english.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

<sup>9</sup> *People in Transition*. Transition Report 2007. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2007. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2007-english.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

рыночными реформами, конвергенцией доходов населения между странами и неравенством в уровне жизни анализировались в 2013 и 2016 годах<sup>10</sup> Рассматриваемый в нашей статье вопрос также регулярно освещается в докладе Евросоюза «Условия жизни в Европе»<sup>11</sup>, однако анализ проводится без внимания к особенностям расходов на жилье в ЕС-11 и ЕС-15. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2017 и 2019 годах опубликовала «Базу данных доступного жилья» по своим странам-членам, статистику из которой в сочетании с показателями по категориям домохозяйств Евростата мы будем использовать в данной работе. Ряд публикаций был также посвящен проблемам неравномерности в уровне жизни в регионе [34], развитию среднего класса в отдельных странах ЦВЕ<sup>12</sup> [35], удовлетворенности населения жизнью [36; 37].

Помимо стандартного показателя ВВП на душу населения по номиналу и ППС<sup>13</sup>, отражающего уровень экономического развития государств и являющегося при прочих равных условиях детерминантой уровня жизни [1; 2; 4–6; 33; 38–41] в работах иностранных специалистов использовался ряд других индикаторов. В первую очередь под уровнем жизни понималось материальное благосостояние, измеряемое через уровень доходов<sup>14</sup> [2; 5; 7; 33; 42] и потребления населения и домохозяйств<sup>15</sup> [2; 7; 38; 42]. Также вопрос об уровне жизни исследовался через сравнение динамики заработных плат [3; 7; 33; 43; 44], сопоставление уровня бедности<sup>16</sup> [7; 33; 45; 46] и путем вычисления интегрированного (из нескольких составляющих) показателя [34].

Редко авторы [3, 47; 48] обращали особое внимание на крайне высокую по сравнению с ЕС-15 обеспеченность собственным жильем в странах ЕС-11. В частности, исследователи из ОЭСР в своей типологии рынков жилья (в терминологии экономистов ОЭСР — «жилищных систем») определили большинство стран ЦВЕ в группу стран с высокой долей владельцев жилой недвижимости (без ипотеки) и менее благоприятными условиями жилья [48]. Вместе с тем попыток скорректировать оценки уровня жизни в регионе ЦВЕ на основе данной информации пока не делалось, и все указанные выше индикаторы были унифицированы как для стран ЕС-11, так и для государств ЕС-15.

<sup>10</sup> *Stuck in Transition. Transition Report 2013*. London: European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2013-english.pdf> (дата обращения: 23.07.2020); *Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. Transition Report 2016-17*. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2016-17.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).

<sup>11</sup> См., например: *Living Conditions in Europe: 2014 edition*. Luxembourg: Eurostat, 2014. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/6303711/KS-DZ-14-001-EN-N.pdf/d867b24b-da98-427d-bca2-d8bc212ff7a8> (дата обращения: 25.07.2020).

<sup>12</sup> *Russia Economic Report No. 31*. Washington, DC: World Bank, 2014. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/517491468092081878/pdf/866400WP0P14660RER0No-310FINAL07414.pdf> (дата обращения: 29.05.2014).

<sup>13</sup> *Employment, Skills and Transition. Transition Report 2000*. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2000. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2000-english.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

<sup>14</sup> *Stuck in Transition. Transition Report 2013*. London: European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2013-english.pdf> (дата обращения: 23.07.2020); *Living Conditions in Europe: 2014 edition*. Luxembourg: Eurostat, 2014. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/6303711/KS-DZ-14-001-EN-N.pdf/d867b24b-da98-427d-bca2-d8bc212ff7a8> (дата обращения: 25.07.2020); *Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. Transition Report 2016-17*. URL: <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-2016-17.pdf> (дата обращения: 23.07.2020); *Eight Things You Should Know about Middle-Income Transitions*. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2019. URL: <https://www.ebrd.com/publications/ebrd-middle-income-transitions.pdf> (дата обращения: 30.07.2020).

<sup>15</sup> *Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia*. Washington, DC: the World Bank, 2000; *The Crisis Hits Homes: Stress-Testing Households in Europe and Central Asia*. Washington, DC: World Bank, 2009. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/347521468038144075/pdf/522770PUB0REPL101Official0Use0Only1.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

<sup>16</sup> *Poverty in Eastern Europe and the CIS. Economic Survey of Europe*. UNECE, No.1, 2004, pp. 163-176.

Еще один подход базируется на оценках влияния наличия в собственности недвижимости на благосостояние населения для проведения межстрановых сравнений и исследований в глобальном масштабе. Работами с такой методикой исследования являются оценки Института свободы и демократии под руководством перуанского экономиста Э. де Сото реальной стоимости активов населения и предпринимателей в неформальной экономике в ряде развивающихся стран [49] и расчеты национального богатства и неравенства в доходах (в том числе в России) по методике французского экономиста Т. Пикетти [см., напр.: 50; 51]. Также швейцарской банковской группой *Credit Suisse* с 2010 года ежегодно публикуется Доклад о мировом богатстве<sup>17</sup>, где проводятся оценки стоимости жилья, находящегося в частной собственности.

### Динамика основных показателей уровня жизни

Изменение основных макроэкономических показателей (ВВП и ВВП на душу населения) за 1990—2019 годы свидетельствует о том, что имел место процесс сближения (конвергенции) уровня жизни в регионе ЦВЕ с западноевропейскими стандартами. Так, ВВП в регионе ЕС-11 вырос в 2,23 раза, а в ЕС-15 — в 1,68 раза. Данный результат был достигнут за счет более высоких темпов роста в наиболее крупной в регионе ЕС-11 экономике — Польше (36% от ВВП региона), а также в Словакии (6%), Словении (3%), Эстонии (1,9%) и Румынии (15,1% от суммарного ВВП ЕС-11) (рис. 1). В то же время рост ВВП в третьей экономике региона — Чехии (14,8%) — превысил средний рост по ЕС-28 только на 3 п. п., в Болгарии (4%) находился на средневропейском уровне, а в Венгрии (10%), Литве (3,2%), Хорватии (3,6%) и Латвии (2% от ВВП региона ЕС-11) оказался ниже среднего по ЕС-28.

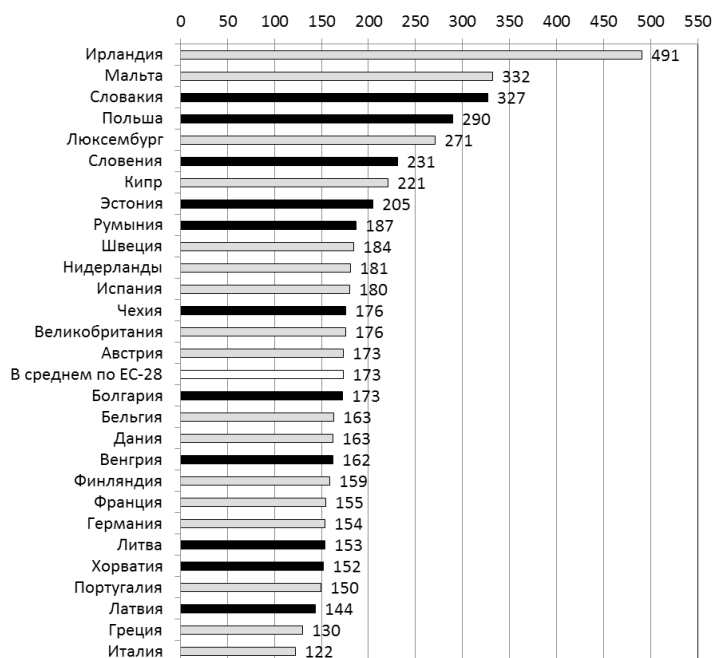


Рис. 1. Индекс роста ВВП стран ЕС в 1990—2019 годах (1990 = 100)

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: *World Development Indicators*. Washington, DC: World Bank, 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 27.07.2020).

<sup>17</sup> *Global Wealth Report 2019*. Credit Suisse Research Institute. October 2019. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

Тем не менее с учетом снижения численности населения в Латвии (на 28,0% в 2019 году от уровня 1990 года), Литве (на 24,4%), Болгарии (на 20,2%), Румынии (на 16,4%), Эстонии (на 15,6%), Хорватии (на 14,6%) и Венгрии (на 5,8%) показатель ВВП на душу населения в этих странах повысился более значительно, чем объем ВВП. И вместе с Польшей, где численность населения за 1990—2019 годы уменьшилась на 0,2%, Чехией, Словакией и Словенией с приростом населения соответственно на 2,8, 3,0 и 4,2% страны региона ЦВЕ оказались среди лидеров в Евросоюзе по данному показателю (рис. 2).

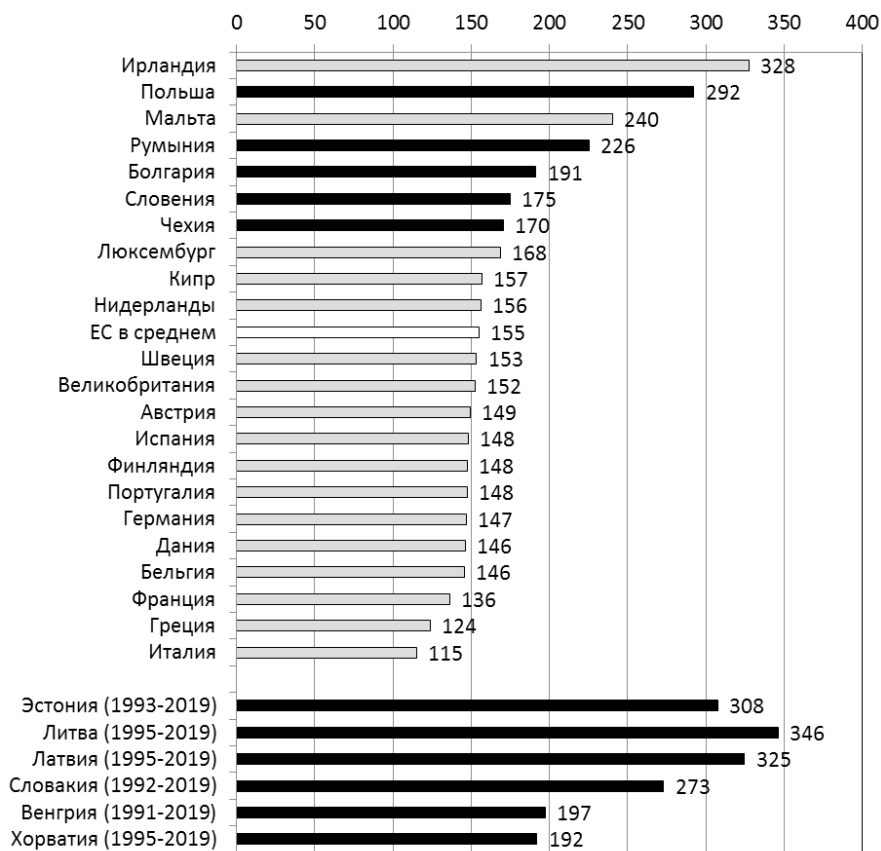


Рис. 2. Индекс роста ВВП на душу населения в странах ЕС в 1990—2019 годах по ППС в постоянных ценах (1990 = 100)

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: *World Development Indicators*. Washington, DC: World Bank, 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 27.07.2020).

Однако необходимо иметь в виду, что рост ВВП в странах ЕС-11 происходил с низкой базы из-за действовавшей в плановой экономике иной, чем в странах ЕС-15 системы цен [52]. В соцстранах региона ЦВЕ государство держало низкие цены на транспортные, коммунальные услуги, социально значимые товары; многие услуги и льготы не были полностью монетизированы [53]. И даже по прошествии 30 лет после отказа от плановой экономики, несмотря на интеграцию в рамках Экономического и валютного союза ЕС и высокую открытость экономики [54], различия в уровне цен между странами ЦВЕ и ЕС-15 все еще дают о себе знать (рис. 3).

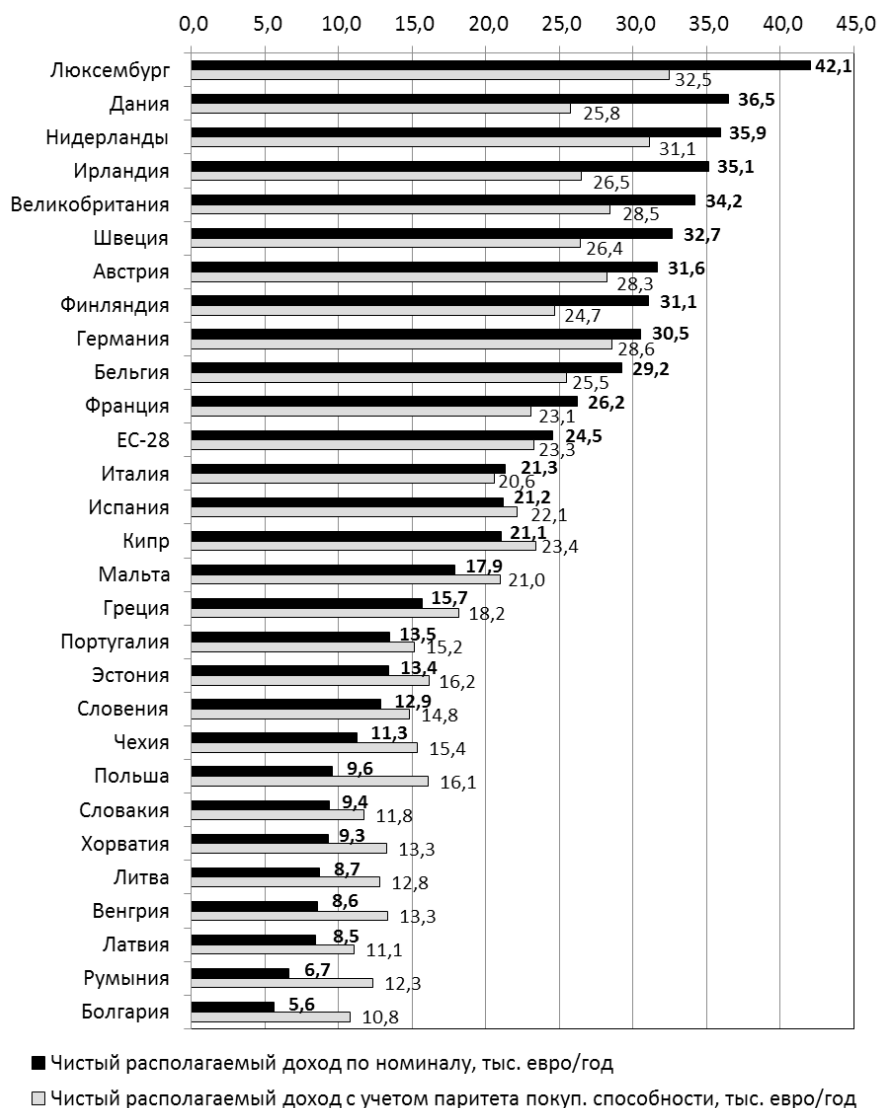


Рис. 3. Номинальный чистый располагаемый доход и с учетом ППС в домохозяйстве из одного человека в странах ЕС 2018 год

Источник: составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

Так, если в странах ЕС-15 чистый располагаемый доход по номиналу в домохозяйстве из одного человека достигает по итогам 2019 года 27,6 тыс. евро в год, то в регионе ЕС-11 составляет только 8,9 тыс. евро в год, и все рассматриваемые страны ЦВЕ занимают в Евросоюзе последние 11 мест по данному показателю. С учетом покупательной способности разница в уровне доходов уменьшается с 3,1 раза до 1,8 раза: 25,0 тыс. евро в год в странах ЕС-15 против 14,1 тыс. евро в год в регионе ЕС-11. При этом уровень доходов по ППС в сравнении с номинальным выражением увеличивается в Болгарии на 92%, в Румынии — на 85%, в Польше — на 68%, в Венгрии — на 55%, в Литве — на 47%, в Хорватии — на 43%, в Чехии — на 36%, в Латвии — на 31%, в Словакии — на 25%, в Эстонии — на 21% и в Словении —

на 15%. Таким образом, при учете внутренних цен уровень доходов в Эстонии (16,2 тыс. евро в год), Польше (16,1 тыс. евро в год) и Чехии (15,4 тыс. евро в год) оказывается выше, чем в Португалии (15,2 тыс. евро в год), а разница в доходах между наиболее богатой страной Евросоюза (Люксембургом) и наиболее бедной (Болгарией) для домохозяйств из одного человека уменьшается с 7,5 до 3,0 раз. Аналогичным образом при сравнении чистого располагаемого дохода по номиналу и ППС в домохозяйствах из четырех человек (двое взрослых с зарплатами на уровне 100% и 67% от среднего по стране и двое детей) разница между регионами ЕС-15 и ЕС-11 сокращается с 3,05 (50,7 тыс. евро в год против 16,6 тыс. евро в год) до 1,7 раза (45,9 тыс. евро в год против 26,4 тыс. евро в год), а разница между Люксембургом и Болгарией — с 8,5 (83,7 тыс. евро против 9,8 тыс. евро) до 3,4 раза (64,7 тыс. евро против 18,9 тыс. евро).

### Распределение домохозяйств по типу владения жильем

Диспаритеты в уровне жизни между государствами внутри Евросоюза окажутся в реальности еще меньше, если рассмотреть, как в странах ЕС распределяется жилье по типу владения (рис. 4).

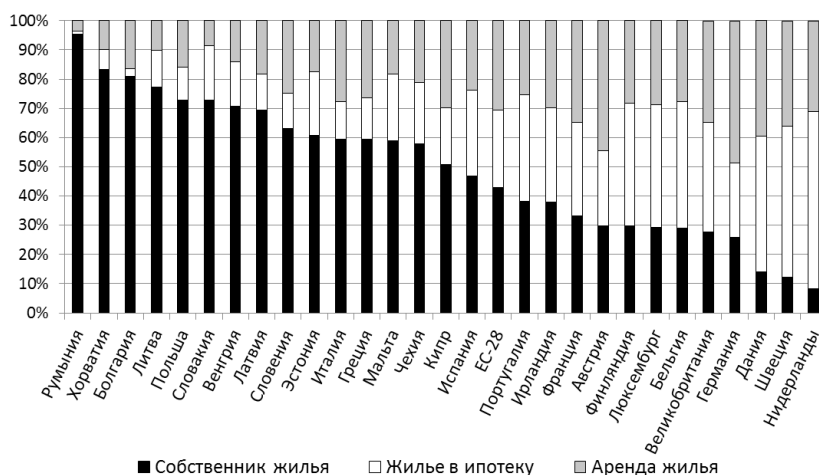


Рис. 4. Распределение жилья домохозяйств по типу владения в странах ЕС, 2018 год

Источник: составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

Так, средний уровень владения домохозяйствами собственным жильем в ЕС-11 достигает 76%, в ипотеку приобрели жилье 11% домохозяйств и остальные 13% жилье снимают, в то время как в регионе ЕС-15 собственниками жилья являются только 35% домохозяйств, 30% жилье купили в ипотеку и 35% домохозяйств арендуют. Страны ЕС-11 занимают первые 10 мест в Евросоюзе по доле собственников жилья в структуре домохозяйств в экономике, причем в Румынии этот показатель достигает 95% домохозяйств, в Хорватии — 83%, в Болгарии — 81%. И только Чехия по доле владельцев жилья (58%) немного уступает трем странам Южной Европы — Италии, Греции и Мальте (по 59%). Напротив, в конце списка располагаются государства Евросоюза с высокими показателями реальных располагаемых доходов, где, однако, собственным жильем обладают менее 15% домохозяйств (8% в Нидерландах, 12% в Швеции, 14% в Дании).



Следствием данной ситуации является, с одной стороны, развитость в странах Западной и Северной Европы рынка ипотечного кредитования (рис. 5) с объемом кредитов этого типа к ВВП в 2018 году на уровне от 85—92% в трех указанных выше странах до 41—43% в Испании, Финляндии, Германии и Франции. В регионе ЕС-11 данный показатель достигает максимум 30% у Эстонии и 28% у Словакии, а у шести государств объем ипотечных кредитов соответствует менее 15% ВВП. С другой стороны, несмотря на высокий уровень доходов домохозяйств в регионе ЕС-15, в ряде стран кредитная нагрузка на население по ипотеке превышает 100% их годового располагаемого дохода, достигая 145% в Люксембурге, 167% в Дании, 172% в Швеции и 188% в Нидерландах. Европейская федерация государственного, кооперативного и социального жилья (Housing Europe) уже в 2015 году назвала за-кредитованность домохозяйств одним из основных факторов разворачивавшихся в середине 2010-х годов кризисных явлений на рынке жилья в Евросоюзе<sup>18</sup>.

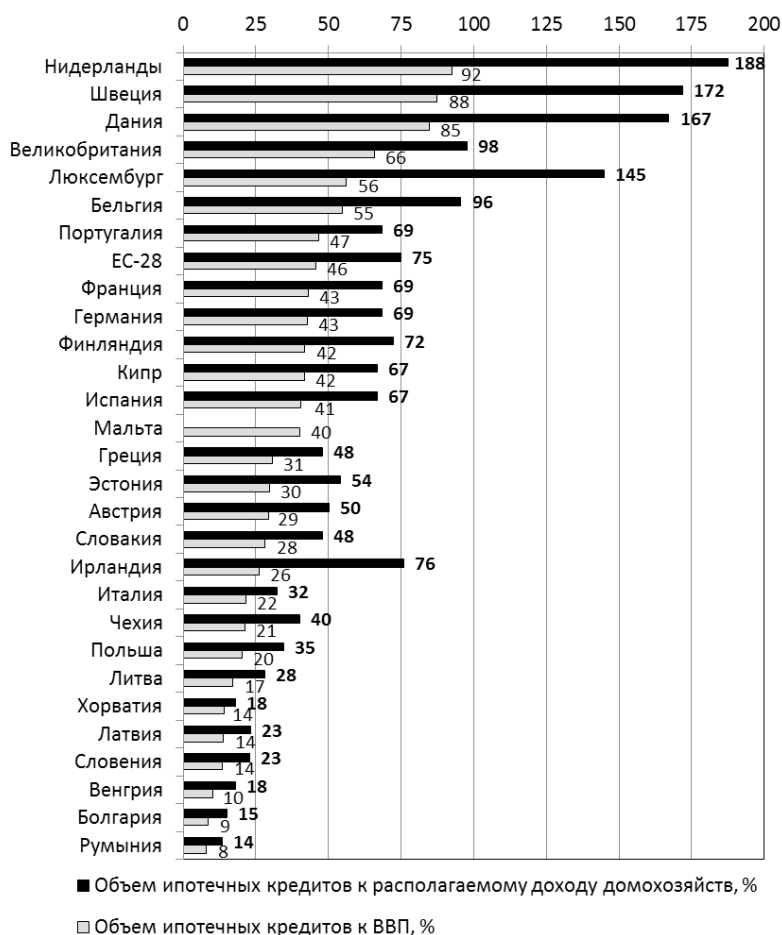


Рис. 5. Объем ипотечных кредитов к ВВП и располагаемому доходу домохозяйств\* в странах ЕС, 2018 год

Примечание: \* — данные по Мальте отсутствуют.

Источник: составлено автором на основе данных: *Hypostat 2019. A Review of Europe's Mortgage and Housing Markets* // European Mortgage Federation. September 2019. URL: [https://hypo.org/app/uploads/sites/3/2019/09/HYPOSTAT-2019\\_web.pdf](https://hypo.org/app/uploads/sites/3/2019/09/HYPOSTAT-2019_web.pdf) (дата обращения: 24.07.2020).

<sup>18</sup> *The State of Housing in the EU 2015. A Housing Europe Review*. URL: <https://www.housingeurope.eu/resource-468/the-state-of-housing-in-the-eu-2015> (дата обращения: 03.09.2020).

Отсутствие собственного жилья в среднем у 65% домохозяйств в странах ЕС-15 приводит к тому, что жители вынуждены направлять значительную часть своих доходов на выплаты по ипотеке и уплату арендных платежей — в среднем по региону соответственно 17 и 23% (рис. 6). В странах ЕС-11 расходы на ипотеку составляют в среднем 15%, а на съем жилья — 19% от доходов домохозяйств соответствующих категорий, однако необходимо помнить, что таких домохозяйств в экономике в среднем только 24%.

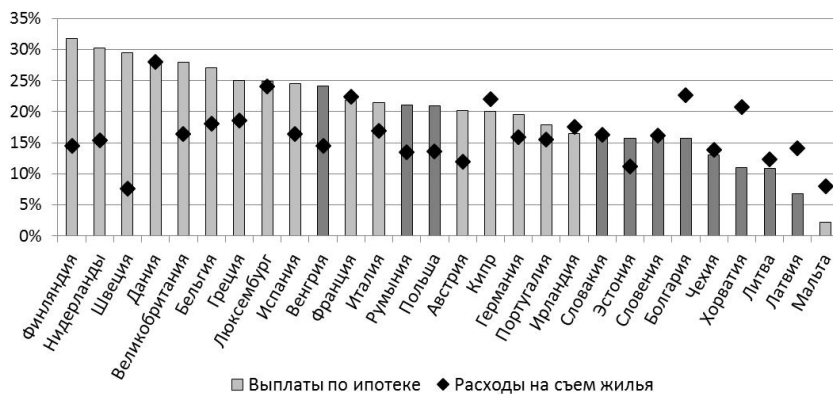


Рис. 6. Доля расходов на съем жилья / выплаты по ипотеке в располагаемом ежемесячном доходе домохозяйств соответствующей категории, 2018 год

Источник: составлено автором на основе данных: *Housing Conditions* // OECD. URL: <http://www.oecd.org/social/affordable-housing-database/housing-conditions/> (дата обращения: 27.07.2020).

### Методика расчетов уровня жизни с учетом доходов и расходов на аренду / покупку в ипотеку жилья

Чтобы иметь возможность сопоставить уровень жизни в странах ЕС-11 и ЕС-15 с учетом затрат на аренду и покупку в ипотеку жилья, мы учтем в одном показателе как уровень доходов, так и особенности расходов домохозяйств, исходя из структуры владения жильем. Для этого мы возьмем показатель чистых располагаемых доходов домохозяйств с учетом ППС и рассчитаем для каждой страны Евросоюза значение, взвешенное с учетом доли расходов на аренду жилья / ипотеку в соответствующей категории домохозяйств, по следующей формуле:

$$E_{adj} = S_m \times (E - (E \times B_m)) + S_t \times (E - (E \times B_t)) + S_{ow} \times E, \quad (1)$$

где  $E_{adj}$  — доходы домохозяйств с учетом расходов на покупку жилья в ипотеку и аренду жилья;  $E$  — средние чистые располагаемые доходы домохозяйств;  $S_m$  — доля домохозяйств с ипотекой;  $S_t$  — доля домохозяйств, арендующих жилье;  $S_{ow}$  — доля домохозяйств, имеющих жилье в собственности ( $E$ ,  $S_m$ ,  $S_t$ ,  $S_{ow}$  — данные Евростата);  $B_m$  — доля расходов на выплаты по ипотеке в чистых располагаемых доходах домохозяйств с жильем, приобретенным в ипотеку;  $B_t$  — доля расходов на аренду квартир в чистых располагаемых доходах домохозяйств с арендуемым жильем ( $B_m$ ,  $B_t$  — данные ОЭСР<sup>19</sup>). В качестве двух основных категорий домохозяйств для расчетов мы выберем категорию Евростата «домохозяйство с одним человеком без детей, зарабатывающим на уровне 100% от среднего по стране» и категорию «домохозяйство из двоих взрослых с зарплатами в 100 и 67% от среднего уровня по стране и двоих детей».

<sup>19</sup> Недостающие данные для Болгарии, Дании и Румынии были рассчитаны автором, исходя из предоставляемых ОЭСР данных по общим расходам на ипотеку и аренду жилья и данных по расходам на аренду жилья в этих странах.

Далее, имея рассчитанные показатели чистых располагаемых доходов домохозяйств в странах ЕС-11 и ЕС-15 с учетом ППС и расходов на аренду жилья и оплату ипотеки, мы также скорректируем предоставляемые Евростатом данные по регионам NUTS-2 внутри стран Евросоюза. Для этого мы вычислим поправочный коэффициент для каждой страны ЕС-11 и ЕС-15 как среднее арифметическое отношений показателей чистых располагаемых доходов домохозяйств из одного и из четырех человек с учетом расходов на аренду жилья и оплату ипотеки и, соответственно, чистых располагаемых доходов домохозяйств из одного и четырех человек по ППС Евростата. Затем мы скорректируем с помощью полученных поправочных коэффициентов показатели чистых располагаемых доходов домохозяйств на душу населения Евростата по регионам NUTS-2 для каждой страны ЕС-11 и ЕС-15 по общей формуле

$$E_{reg\_adj} = ((E_{adj}^{h1}/E^{h1} + E_{adj}^{h4}/E^{h4})/2) \times E_{reg}, \quad (2)$$

где  $E_{reg\_adj}$  — доходы домохозяйств в регионах NUTS-2 одной из стран ЕС-11 или ЕС-15 с учетом расходов на покупку жилья в ипотеку и аренду жилья;  $E_{adj}^{h1}$  — чистые располагаемые доходы домохозяйств с одним человеком без детей, зарабатывающим на уровне 100% от среднего по данной стране, с учетом расходов на аренду жилья и ипотеку (рассчитанный нами показатель);  $E_{adj}^{h4}$  — чистые располагаемые доходы домохозяйств из двоих взрослых с зарплатами в 100 и 67% от среднего уровня по стране и двоих детей с учетом расходов на аренду жилья и ипотеку (рассчитанный нами показатель);  $E^{h1}$  — чистые располагаемые доходы по ППС домохозяйств с одним человеком без детей, зарабатывающим на уровне 100% от среднего по данной стране (показатель Евростата);  $E^{h4}$  — чистые располагаемые доходы по ППС домохозяйств из двоих взрослых с зарплатами в 100 и 67% от среднего уровня по стране и двоих детей (показатель Евростата);  $E_{reg}$  — чистые располагаемые доходы домохозяйств на душу населения в регионах NUTS-2 в данной стране (показатель Евростата). При расчетах для регионов NUTS-2 мы делаем допущение о единой структуре владения жильем по регионам внутри стран ЕС-11 и ЕС-15.

## Результаты расчетов и их влияние на оценку уровня жизни

Представленные на рисунке 7 результаты наших расчетов по формуле (1) свидетельствуют о том, что для домохозяйств из одного человека средние показатели по ЕС-15 и ЕС-11 различаются уже только в 1,59 раза (21,6 тыс. евро в год против 13,5 тыс. евро в год). Разница между значениями Люксембурга и Болгарии уменьшается до 2,48 раза, что свидетельствует о более равномерном распределении уровня жизни в странах Евросоюза по сравнению с обычно используемыми показателями по номиналу и ППС. Средние доходы домохозяйств из одного человека по ППС с учетом расходов на ипотеку и аренду жилья по ЕС-28 уменьшаются до 20,0 тыс. евро в сравнении с 23,3 тыс. евро, рассчитанными с учетом только ППС, и 24,5 тыс. евро по номиналу (см. рис. 3 и рис. 7).

В свою очередь, средние реальные располагаемые доходы в категории домохозяйств из четырех человек между странами ЕС-15 и ЕС-11 отличаются по нашим расчетам в 1,57 раза (39,7 тыс. евро против 25,3 тыс. евро), а показатель Люксембурга превышает соответствующее значение Болгарии в 2,92 раза. Средние доходы домохозяйств из четырех человек по ЕС-28 составляют 36,8 тыс. евро против 42,8 тыс. евро, вычисленных только по ППС, и 45,1 тыс. евро по номиналу.

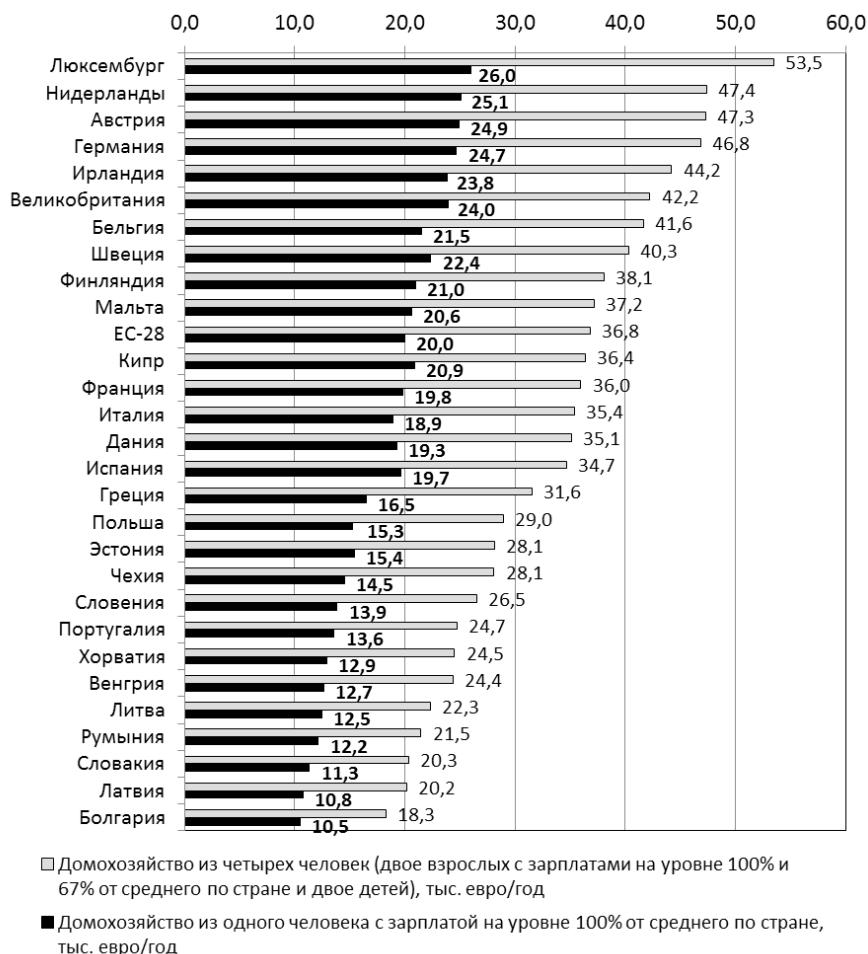


Рис. 7. Реальные располагаемые доходы по ППС с учетом расходов на ипотеку и аренду жилья в домохозяйствах двух категорий в странах ЕС, 2018 год

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

Предложенный нами метод учета различий во владении жильем позволяет более точно определить уровень жизни в странах ЦВЕ по сравнению со средними показателями по Евросоюзу и ЕС-15 (рис. 8, 9)<sup>20</sup>. Так, уровень жизни домохозяйств из одного человека достигает в Эстонии 77% от среднего по ЕС-28 (70% с учетом ППС и 55% по номиналу), в Польше — 76% (соответственно 69 и 39%), в Чехии — 73% (66 и 46%), в Словении — 69% (64 и 53%), в Хорватии — 65% (57 и 38%), в Венгрии — 63% (57 и 35%), в Литве — 62% (55 и 35%), в Румынии — 61% (53 и 27%), в Словакии — 57% (51 и 38%), в Латвии — 54% (48 и 35%) и в Болгарии — 53% (46 и 23%).

<sup>20</sup> Следует отметить, что учет расходов на ипотеку и оплату аренды жилья уменьшает показатель чистых располагаемых доходов домохозяйств во всех странах Евросоюза, однако в странах ЕС-15 это снижение гораздо более значительное по сравнению с группой стран ЕС-11 из-за более высокой доли домохозяйств, снимающих жилье или покупающих его в ипотеку.

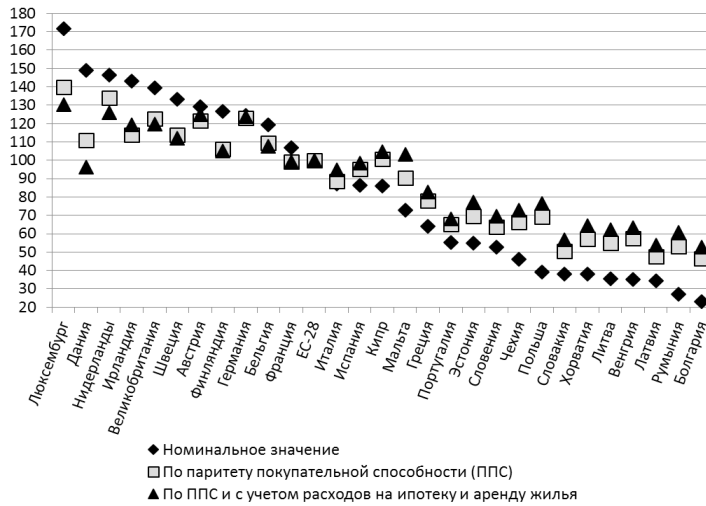


Рис. 8. Реальные располагаемые доходы домохозяйств из одного человека в номинальном выражении с учетом ППС и расходов на ипотеку и аренду жилья (ЕС-28 = 100), 2018 год

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

Расчеты для домохозяйств из четырех человек дают близкие результаты: в Польше показатель реальных располагаемых доходов находится на уровне 79% от среднего по ЕС-28 (71% с учетом ППС и 40% по номиналу), в Эстонии — 76% (соответственно 69 и 55%), в Чехии — 76% (69 и 48%), в Словении — 72% (66 и 54%), в Хорватии — 67% (59 и 39%), в Венгрии — 66% (60 и 37%), в Литве — 61% (54 и 35%), в Румынии — 58% (51 и 26%), в Словакии — 55% (50 и 38%), в Латвии — 55% (49 и 35%), в Болгарии — 50% (44 и 22%).

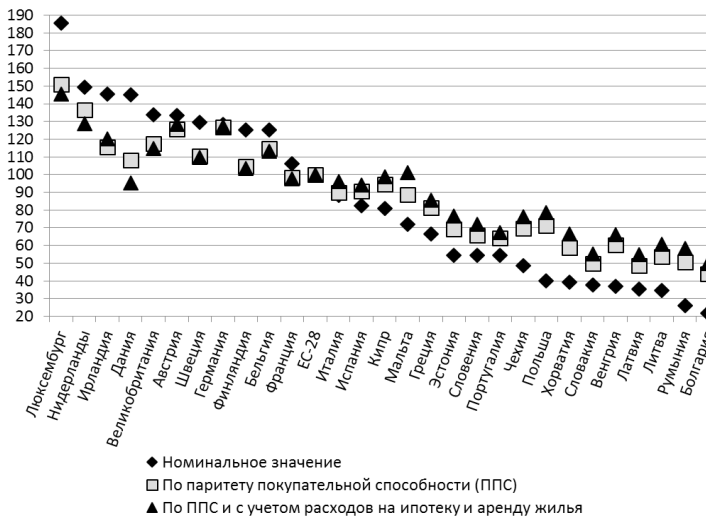


Рис. 9. Реальные располагаемые доходы домохозяйств из четырех человек (двое взрослых с зарплатами в 100 и 67% от среднего уровня по стране и двое детей) в номинальном выражении, с учетом ППС и расходов на ипотеку и аренду жилья (ЕС-28 = 100), 2018 год

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

Необходимо также отметить, что благосостояние владельцев собственного жилья в регионе ЕС-11 находится обычно на среднем по стране уровне, в то время как домохозяйства, арендующие жилье, отличаются более низким уровнем жизни и повышенными рисками оказаться «на грани бедности и социальной исключенности» — по классификации Евростата<sup>21</sup> (рис. 10). Наиболее состоятельной группой являются домохозяйства, взявшие жилье в ипотеку. Среди этой группы домохозяйств доля семей «на грани бедности и социальной исключенности» меньше, чем в категории арендующих жилье, в 6,6 раза в Чехии, в 6,2 раза в Румынии, в 5,5 раза в Польше, в 5,3 раза в Словении, в 5,0 раз в Литве, в 3,6 раза в Латвии, в 3,5 раза в Хорватии, в 2,8 раза в Эстонии, в 2,6 раза в Словакии, в 1,5 раза в Венгрии и в 1,4 раза в Болгарии. При этом Чехия, Словения и Словакия отличаются наименьшей среди стран Евросоюза долей домохозяйств «на грани бедности и социальной исключенности» (соответственно 12,2, 16,2 и 16,3%).

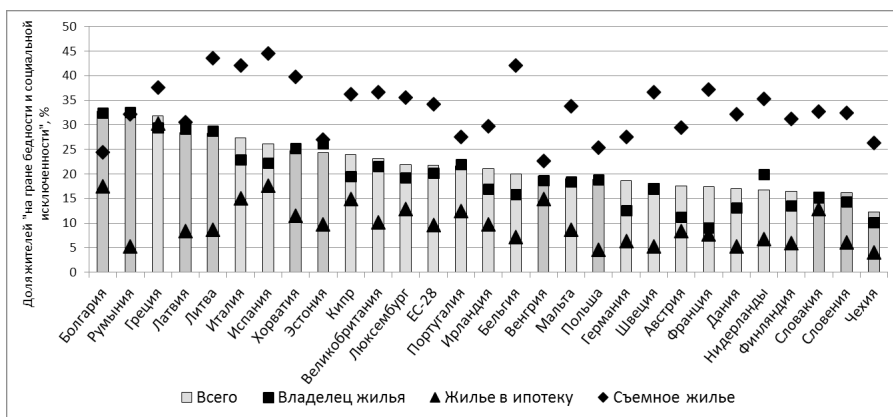


Рис. 10. Доля жителей в странах ЕС «на грани бедности и социальной исключенности» по типу владения жильем, %, 2018 год

Источник: составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

## Сравнение с межрегиональными различиями внутри стран Евросоюза

Различия между странами Евросоюза в уровне жизни вполне сопоставимы с диспаритетами между регионами внутри отдельных стран. Так, если проанализировать распределение чистых располагаемых доходов домохозяйств на душу населения по ППС по 275 регионам на уровне NUTS-2 согласно классификации Евростата (рис. 11)<sup>22</sup>, то видно, что различия в уровне жизни между группами стран ЕС-11 и ЕС-15 с учетом расходов на ипотеку / аренду жилья менее значительны, чем диспаритеты между регионами Великобритании (разница в 3,1 раза между регионами NUTS-2 с максимальным и минимальным уровнем доходов, по статистике Евростата<sup>23</sup>), Румынии (в 2,9 раза), Болгарии (в 2,1 раза), Италии и Словакии (в 2 раза), Польши (в 1,8 раза) и Испании (в 1,7 раза).

<sup>21</sup> European Statistical Recovery Dashboard // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

<sup>22</sup> В анализе используются последние предоставленные Евростатом данные — за 2017 год; в списке из 275 регионов представлены все страны Евросоюза, кроме Мальты.

<sup>23</sup> В данном случае мы делаем допущение о том, что внутри страны структура владения жильем сильно не влияет на межрегиональные диспаритеты по уровню жизни.



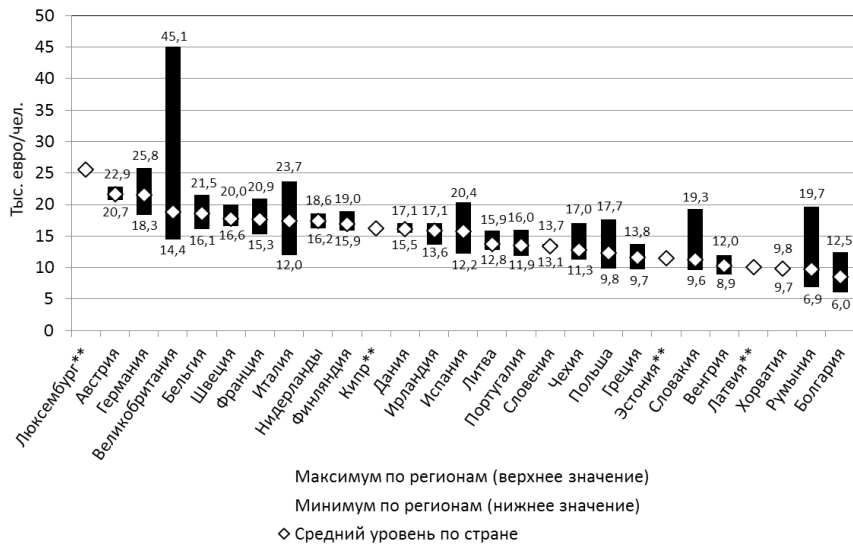


Рис. 11. Диспаритеты в располагаемых доходах домохозяйств на душу населения по ППС на уровне регионов стран ЕС, по классификации NUTS-2, 2017 год\*

Примечание: \* — данные по Мальте отсутствуют; \*\* — Люксембург, Кипр, Эстония и Латвия, по классификации NUTS-2, на регионы не подразделяются.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных: Eurostat Database. Luxembourg: Eurostat, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

В других странах ЕС-11 разница в подушевых показателях доходов по ППС между самым богатым и самым бедным регионом составляет 1,5 раза в Чехии, 1,35 раза в Венгрии, 1,24 раза в Литве, 1,04 раза в Словении и 1,01 раза в Хорватии. В топ-100 регионов ЕС-28 с самыми высокими доходами домохозяйств на душу населения входят два региона из стран ЕС-11 (на 63-м и 74-м местах), во вторую сотню регионов Евросоюза — шесть регионов из стран ЦВЕ (на 101, 125, 164, 192, 194-м и 197-м местах). Остальной 51 регион ЕС-11 распределен по нижней части списка, где также располагаются 24 региона из четырех стран ЕС-15 (из Испании, Италии, Португалии и Греции). В столичных регионах Румынии, Словакии, Польши и Чехии размер чистых располагаемых доходов домохозяйств на душу населения (соответственно 19,7 тыс. евро, 19,3 тыс. евро, 17,7 тыс. евро и 17,0 тыс. евро) превышает средний по ЕС уровень в 16,8 тыс. евро (рис. 11).

С помощью рассчитанных нами в предыдущем разделе показателей чистых располагаемых доходов домохозяйств в странах ЕС-11 и ЕС-15 с учетом ППС и расходов на аренду жилья и оплату ипотеки мы можем скорректировать предоставляемые Евростатом данные по чистым располагаемым доходам в домохозяйствах на душу населения в регионах NUTS-2 стран Евросоюза по формуле (2). С учетом этой поправки (рис. 12) в топ-100 регионов Евросоюза входят уже пять регионов из стран ЕС-11 — к вышеперечисленным четырем столичным регионам (19,5 тыс. евро в регионе Бухарест-Илфов, 18,5 тыс. евро в Братиславском крае, 16,8 тыс. евро в Варшавском столичном регионе и 16,1 тыс. евро в Праге) добавился столичный регион Литвы, где уровень чистых располагаемых доходов домохозяйств на душу населения составляет 15,5 тыс. евро при среднем показателе по Евросоюзу в 14,4 тыс. евро<sup>24</sup>.

<sup>24</sup> В столичном регионе Венгрии (Будапешт) показатель чистых располагаемых доходов домохозяйств на душу населения, по данным Евростата и с нашей поправкой, составляет соответственно 12,0 тыс. евро и 11,4 тыс. евро, в Юго-Западном регионе Болгарии, куда входит столица София, — 12,5 тыс. евро и 12,1 тыс. евро. В классификации NUTS-2 отдельно не выделяются столичные регионы в Латвии, Словении, Хорватии и Эстонии.

Во вторую сотню регионов, по классификации NUTS-2 Евросоюза, теперь входят восемь регионов из стран ЕС-11 (на 179, 181, 184, 189, 192, 193, 195, 196-м местах), а оставшиеся 46 регионов находятся в нижней части списка наряду с 29 регионами стран ЕС-15. Таким образом, помимо дифференциации уровня жизни между странами ЕС-15 и ЕС-11 еще более острой является проблема диспаритетов в уровне жизни внутри отдельных стран Центральной и Восточной Европы (см. также: [55]).

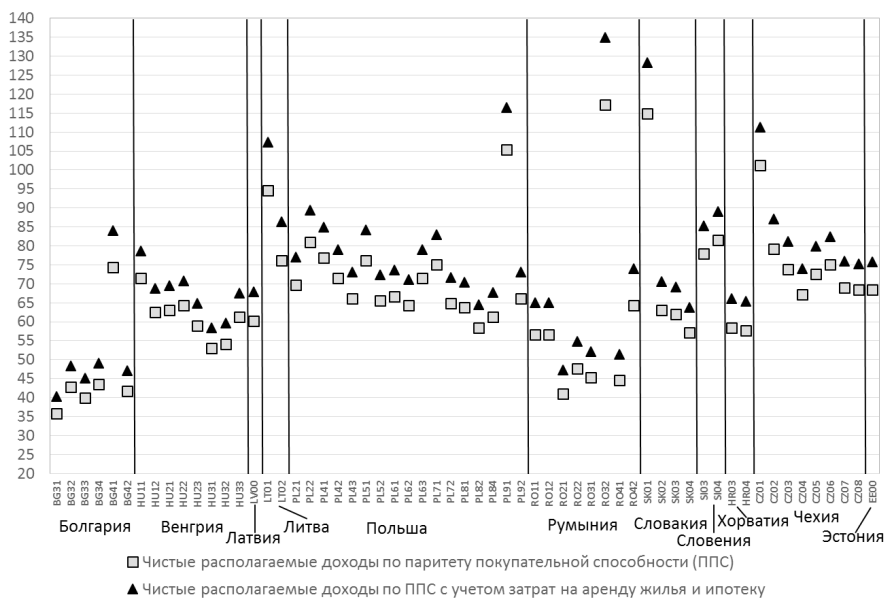


Рис. 12. Чистые располагаемые доходы домохозяйств на душу населения по ППС и с учетом расходов на аренду жилья и ипотеку в регионах стран ЕС-11, по классификации NUTS-2, в сравнении со средними показателями по Евросоюзу (ЕС = 100), 2017 год\*

*Примечание:* \* — регионы Болгарии с обозначением по классификации NUTS-2: BG31 — Северо-Западный, BG32 — Северный центральный, BG33 — Северо-Восточный, BG34 — Юго-Восточный, BG41 — Юго-Западный, BG42 — Южный центральный; регионы Венгрии: HU11 — Будапешт, HU12 — Пешт, HU21 — Центральная Трансданубия, HU22 — Западная Трансданубия, HU23 — Южная Трансданубия, HU31 — Северная Венгрия, HU32 — Северный Альфельд, HU33 — Южный Альфельд; регионы Литвы: LT01 — Столичный регион, LT02 — Центральная и Западная Литва; регионы Польши: PL21 — Малопольский, PL22 — Силезский, PL41 — Великопольский, PL42 — Западно-Поморский, PL43 — Любушский, PL51 — Нижнесилезский, PL52 — Опольский, PL61 — Куявско-Поморский, PL62 — Варминьско-Мазурский, PL63 — Поморский, PL71 — Лодзьский, PL72 — Свентокшиский, PL81 — Люблинский, PL82 — Подкарпатский, PL84 — Подляский, PL91 — Варшавский столичный, PL92 — Мазовецкий региональный; регионы Румынии: RO11 — Северо-Западный, RO12 — Центральный, RO21 — Северо-Восточный, RO22 — Юго-Восточный, RO31 — Юг — Мунтения, RO32 — Бухарест — Илфов, RO41 — Юго-Западная Олтения, RO42 — Западный; регионы Словакии: SK01 — Братиславский край, SK02 — Западная Словакия, SK03 — Центральная Словакия, SK04 — Восточная Словакия; регионы Словении: SI03 — Восточная Словения, SI04 — Западная Словения; регионы Хорватии: HR03 — Адриатическая Хорватия, HR04 — Континентальная Хорватия; регионы Чехии: CZ01 — Прага, CZ02 — Среднечешский край, CZ03 — Юго-Запад, CZ04 — Северо-Запад, CZ05 — Северо-Восток, CZ06 — Юго-Восток, CZ07 — Средняя Моравия, CZ08 — Моравско-Силезский; Латвия (LV00) и Эстония (EE00), по классификации NUTS-2, на регионы не подразделяются.

*Источник:* рассчитано и составлено автором на основе данных: European Statistical Recovery Dashboard // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.07.2020).

## Дискуссия

Предложенная нами методика позволяет уточнить оценки различий в уровне жизни домохозяйств, и наши расчеты свидетельствуют о более равномерном распределении на страновом уровне в Евросоюзе чистых располагаемых доходов домохозяйств с учетом расходов на аренду жилья и оплату ипотеки в сравнении с данными по номиналу и одному ППС. Вместе с тем эти расчеты ограничены имеющимися статистическими данными ОЭСР и Евростата, и при наличии еще более дифференцированной статистики данная методика способна обеспечить получение еще более точных результатов.

Во-первых, ОЭСР предоставляет статистику по доле расходов на выплаты по ипотеке и аренду жилья в среднем по всем домохозяйствам из данных двух категорий без уточнений для домохозяйств с разным количеством членов семьи. Естественно, доля расходов домохозяйств с одним человеком на ипотеку / аренду жилья может отличаться от показателей, например, семей с одним или несколькими детьми<sup>25</sup>. Однако ввиду отсутствия такой статистики в наших расчетах использовались единые данные ОЭСР как для домохозяйств с одним человеком, так и для домохозяйств из четырех человек.

Во-вторых, дифференциация аналогичным образом статистики Евростата по домохозяйствам и их статусу (владелец жилья, съемное жилье и жилье в ипотеку) по регионам NUTS-2 позволила бы уточнить расчеты на региональном уровне внутри стран ЕС-11 и ЕС-15. Пока же использование одинакового поправочного коэффициента для регионов с высокими и низкими доходами приводит к ожидаемо большей корректировке значения у первых и меньшей корректировке у вторых.

В-третьих, интересным представляется сравнение в странах ЕС относительного уровня жизни домохозяйств, арендующих так называемое социальное жилье и снимающих жилье на рыночных условиях. Используемый нами показатель ОЭСР по расходам домохозяйств на аренду жилья учитывает обе категории таких семей. В то же время социальное жилье, хотя общепринятая дефиниция такого типа жилья как на уровне Евросоюза, так и в ряде стран ЕС до сих пор отсутствует, предполагает предоставление арендного жилья уязвимым слоям населения по льготным ставкам, фактически уменьшая различия в их относительных доходах по сравнению с более состоятельными домохозяйствами<sup>26</sup>.

В-четвертых, необходимо отметить, что заметным бременем для домохозяйств из стран ЕС-11 являются возросшие в последние десятилетия в абсолютном выражении тарифы на жилищно-коммунальные услуги<sup>27</sup> [56]. Даже с учетом высокой доли собственников жилья процент расходов на жилищно-коммунальные услуги и ипотеку / аренду квартир в 2017 году составлял в среднем 25% от доходов всех

<sup>25</sup> Жители без семьи в странах Западной Европы чаще живут в центре города, где стоимость жилья выше, что может приводить к повышению доли расходов на ипотеку / аренду жилья, в то время как семьи с детьми часто выбирают пригороды, где стоимость недвижимости ниже и можно позволить себе большее по размеру жилье (но обычно это сопровождается увеличением транспортных расходов).

<sup>26</sup> Доля социального жилищного фонда в странах ЕС варьируется от 38% от общего жилищного фонда в Нидерландах, 21% в Дании, 20% в Австрии и 17% в Великобритании до 11% в Финляндии и 1—8% в странах ЕС-11 (*Housing Conditions* // OECD. 2019. URL: <https://www.oecd.org/housing/data/affordable-housing-database/housing-policies.htm> (дата обращения: 27.07.2020)).

<sup>27</sup> *Housing Conditions* // OECD. URL: <http://www.oecd.org/social/affordable-housing-database/housing-conditions/> (дата обращения: 27.07.2020).

домохозяйств Чехии, 24% — в Словакии, 23% — в Румынии, 21% — в Латвии и Польше, 20% — в Болгарии, 19% — в Словении и Венгрии, 18% — в Эстонии, 15% — в Литве. Соответственно, улучшение статистики ОЭСР в части разделения данных о расходах на жилищно-коммунальные услуги и ипотеку / аренду квартир по разным категориям домохозяйств также способствовало бы уточнению итоговых оценок уровня жизни в странах ЕС-11 и ЕС-15. В целом упоминавшаяся выше федерация *Housing Europe* в своем последнем докладе 2019 года обозначила высокую долю расходов на жилье у менее состоятельных семей и в странах ЕС-11, и в группе ЕС-15 как еще один негативный фактор для социальной устойчивости общества и обеспечения доступности жилья<sup>28</sup>.

Отдельным вопросом является реституция собственности в странах ЦВЕ, которая наиболее активно проводилась в 1990-е годы в первую очередь в странах Прибалтики, а также в Чехии, Словакии и Словении [57]. Кроме того, дополнить наш анализ можно через учет такого фактора, как качество жилья, который выступает темой для отдельного исследования и больше относится к многоаспектной проблеме качества жизни населения [58; 59]. Бывшие соцстраны ЕС-11 традиционно находятся позади государств из группы ЕС-15 по таким показателям Евростата и ОЭСР, как количество комнат и площадь жилья на душу населения, наличие современной канализации<sup>29</sup> и относительная перенаселенность квартир.

Вместе с тем следует отметить, что в рыночной и плановой экономике существовали немного разные критерии качества жилья. В соцстранах приоритет обычно отдавался надежности инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства (включая энерго-<sup>30</sup>, тепло- и газоснабжение домов), прочности конструкции домов, наличию в шаговой доступности детских площадок и садов, общеобразовательных, детских музыкальных и других школ, а также озеленению улиц. В то же время в рыночной экономике обеспеченность личным транспортом выше, и домохозяйства, с одной стороны, обладали большей мобильностью для решения своих каждодневных вопросов, а с другой — несли более значительные временные затраты и транспортные расходы. Также в городах западных стран досуговая деятельность и активный отдых жителей обычно концентрируются вокруг одного центрального парка и нескольких второстепенных зеленых зон.

В целом в начале 1990-х годов многоквартирным домам в странах ЕС-11, построенным в рамках плановой экономики, предсказывался упадок. Однако по прошествии двух-трех десятилетий исследователи стали указывать на высокую социальную стабильность такого типа жилья [60; 61], то есть его меньшую подверженность социальной деградации по сравнению с аналогичным жильем в Западной Европе. Более того, например, опрос жителей многоквартирных домов в ряде городов Польши показал, что 66% респондентов довольны своими квартирами и не планируют переезжать [60].

<sup>28</sup> *The State of Housing in the EU 2019* // Housing Europe. URL: <https://www.housingeurope.eu/resource-1323/the-state-of-housing-in-the-eu-2019> (дата обращения: 06.10.2020).

<sup>29</sup> Наихудшие показатели по данному параметру демонстрирует Румыния, где современный туалет отсутствует у 21% домохозяйств с доходами на уровне 50% от медианного дохода и выше и у 69% домохозяйств с доходами ниже 50% от медианного дохода в стране (*Housing Conditions* // OECD. URL: <http://www.oecd.org/social/affordable-housing-database/housing-conditions/> (дата обращения: 27.07.2020)).

<sup>30</sup> На официальном интернет-портале Еврокомиссии в настоящее время есть специальный раздел для жителей стран ЕС с рекомендациями по мерам для экономии электроэнергии, в числе которых до сих пор присутствует совет заменить в жилых помещениях одинарное остекление на двойной стеклопакет для снижения теплопотерь ([https://ec.europa.eu/clima/citizens/tips\\_en](https://ec.europa.eu/clima/citizens/tips_en) (дата обращения: 06.10.2020)).

Кроме того, только в 2010-х годах во многом из-за развертывания программ по повышению энергоэффективности в странах Западной Европы стало уделяться внимание такой ранее незнакомой многим жителям постсоветских стран проблеме, как температура воздуха в жилых домах в холодный период года [62]. До этого исследования по данной тематике проводились преимущественно в Великобритании<sup>31</sup>. В результате, как показали межстрановые сопоставления, в Евросоюзе отсутствовали единые стандарты параметров микроклимата в жилых помещениях [65], а целевая температура зимой в странах Западной и Северной Европы варьировалась от 18°C в Нидерландах до 22°C в Швеции, причем стандартной ситуацией было отличие температуры на 6—8 °C в разных помещениях одной и той же квартиры или жилого дома<sup>32</sup> [66].

Таким образом, для объективной оценки и полноценного сравнения качества жилья в странах ЕС-11 и ЕС-15 целесообразно использовать некоторые критерии, характерные для плановой экономики, которые способны дополнить стандартный анализ через призму типовых для западноевропейских государств показателей и углубить понимание особенностей переходного процесса в странах ЦВЕ.

## Основные выводы

1. Несмотря на 30 лет рыночных реформ, в бывших соцстранах, ныне членах Евросоюза, сохранилось в том числе влияние особой системы цен из плановой экономики, в результате чего расчеты по паритету покупательной способности уменьшают разницу в уровне доходов домохозяйств из одного человека между странами ЦВЕ и ЕС-15 с 3,1 раза при расчетах по номиналу до 1,8 раза.

2. Институты из плановой экономики в виде индивидуального, кооперативного и государственного жилья, ставшего в рыночной экономике частной собственностью большинства населения стран ЕС-11, не только смягчили последствия перехода к новой системе хозяйствования. Наличие в собственности жилья у 76% домохозяйств государств ЦВЕ — фактически демпфер, еще больше снижающий диспаритеты в уровне жизни между странами ЦВЕ и государствами Западной и Северной Европы, где почти две трети населения выплачивают ипотеку (30%) или арендуют жилье (35%), тратя на эти цели в среднем 17 и 23% своего дохода соответственно.

3. Следствием данных различий выступает как развитый рынок ипотечного кредитования в странах ЕС-15, так и высокий уровень кредитной нагрузки на население по ипотеке, которая достигает в пяти странах региона 145—188% от годового располагаемого дохода домохозяйств. Напротив, в странах ЕС-11 данный показатель не превышает в среднем 30%.

4. Предложенная нами методика позволяет учесть в одном показателе уровень доходов и особенности расходов домохозяйств, исходя из структуры владения жильем, давая более точную оценку уровня жизни в рассматриваемых странах. Согласно нашим расчетам, для домохозяйств из одного человека средние показатели уровня жизни по ЕС-11 и ЕС-15 с учетом ППС и расходов на ипотеку и аренду жилья различаются в 1,59 раза. Разница между наиболее богатой (Люксембург) и наиболее бедной (Болгария) страной ЕС-28 составляет, по нашим расчетам, 2,48 раза по сравнению с диспаритетом в 3 раза при расчете с одним ППС.

<sup>31</sup> Средняя температура в жилых домах / квартирах в Великобритании в холодный период составляет 19,5 °C [63]. При этом обычна ситуация, когда в квартире отапливается только та комната / помещение, в которой находятся жильцы, а на ночь отопление отключается вовсе [63; 64].

<sup>32</sup> В странах Западной Европы целевая температура в гостиных составляет 20—21 °C; в спальнях — 16—17 °C; на кухне — 18 °C; в ванной комнате — 24 °C [66].

5. Уровень жизни в странах ЕС-11, по нашим расчетам, составляет 68% от среднего по ЕС-28 показателя на 2018 год по сравнению с 61% по ППС. Ввиду относительно меньших расходов на аренду жилья и ипотеку уровень жизни в Румынии в домохозяйствах из одного человека ближе на 7,9% к среднему по ЕС-28, чем при расчетах с одним ППС, также на 7,6% ближе у Эстонии, на 7,5% — у Хорватия, на 7,4% — у Литвы, на 7,2% — у Польши, на 6,6% — у Чехии, на 6,2% — у Словакии, Латвии и Болгарии, на 6,0% — у Венгрии и на 5,7% — у Словении.

6. Различия в уровне жизни между группами стран ЕС-11 и ЕС-15 с учетом наших оценок оказываются менее значительными, чем диспаритеты в уровне жизни по ППС между самыми богатыми и бедными регионами Великобритании, Румынии, Болгарии, Италии, Словакии, Польши и Испании (по классификации регионов NUTS-2). Кроме того, уровень жизни в столичных регионах Чехии, Польши, Словакии и Румынии выше среднего по ЕС-28, а с учетом нашей поправки на расходы на ипотеку и аренду жилья в этот список также попадает и столичный регион Литвы.

7. Негативное влияние на уровень жизни в странах ЦВЕ оказывает повышение цен на жилищно-коммунальные услуги. Наиболее состоятельными в государствах ЕС-11 в среднем являются домохозяйства, купившие жилье в ипотеку, в то время как благосостояние домохозяйств с собственным жильем находится обычно на среднем по стране уровне. Самые высокие риски оказаться на грани бедности имеются у домохозяйств, арендующих свое жилье.

## Список литературы

1. Åslund A. How Capitalism Was Built: The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia. 2nd ed. N. Y., 2012.
2. Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Россия и современный мир. 2006. № 2. С. 7—47.
3. Brien S. Central and Eastern Europe Prosperity Report: the Lived Experience. Legatum Institute, 2019. URL: <https://li.com/wp-content/uploads/2019/10/2019-Central-and-Eastern-Europe-Prosperity-Report.pdf> (дата обращения: 30.07.2020).
4. Svejnar J. Transition Economies: Performance and Challenges // Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16, № 1. P. 3—28.
5. Kolodko G. W. From Shock to Therapy: the Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford, 2000.
6. Podkaminer L. Central and Eastern Europe: Trapped in Integration? // Acta Oeconomica. Vol. 65 (S1). 2015. P. 83—106.
7. Simai M. Poverty and Inequality in Eastern Europe and the CIS Transition Economies // DESA Working Paper. 2006. № 17.
8. Struyk R. (ed.) Economic Restructuring of the Former Soviet Bloc: The Case of Housing. Washington, DC, 1996.
9. Housing Privatization in Eastern Europe / D. Clapham, J. Hegedüs, K. Kintrea et al. (eds.). Westport, CT ; L., 1996.
10. Глинкина С. П., Куликова Н. В., Синицина И. С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост : научный доклад. М., 2014.
11. Кудров В. М. Рыночная трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: к оценке накопленного опыта // Общество и экономика. 2006. № 5. С. 122—167.
12. Шишелина Л. Н. Некоторые итоги трех десятилетий трансформации Центральной Европы // Современная Европа. 2019. № 6. С. 48—56. doi: 10.15211/soveurope620194856.
13. Европа между трех океанов / А. А. Громыко, В. П. Федоров (ред.). М., 2019.
14. Орлик И. И. Центрально-Восточная Европа: от СЭВ к Евросоюзу // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 3—20.
15. Умерова И. А. Регионализм в условиях глобализации: факторы конкурентоспособности стран Центрально-Восточной Европы // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2009. № 1. С. 52—59.



16. Князев Ю. К., Куликова Н. В. Задолженность стран Центрально-Восточной Европы на фоне всеобщего долгового кризиса // Мир перемен. 2013. № 2. С. 71—88.
17. Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / А. В. Кузнецов, Е. С. Хесин (ред.). М., 2013.
18. Центрально-Восточная Европа: из кризиса в депрессию? / Н. В. Куликова (ред.). М., 2014.
19. Бажан А. И. Экономический рост в ЕС и странах Вишеградской группы // Современная Европа. 2019. № 7. С. 72—81. doi: 10.15211/soveurope720197281.
20. Четверикова А. С. Эволюция инвестиционных связей стран Вишеградской группы и России // Современная Европа. 2020. № 2. С. 90—99. doi: 10.15211/soveurope220209099.
21. Коровицына Н. В. Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций. Поляки, чехи, словаки. М., 2019.
22. Габарта А. А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. 2017. № 7. С. 104—113.
23. Дрыночкин А. В. Проблемы экономической оценки трансформационного развития Вишеградских стран // Современная Европа. 2015. № 6. С. 50—59. doi: 10.15211/soveurope620155059.
24. Дружинин П. В., Прокопьев Е. А. Оценка эффективности развития стран ЕС, входящих в Балтийский регион // Балтийский регион. 2018. № 1. С. 4—18. doi: 10.5922/2074-9848-2018-1-1.
25. Воротников В. В. Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7. С. 124—135. doi: 10.15211/soveurope72019124135.
26. Бусыгина И. М., Климович С. А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе // Балтийский регион. 2017. № 1. С. 7—26. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-1.
27. Межевич Н. М. Прибалтийская экономическая модель: некоторые итоги трансформации 1990—2015 годов // Балтийский регион. 2015. № 4. С. 27—50. doi: 10.5922/2074-9848-2015-4-2.
28. Кондратьева Н. Б. Страны Балтии: в ловушке среднего дохода // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 78—85.
29. Свиридова М. В. Трансформационные процессы в России и в странах Центрально-Восточной Европы в 1990—2000-х гг. // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 57—70.
30. Клемешев А. П., Федоров Г. М., Зверев Ю. М. О потенциале и возможностях сотрудничества Российской Федерации со странами Балтии в инновационной сфере // Балтийский регион. 2011. № 3. С. 88—97.
31. Berend I. T. Social Shock in Transforming Central and Eastern Europe // Communist and Post-Communist Studies. 2007. Vol. 40, iss. 3. 2007. P. 269—280.
32. Berglöf E., Korniyenko Ye., Plekhanov A., Zettelmeyer J. Understanding the crisis in emerging Europe // Public Policy Review. 2009. Vol. 6, iss. 6. P. 985—1008.
33. Milanovic B. Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. Washington, DC, 1998.
34. Karmowska, G., Marciniak, M. Spatial Diversification of Living Standards in the Former Communist Countries of Central and Eastern Europe and the Balkans // Comparative Economic Research. 2015. Vol. 18, № 4. P. 123—138.
35. Котулевич-Вишиньска К. Средний класс в современной Польше // Современная Европа. 2019. № 7. С. 59—71. doi: 10.15211/soveurope720195971.
36. Sanfey P., Teksoz U. Does Transition Make You Happy? // Economics of Transition and Institutional Changes. 2007. Vol. 15, iss. 4. P. 707—731. doi: 10.1111/j.1468-0351.2007.00309.x.
37. Djankov S., Nikolova E., Zilinsky J. The Happiness Gap in Eastern Europe // Journal of Comparative Economics. 2016. Vol. 44, iss. 1. P. 108—124. doi: 10.1016/j.jce.2015.10.006.
38. Åslund A. Building Capitalism: the Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
39. The Polish Miracle: Lessons for the Emerging Markets / G. W. Kolodko (ed.). Aldershot and Burlington, 2005.
40. Transition and Beyond: Essays in Honor of Mario Nuti / S. Estrin, G. W. Kolodko, M. Uvalic (eds.). Basingstoke ; N.Y., 2007.

41. *Noelke C.* Social Protection, Inequality and Labor Market Risks in Central and Eastern Europe // *Europe Enlarged: a Handbook of Education, Labour and Welfare Regimes in Central and Eastern Europe* / I. Kogan, M. Gebel, C. Noelke (eds.) Bristol, 2008. P. 63—96.
42. *Lokshin M., Ravallion M.* Short-Lived Shocks with Long-Lived Impacts? Household Income Dynamics in a Transition Economy // *Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia: Background Papers*. Washington, DC, 2000. P. III-1 — III-32.
43. *Kolodko G. W., Gotz-Kozierekiewicz D., Skrzyszewska-Paczek E.* Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies. Norwell and Dordrecht, 1992.
44. *Blanchard O., Commander S., Coricelli F.* Unemployment and Restructuring in Eastern Europe and Russia // *Unemployment, Restructuring and the Labor Market in Eastern Europe and Russia* / Commander S., Coricelli F. (eds.). EDI Development Studies, Washington, DC, 1995. P. 289—330.
45. *Förster M., Jesuit D., Smeeding T.* Regional Poverty and Income Inequality in Central and Eastern Europe: Evidence from the Luxembourg Income Study // *Spatial Inequality and Development* / R. Kanbur, A. J. Venables (eds.). Oxford ; N.Y., 2005.
46. *Heyns B.* Emerging Inequalities in Central and Eastern Europe // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. P. 163—197.
47. *Novokmet F.* Between communism and capitalism: essays on the evolution of income and wealth inequality in Eastern Europe 1890—2015 (Czech Republic, Poland, Bulgaria, Croatia, Slovenia, Russia): PhD Thesis. P., 2017.
48. *André Ch., Chalaux T.* Building a typology of housing systems to inform policies in OECD and EU member States // *Economie et Statistique = Economics and Statistics*. 2018. No. 500—502. P. 13—36. doi: 10.24187/ecostat.2018.500t.1943.
49. *De Soto H.* The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. N. Y. ; L., 2000.
50. *Novokmet F., Piketty T. Zucman G.* From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905—2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. P. 189—223. doi: 10.1007/s10888-018-9383-0.
51. *Капелюшников Р. И.* Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // *Вопросы экономики*. 2020. № 4. С. 67—106. doi: 10.32609/0042-8736-2020-4-67-106.
52. *Лунец Ю. Г.* Внешний фактор региональной трансформации — ценовая среда региона, страны, группы однотипных по ценовой системе стран // VI Сократические чтения «Постиндустриальная трансформация социального пространства России»: сб. докладов / под ред. В. А. Шупера. М., 2006. С. 115—120.
53. *Пилупенко И. В.* Динамика экономического развития и эволюция основных направлений внешней торговли постсоветских республик // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2018. № 12, Т. 9 (84). С. 12—38.
54. *MacDonald R., Wójcik C.* Catching up: The role of demand, supply and regulated price effects on the real exchange rates of four accession countries // *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12 (1). P. 153—179.
55. *Regionalisierung, Regionalismus und Regionalpolitik in Mittelost- und Südosteuropa. Südosteuropa-Jahrbuch 35* / H. Förster (hrsg.). München, 2008.
56. *Karpinska L., Śmiech S.* Invisible energy poverty? Analysing housing costs in Central and Eastern Europe // *Energy Research & Social Science*. 2020. Vol. 70. doi: 10.1016/j.erss.2020.101670.
57. *Blacksell M., Born K. M.* Private Property Restitution: The Geographical Consequences of Official Government Policies in Central and Eastern Europe // *The Geographical Journal*. 2002. Vol. 168, № 2. P. 178—190.
58. *Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2003.
59. *Пузанов А. С., Косарева Н. Б., Полиди Т. Д., Туманов А. А.* Анализ изменений жилищной обеспеченности и возможностей улучшения жилищных условий в период перехода к рыночной экономике // *Уровень жизни населения регионов России*. 2012. № 1 (167). С. 29—41.
60. *Gorczyca K.* The Social Transformation of Large Housing Estates in Poland at the Turn of the 21st Century // *Sociologický časopis/Czech Sociological Review*. 2016. Vol. 52, № 6. P. 861—892. doi: 10.13060/00380288.2016.52.6.289.

61. *Gentile M., Marcińczak S.* Housing inequalities in Bucharest: Shallow changes in hesitant transition // *GeoJournal*. 2014. Vol. 79, iss. 4. P. 449–465. doi: 10.1007/s10708-014-9530-5.
62. *Vávra J., Peters V., Lapka M. et al.* What Shapes the Temperatures of Living Rooms in Three European Regions? // *Sociální studia = Social Studies*. 2015. Vol. 12, № 3. P. 135–158.
63. *Huebner G. M., Michael M., Shipworth D. et al.* Heating patterns in English homes: Comparing results from a national survey against common model assumptions // *Building and Environment*. December 2013. Vol. 70. P. 298–305.
64. *Tweed Ch., Dixon D., Hinton E., Bickerstaff K.* Thermal comfort practices in the home and their impact on energy consumption // *Architectural Engineering and Design Management*. 2014. Vol. 10, iss. 1–2. P. 1–24. doi: 10.1080/17452007.2013.837243.
65. *Brelj N.* Thermal and acoustic comfort requirements in European standards and national regulations // *REHVA (Federation of European Heating, Ventilation and Air Conditioning Associations) Journal*. 2013. № 2. P. 16–109.
66. *Kemna R.* Average EU building heat load for HVAC equipment: final report. Delft, 2014.

## Об авторе

**Игорь Валерьевич Пилипенко**, кандидат географических наук, директор, Институт конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ), Россия.

E-mail: [i-pilipenko@yandex.ru](mailto:i-pilipenko@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8108-7253>

---

# THE TRANSITION PROCESS AND INSTITUTIONS: ON THE ISSUE OF THE STANDARD OF LIVING IN THE COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE – MEMBERS OF THE EUROPEAN UNION

---

***I. V. Pilipenko***

---

Institute for Competitiveness and Integration  
PO Box 25, Moscow, 115035, Russia

Received 07 October 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-9  
© Pilipenko, I. V., 2021

*The aim of this article is to adjust the technique of comparing the standard of living in 11 countries of Central and Eastern Europe that became members of the European Union (EU) during 2004-2013 (EU-11) and 15 countries of Western, Northern and Southern Europe – member states of the EU by 1995 (EU-15). We reveal that outright home ownership in the EU-11 countries exceeds on average 75%, while almost two-thirds of households in the EU-15 countries have a mortgage or pay rent spending on housing on average up to one quarter of their income. Despite 30 years of transition to a market economy, the EU-11 countries largely inherited such home ownership structure from the centrally planned economy institutions, i.e. individually-owned and cooperative housing, as well as subsidized state-owned housing stock that became the private property of tenants at the start of market reforms. We propose a*

---

**To cite this article:** Pilipenko, I. V. 2021, The transition process and institutions: on the issue of the standard of living in the countries of Central and Eastern Europe – members of the European Union, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no. 1, p. 153–179. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-9.

technique of taking into account households' income and housing costs (mortgage and rent) in one indicator given the current home ownership structure in an economy. After the purchasing power parity (PPP) adjustment, our calculations reveal that the standard of living disparities between the EU-11 and EU-15 states are less significant than when compared at nominal prices or PPP alone. Moreover, the disparity in average living standards between these two groups of countries turns out to be narrower than cross-regional differences within seven EU member states at the Eurostat's NUTS 2 level.

### Keywords:

Central and Eastern Europe, European Union, transition process, institutions, standard of living, housing, tenancy, mortgage

### References

1. Åslund, A. 2012, *How Capitalism Was Built: The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia*, 2nd ed., New York, Cambridge University Press.
2. Kornai, J. 2006, The Great Transformation of Central and Eastern Europe: success and disillusionment, *Rossiia i sovremennij mir* [Russian and the Contemporary World], no. 2, p. 7–47 (In Russ.)
3. Brien, S. 2019, Central and Eastern Europe Prosperity Report: the Lived Experience, *Legatum Institute*, available at: <https://li.com/wp-content/uploads/2019/10/2019-Central-and-Eastern-Europe-Prosperity-Report.pdf> (accessed 30.07.2020).
4. Svejnar, J. 2002, Transition Economies: Performance and Challenges, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 16. no. 1, p. 3–28.
5. Kolodko, G. W. 2000, *From Shock to Therapy: the Political Economy of Postsocialist Transformation*, Oxford, Oxford University Press.
6. Podkaminer, L. 2015, Central and Eastern Europe: Trapped in Integration? *Acta Oeconomica*, no. 65, S1, p. 83–106.
7. Simai, M. 2006, Poverty and Inequality in Eastern Europe and the CIS Transition Countries, *DESA Working Paper*, no. 17, 25 p.
8. Struyk, R. (ed.) 1996, *Economic Restructuring of the Former Soviet Bloc: The Case of Housing*, Washington, DC, Urban Institute Press.
9. Clapham, D., Hegedüs, J., Kintrea, K., Tosics, I., Kay, H. (eds.) 1996, *Housing Privatization in Eastern Europe*, Westport, CT and London, Greenwood Press.
10. Glinkina, S. P., Kulikova, N. V., Sinitsina, I. S. 2014, *Strany Tsentral'no-Vostochnoi Evropy: evrointegratsiya i ekonomicheskii rost* [Central and Eastern European countries: European integration and economic growth], Moscow, IE RAS (In Russ.).
11. Kudrov, V. M. 2006, Market transformation in the countries of Central and Eastern Europe: accumulated experience, *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], no. 5, p. 122–167 (In Russ.).
12. Shishelina, L. N. 2019, Some results of three decades of transformation in Central Europe. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 6, p. 48–56. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620194856> (In Russ.)
13. Gromyko, A. A., Fedorov, V. P. (eds.) 2019, *Evropa mezhdu trekh okeanov* [Europe between three oceans], Moscow, IE RAS (In Russ.).
14. Orlik, I. I. 2009, Central and Eastern Europe: from COMECON to European Union, *Novaya i novejschaya istoriya* [Modern and Contemporary History], no. 2, p. 3–20 (In Russ.).
15. Umerova, I. A. 2009, Regionalization in terms of globalization: competitiveness factors of Central and East European countries, *RUDN Journal of Economics*, no. 1, p. 52–59 (In Russ.).
16. Knyazev, Yu. K., Kulikova, N. V. 2013, Debt burden of the countries of Central and Eastern Europe against the backdrop of the global debt crisis, *Mir peremen* [The World of Transformations], no. 2, p. 71–88 (In Russ.).
17. Kuznetsov, A. V., Khesin, Ye. S. (eds.) 2013, *Ekonomika stran ES posle vvedeniya evro: ot eiforii 1999 g. do dolgovogo krizisa 2010-kh godov* [EU member states economies after the introduction of the euro: from euphoria of 1999 to the debt crisis of the 2010s], Moscow, IMEMO RAS (In Russ.).

18. Kulikova, N. V. (ed.) 2014, *Tsentral'no-Vostochnaya Evropa: iz krizisa v depressiyu?* [Central and Eastern Europe: from crisis to depression?], Moscow, Institute of Economics, RAS (In Russ.).
19. Bazhan, A. I. 2019, Economic Growth in the EU and Visegrad group, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 7, p. 72–81. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720197281> (In Russ.).
20. Chetverikova, A. S. 2020, Evolution of the Investment Cooperation between the Countries of the Visegrad Group and Russia, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 2, p. 90–99. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020909> (In Russ.).
21. Korovitsyna, N. V. 2019, *Kak zhivut tsentral'noevropeitsy posle «barkhatnykh» revolyutsii. Polyaki, chekhi, slovaki* [How do the Eastern Europeans live after velvet revolutions], Moscow, IE RAS (In Russ.).
22. Gabarta, A. A. 2017, Social and economic model of Central European countries, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 7, p. 104–113 (In Russ.).
23. Drynochkin, A. V. 2015, Problems of economic evaluation of the transformation of the Visegrad countries, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 6, p. 50–59. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620155059> (In Russ.).
24. Druzhinin, P. V., Prokopyev, E. A. 2018, An Assessment of the Economic Performance of the EU Baltic Region States, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 4–18. doi: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-1>.
25. Vorotnikov, V. V. 2019, Euro-Atlantic Integration of the Baltic States: Some Results, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 7, p. 124–135. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135> (In Russ.).
26. Busygina, I. M., Klimovich, S. A. 2017, Coalition Within a Coalition: The Baltics in the European Union, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 4–17. doi: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2017-1-1>.
27. Mezhevich, N. M. 2015, The Baltic economic model: some results of the 1990–2015 transformations, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 20–37. doi: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-2>.
28. Kondratyeva, N. B. 2020, Baltic States: in the Middle Income Trap, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1, p. 78–85. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120207885> (In Russ.).
29. Sviridova, M. V. 2008, Transformation processes in Russia and the states of Central-Eastern Europe in 1990–2000, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 5, p. 57–70 (In Russ.).
30. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2011, On the potential and opportunities for cooperation between the Baltics in the field of innovations, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 76–84. doi: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2011-3-9>.
31. Berend, I. T. 2007, Social Shock in Transforming Central and Eastern Europe, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 40, no. 3, p. 269–280.
32. Berglöf, E., Korniyenko, Ye., Plekhanov, A., Zettelmeyer, J. 2009, Understanding the crisis in emerging Europe, *Public Policy Review*, vol. 6, no. 6, p. 985–1008.
33. Milanovic, B. 1998, *Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*, Washington, DC, the World Bank.
34. Karmowska, G., Marciniak, M. 2015, Spatial Diversification of Living Standards in the Former Communist Countries of Central and Eastern Europe and the Balkans, *Comparative Economic Research*, vol. 18, no. 4, p. 123–138.
35. Kotulewicz-Wisińska, K. 2019, Middle class in modern Poland, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], no. 7, p. 59–71. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720195971> (In Russ.).
36. Sanfey, P., Teksoz, U. 2007, Does Transition Make You Happy? *Economics of Transition and Institutional Changes*, vol. 15, no. 4, p. 707–731. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0351.2007.00309.x>.
37. Djankov, S., Nikolova, E., Zilinsky, J. 2016, The Happiness Gap in Eastern Europe, *Journal of Comparative Economics*, vol. 44, no. 1, p. 108–124. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jce.2015.10.006>.
38. Åslund, A. 2002, *Building Capitalism: the Transformation of the Former Soviet Bloc*, Cambridge, Cambridge University Press.
39. Kolodko, G. W. (ed.) 2005, *The Polish Miracle: Lessons for the Emerging Markets*, Aldershot and Burlington, Ashgate.



40. Estrin, S., Kolodko, G. W., Uvalic, M. (eds.) 2007, *Transition and Beyond: Essays in Honor of Mario Nuti*, Basingstoke and New York, Palgrave Macmillan.
41. Noelke, C. 2008, Social Protection, Inequality and Labor Market Risks in Central and Eastern Europe. In: Kogan, I., Gebel, M., Noelke, C. (eds.) *Europe Enlarged: a Handbook of Education, Labour and Welfare Regimes in Central and Eastern Europe*, Bristol, Policy Press, p. 63–96.
42. Lokshin, M., Ravallion, M. 2000, Short-Lived Shocks with Long-Lived Impacts? Household Income Dynamics in a Transition Economy. In: *Making Transition Work for Everyone: Poverty and Inequality in Europe and Central Asia: Background Papers*, Washington, DC IBRD, September 2000, pp. III-1 — III-32.
43. Kolodko, G. W., Gotz-Kozierkiewicz, D., Skrzyszewska-Paczek, E. 1992, *Hyperinflation and Stabilization in Postsocialist Economies*, Norwell and Dordrecht: Kluwer Academic Publishers Group.
44. Blanchard, O., Commander, S., Coricelli, F. 1995, Unemployment and Restructuring in Eastern Europe and Russia. In: Commander, S., Coricelli, F. (eds.) *Unemployment, Restructuring and the Labor Market in Eastern Europe and Russia*, EDI Development Studies, Washington, DC, the World Bank, p. 289–330.
45. Förster, M., Jesuit, D., Smeeding, T. 2005, Regional Poverty and Income Inequality in Central and Eastern Europe: Evidence from the Luxembourg Income Study. In: Kanbur, R., Venables, A.J. (eds.) *Spatial Inequality and Development*, Oxford and New York, Oxford University Press.
46. Heyns, B. 2005, Emerging Inequalities in Central and Eastern Europe, *Annual Review of Sociology*, no. 31, p. 163–197.
47. Novokmet, F. 2017, *Between communism and capitalism: essays on the evolution of income and wealth inequality in Eastern Europe 1890–2015 (Czech Republic, Poland, Bulgaria, Croatia, Slovenia, Russia)*, PhD Thesis, Prepared and defended at Paris School of Economics on December 11, 2017.
48. André, Ch., Chalaux, T. 2018, Building a typology of housing systems to inform policies in OECD and EU member States, *Economie et Statistique / Economics and Statistics*, no. 500–501–502, p. 13–36. doi: <https://doi.org/110.24187/ecostat.2018.500t.1943>.
49. De Soto, H. 2000, *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*, New York, Basic Books and London, Bantam Press/Random House.
50. Novokmet, F., Piketty, T., Zucman G. 2018, From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016, *Journal of Economic Inequality*, no. 16, p. 189–223. doi: <https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>.
51. Kapeliushnikov, R. I. 2020, Piketty's Team on Inequality in Russia: A Collection of Statistical Artifacts, *Voprosy ekonomiki*, no. 4, p. 67–106. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-67-106> (In Russ.).
52. Lipets, Yu. G. 2006, An external factor of regional transformation — price environment of region, country, group of countries with the same price system. In Shuper, V. A. (ed.) *VI Socrates Conference 'The post-industrial transformation of the social space of Russia'*, Moscow, Eslan, p. 115–120 (In Russ.).
53. Pilipenko, I. V. 2018, The dynamics of economic development and the evolution of main foreign trade directions of post-Soviet republics, *Ekonomika i upravlenie: problema, resheniya* [Economy and Governance: Problems, Solutions], no. 12, vol. 9 (84), p. 12–38 (In Russ.).
54. MacDonald, R., Wójcik, C. 2004, Catching up: The role of demand, supply and regulated price effects on the real exchange rates of four accession countries, *Economics of Transition*, no. 12 (1), p. 153–179.
55. Förster, H. (Hrsg.) 2008, *Regionalisierung, Regionalismus und Regionalpolitik in Mittelost- und Südosteuropa*, Südosteuropa-Jahrbuch 35, München, Sagner.
56. Karpinska, L., Śmiech, S. 2020, Invisible energy poverty? Analysing housing costs in Central and Eastern Europe, *Energy Research & Social Science*, no. 70. doi: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101670>.
57. Blacksell, M., Born, K.M. 2002, Private Property Restitution: The Geographical Consequences of Official Government Policies in Central and Eastern Europe, *The Geographical Journal*, vol. 168, no. 2, p. 178–190.
58. Zubarevich, N. V. 2003, *The social development of regions of Russia: problems and tendencies of the transition period*, Moscow, URSS (In Russ.).
59. Puzanov, A. S., Kosareva, N. B., Polidi, T. D., Tumanov, A. A. 2012, Analysis of changes in housing availability and opportunities for housing improvement in the period of transition to a mar-



ket economy, *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, no. 1 (167), p. 29—41 (In Russ.).

60. Górczyca, K. 2016, The Social Transformation of Large Housing Estates in Poland at the Turn of the 21st Century, *Sociologický časopis/Czech Sociological Review*, vol. 52, no. 6, p. 861—892. doi: <https://doi.org/10.13060/00380288.2016.52.6.289>.

61. Gentile, M., Marcińczak, S. 2014, Housing inequalities in Bucharest: Shallow changes in hesitant transition, *GeoJournal*, vol. 79, no. 4, p. 449—465. doi: <https://doi.org/10.1007/s10708-014-9530-5>.

62. Vávra, J., Peters, V., Lapka, M., Craig, T., Cudlínová, E. 2015, What Shapes the Temperatures of Living Rooms in Three European Regions? *Sociální studia / Social Studies*, vol. 12, no. 3, p. 135—158.

63. Huebner, G. M., McMichael, M., Shipworth, D., Shipworth, M., Durand-Daubin, M., Summerfield, A. 2013, Heating patterns in English homes: Comparing results from a national survey against common model assumptions, *Building and Environment*, December, no. 70, p. 298—305.

64. Tweed, Ch., Dixon, D., Hinton, E., Bickerstaff, K. 2014, Thermal comfort practices in the home and their impact on energy consumption, *Architectural Engineering and Design Management*, vol. 10, no. 1—2, p. 1—24. doi: <https://doi.org/10.1080/17452007.2013.837243>.

65. Brelih, N. 2013, Thermal and acoustic comfort requirements in European standards and national regulations, *REHVA (Federation of European Heating, Ventilation and Air Conditioning Associations) Journal*, no. 2, p. 16—109.

66. Kemna, R. 2014, *Average EU building heat load for HVAC equipment: final report*, Prepared for the European Commission, Delft, Van Holsteijn en Kemna B. V. (VHK).

## **The author**

---

**Dr Igor V. Pilipenko**, Director, the Institute for Competitiveness and Integration (RICI), Russia.

E-mail: [i-pilipenko@yandex.ru](mailto:i-pilipenko@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8108-7253>

---

---

---

# РЕЦЕНЗИЯ

---

---

## «НОВЫЙ БРЕСТ» ИЛИ ЧАСТИЧНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СМОЛИН А. В.

«НОВЫЙ БРЕСТ». ТАРТУСКИЙ МИР СОВЕТСКОЙ  
РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ 1920 г.

СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2020. — 384 с.

---

**К. К. Худолей**

---

Санкт-Петербургский государственный университет,  
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Первая мировая война, революции в России, Германии и Австро-Венгрии, крах и распад трех империй привели к появлению в Европе группы новых государств. Мирные договоры, подписанные на Парижской конференции, в основном подвели итоги мировой войны, но не решили многих проблем. В сложном положении оказались новые независимые государства, которые стремились добиться международного признания, но были вынуждены маневрировать между великими державами и урегулировать споры между собой. Дестабилизирующие факторами были гражданская война в России, иностранная интервенция и курс большевиков на мировую коммунистическую революцию. Прежде чем в мире наступила относительная стабилизация, прошло еще несколько лет, во время которых был подписан ряд новых договоров. Особое значение в тех условиях имели мирные договоры, заключенные РСФСР с Эстонией, Латвией, Литвой, Грузией и Финляндией в 1920 г. Они не означали отказа от лозунга мировой революции, но были симптомами некоторой корректировки курса. Несмотря на то, что эти договоры были подписаны 100 лет тому назад, они до сих пор являются предметами общественно-политических и научных дискуссий. При этом степень разработки российскими исследователями данных сюжетов различна. Если мирному договору с Финляндией посвящен ряд публикаций, то изученность мирных договоров с балтийскими государствами уже заметно ниже, а мирный договор с Грузией не упоминается даже в учебниках по истории международных отношений. Хотя проблематика отношений РСФСР с Финляндией изучена лучше, проделанной работе также нужны серьезные осмысления и обобщения. Именно такая — и, по нашему мнению, успешная — попытка предпринята в рецензируемой книге А. В. Смолина.

Анализируя книгу А. В. Смолина, прежде всего надо отметить ее солидную источниковую базу. Автор очень хорошо знает материалы Российского государственного архива военно-морского флота, публикации документов, публицистику, мемуары. Некоторые из использованных архивных документов впервые вводятся в научный оборот. С учетом того, какую роль играл Балтийский флот в событиях 1917—1920 годов на Северо-Западе России, архивные документы позволяют взглянуть на советско-финские отношения того времени — и военные, и полити-

ческие — с совершенно иной стороны, чем опубликованные материалы внешней политики. Особо следует отметить приложения, где впервые опубликована интересная подборка документов, освещающая позицию русского морского командования о передаче Финляндии (сначала речь шла о социалистической Финляндии) Печенги и по некоторым другим пограничным вопросам. Они хорошо показывают, в каких спорах и как сложно принимались эти решения. В то же время освещение было бы более полным и многогранным, если бы автор использовал материалы периодической печати и хотя бы некоторые из финских публикаций.

Первая глава — «Балтийский флот после Бреста и Финляндия» — в наибольшей степени насыщена материалами архивных документов. При этом в ней существенное место уделено таким специфическим проблемам, как установление демаркационной линии в Финском заливе и некоторым другим. Автор показывает всю сложность проходивших переговоров, в которых фактически участвовали не только Советское правительство и Финляндия, но и Германия, влияние которой после Брестского мира и интервенции в Финляндию резко возросло в регионе Балтийского моря. Наибольший интерес вызывает описание советско-германских переговоров по вопросам Балтийского моря, включая Финский залив, которые проходили в январе 1918 года в Риге и осенью 1918 года в Либаве. В ходе их русские военные моряки делали все возможное, чтобы отстоять интересы безопасности России на Балтийском море. Ранее эти переговоры не только не рассматривались в научной литературе, но обычно даже не упоминались.

Вторая глава — «Противостояние» — в основном посвящена политике Советского правительства в отношении возникшей в Финляндии гражданской войны. Если по вопросам определения советско-финской границы некоторые исследования уже имеются, то вопросы взаимоотношений двух социалистических стран — Советской России и Финляндской социалистической республики — изучены пока недостаточно. А. В. Смолин останавливается на некоторых аспектах этих отношений, которые не были простыми. Конечно, для социалистической Финляндии Советская Россия выступала в определенной степени ориентиром, она была заинтересована в ее поддержке, но по ряду вопросов ее позиция была полностью самостоятельной. Этот сюжет, пожалуй, стоило бы осветить в большей степени, как и то, что поражение социалистической Финляндии на каком-то этапе вызвало растерянность у части большевиков.

Следующие три главы полностью посвящены основным этапам и ходу переговоров, которые завершились подписанием мирного договора в Тарту (1920).

Отмечая несомненное достоинство книги А. В. Смолина, логичность и аргументированность изложения, в то же время нельзя не отметить, что в ней имеется и ряд дискуссионных сюжетов.

Прежде всего речь идет о постановке проблемы, наиболее четко сформулированной в названии книги «"Новый Брест"». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г.». А. В. Смолин достаточно определенно проводит мысль о сходстве Брестского мира 1918 года с Германией и Тартуского мирного договора 1920 г. с Финляндией, считая, что в обоих случаях Советская Россия ненадолго пожертвовала территориями ради выигрыша времени и сохранения власти большевиков с тем, чтобы вскоре вернуть потерянное. Данное сравнение представляется нам некоторым упрощением. В 1918 году большевики не сомневались в быстрой победе германской революции — разногласия среди них состояли в том, произойдет ли она через несколько недель или месяцев. В декабре 1920 года настроения среди большевиков изменились — многие из них были поражены (А. В. Смолин, кстати, об этом пишет) тем, что польский пролетариат не поддержал Красную Армию, потерпевшую под Варшавой тяжелое поражение. Понятие «временная и ча-

стичная стабилизация» появилось несколько позже, но по существу была очевидна необходимость видоизменения старой политики, ее корректировки с учетом новой реальности. Поэтому вопрос о пересмотре границ всерьез долгие годы не вставал.

А. В. Смолин справедливо отмечает, что до сих пор остается недостаточно проясненным вопрос о взаимосвязи между НКВД и Коминтерном и что она была гораздо более сложной и не таким прямолинейной, как это иногда представляется. Сама по себе такая постановка проблемы несомненно правильна: — в советской политике всегда причудливо сочетались и переплетались две тенденции — к налаживанию межгосударственных отношений с другими странами и курс на мировую революцию (позднее «мировой революционный процесс»), причем то одна, то другая выходили на первый план. К этому надо добавить, что и отношения руководства Коминтерна с отдельными компартиями были тоже далеко не всегда гладкими, особенно в годы становления мирового коммунистического движения. Не была исключением и компартия Финляндии. Между тем в книге А. В. Смолина коминтерновская сторона проблемы почти не раскрыта. С учетом того, что многие документы Коминтерна и компартии Финляндии опубликованы, это сделать было бы вполне возможно. Конечно, мирный договор в Тарту в них почти не упоминается, но они помогли бы более всесторонне воссоздать ту атмосферу, которая доминировала во влиятельных кругах советского руководства в то время, его оценки происходящего в Финляндии.

Одним из наиболее интересных является вопрос о том, означало ли подписание мирных договоров Советской Россией с западными соседями в 1920—1921 годах ее присоединение к Версальской системе международных отношений. Среди исследователей нет единой точки зрения. По нашему мнению, Советская Россия продолжала считать борьбу против Версальской системы своей главной задачей в сфере международных отношений. Подписание мирных договоров с балтийскими государствами, Финляндией и даже с Польшей ничего не изменило. Некоторый сдвиг произошел лишь в 1934 году, когда СССР вступил в Лигу Наций. К сожалению, позиция А. В. Смолина по этому сюжету остается неясной.

Не раскрытым остался и вопрос о степени выполнения мирного договора обоими сторонами. Как нам представляется, ситуация была совсем не простой и нарушения имели место как со стороны РСФСР, так и со стороны Финляндии. Так, было бы целесообразно рассмотреть вопросы, выполняла ли Финляндия свои обязательства по пресечению деятельности белогвардейцев на своей территории и как оценивать финансирование Советским правительством через Коминтерн компартии Финляндии, основная масса членов которой находилась в эмиграции в СССР и которая продолжала деятельность с целью свержения государственного строя своей страны. Среди российских и зарубежных ученых существуют самые различные мнения по данным сюжетам, и то, что А. В. Смолин обходит их, вызывает сожаление. Вряд ли обоснованной является прямая связь между мирным договором 1920 года и войнами 1939—1940 и 1941—1944 годов. Эти войны были неотъемлемой частью Второй мировой войны и поэтому имели свою логику и динамику, далеко не всегда совпадавшую с основными тенденциями советско-финских отношений 1920—1930-х годов.

К числу замечаний относится неудачное использование пропагандистской терминологии 1920—1930-х годов. Так, с позиций сегодняшнего дня вряд ли правильно называть законное правительство Финляндии «белофиннами», ряд других оценок финской политики также некритически заимствован из тех времен.

Несмотря на дискуссионные моменты и отдельные недостатки, книга А. В. Смолина — несомненно важный шаг в исследовании сложных проблем международных отношений, возникших после окончания Первой мировой войны.

## **Об авторе**

**Константин Константинович Худoley**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

## **The author**

**Prof. Konstantin K. Khudoley**, Head of Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

---

# ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

## Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: [tikuznetsova@kantiana.ru](mailto:tikuznetsova@kantiana.ru) или [tikuznetsova@gmail.com](mailto:tikuznetsova@gmail.com)

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

## Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.



## **Общие правила оформления текста**

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

# BALTIC REGION

---

2021  
Volume 13  
№ 1

---

---

Kaliningrad :  
I. Kant Baltic Federal  
University Press, 2021.  
187 p.

The journal  
was established in 2009

*Frequency:*  
quarterly  
in the Russian and English  
languages per year

*Founders*  
Immanuel Kant Baltic  
Federal University  
Saint Petersburg  
State University

*Editorial Office*  
Address:  
14 A. Nevskogo St.,  
Kaliningrad, Russia, 236016

*Managing editor:*  
Tatyana Kuznetsova  
tikuznetsova@kantiana.ru  
Tel.: +7 4012 59-55-43  
Fax: +7 4012 46-63-13  
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal  
University, 2021

## Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Dr **Kari Liuhto**, University of Turku, Finland; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

## **CONTENTS**

---

### **THE ECONOMY OF THE NORTH-WEST PART OF RUSSIA**

---

*Tretyakova E. A., Noskov A. A.* Innovation performance of Russia's Northwestern regions: a comparative evaluation .....4

*Shastitko A. E., Ionkina K. A., Markova O. A., Morozov A. N.* Institutional approach to assessing the transition to a circular economy: the case of the Kaliningrad region..23

### **SOCIAL DEVELOPMENT IN THE BALTIC SEA REGION**

---

*Lachininsky S. S., Sorokin I. S.* Spatial structure and development of settlements in the Saint Petersburg agglomeration .....48

*Dvorak J.* Response of the Lithuanian municipalities to the First Wave of COVID-19.....70

*Fidrya E. S.* Cultural types and the perception of current environmental risks by local communities of the Baltic Sea region .....89

### **TOURISM IN THE BALTIC SEA REGION**

---

*Manakov A., Krasilnikova I., Ivanov I.* Geography of inbound tourism and transboundary tourism-and-recreation region-building in Sweden .....108

*Kondrateva S. V.* Project approach in transboundary tourism-and-recreation region building: the case of Karelia .....124

### **SOCIAL AND ECONOMIC PROCESSES IN THE EU MEMBER STATES**

---

*Palmowski T.* The European Union Strategy for the Baltic Sea Region and accomplishments.....138

*Pilipenko I.V.* The transition process and institutions: on the issue of the standard of living in the countries of Central and Eastern Europe — members of the European Union .....153

### **BOOK REVIEW**

---

"A New Brest" or partial stabilisation? Review of the book: Anatolij Smolin "New Brest". The Treaty of Tartu (Soviet Russia — Finland), 1920 (*K. K. Khudoley*) .....180

*Научное издание*

# **БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН**

—  
**2021**

**Том 13**

**№ 1**

Редактор *Е. Т. Иванова*  
Корректор *Е. А. Алексеева*  
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 19.04.2021 г.  
Формат 70 × 108 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Усл. печ. л. 16,3  
Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 4  
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта  
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6